

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВЛАДИМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА
СТОЛЕТОВЫХ»

На правах рукописи

СЕЛИВЕРСТОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ
«МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И
КИТАЙСКИХ СМИ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Н.В. Юдина**

Владимир 2017

Оглавление

Введение	3
Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ <i>ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПЛАНИРОВАНИЯ</i> КАК КОМПОНЕНТА <i>МЯГКОЙ СИЛЫ</i>	17
§1. Языковая политика как объект гуманитарного научного знания.....	17
§2. Языковая политика и языковое планирование в лингвистической науке: дефиниционный подход	34
§3. <i>Мягкая сила</i> как объект исследований в отечественной и зарубежной теории и практике	53
Выводы по первой главе	64
Глава II. <i>ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ</i> КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ <i>МЯГКОЙ СИЛЫ</i> В США.....	66
§1. Внутренняя языковая политика и планирование	66
§2. Внешняя языковая политика и планирование и <i>мягкая сила</i> США	79
§3. <i>Мягкая сила</i> в политическом дискурсе средств массовой информации США: лексико-семантический анализ.....	83
Выводы по второй главе	103
Глава III. <i>ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ</i> КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ <i>МЯГКОЙ СИЛЫ</i> В КНР.....	105
§1. Внутренняя языковая политика и планирование	105
§2. Внешняя языковая политика и планирование и <i>мягкая сила</i> Китая	114
§3. <i>Мягкая сила</i> в политическом дискурсе англоязычных средств массовой информации КНР: лексико-семантический анализ.....	119
Выводы по третьей главе	137
Глава IV. <i>ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ</i> КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ <i>МЯГКОЙ СИЛЫ</i> В РОССИИ	140
§1. Внутренняя языковая политика и планирование	140
§2. Внешняя языковая политика и планирование и <i>мягкая сила</i> РФ	160
§3. <i>Мягкая сила</i> в политическом дискурсе средств массовой информации РФ: лексико-семантический анализ.....	165
Выводы по четвертой главе	184
Заключение	186
Литература	192

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе все чаще вопросы социологии языка выходят за рамки теоретической науки в сферу практикоориентированных задач. Особую актуальность проблемы функционирования языка в обществе приобретают в многонациональном государстве, где вопросы языка (языков) зачастую выходят на первый план как в общественной, так и в политической жизни. Таким образом, государство неизбежно встает перед необходимостью проведения определенной языковой политики. При этом принципы, формы, цели и инструменты языковой политики каждого государства складываются под воздействием уникальной для каждого региона социолингвистической ситуации. Помимо социолингвистических проблем внутренней политики в последние годы все большую значимость приобретают вопросы языковой политики на международном (межгосударственном) уровне.

В современных геополитических условиях становления многополярного мира на первый план во многих сферах выходят США и Китай, что сопровождается, в том числе, распространением соответствующих языков в мире. При этом, для России, традиционно играющей роль связующего звена между «западной» и «восточной» цивилизацией, представляется целесообразным анализ опыта указанных государств в области формирования и реализации языковой политики и планирования.

Под термином *языковая политика и планирование* (далее – ЯПП) в настоящем исследовании понимается деятельность по планированию и реализации воздействий на язык и его функционирование в обществе, а также теоретические и идеологические предпосылки, лежащие в основе этой деятельности.

Языковая политика и планирование в XXI веке переживают серьезный подъем интереса со стороны целого ряда наук, о чем свидетельствует

значительное число диссертационных исследований, написанных в рамках нескольких научных специальностей в России, многочисленные монографии и статьи в зарубежной научной литературе, а также создание научных, общественных и политических организаций, занимающихся различными направлениями формирования и реализации языковой политики и планирования во всем мире.

Осмысление и систематизация созданной на сегодняшний день теоретико-методологической базы требует изучения трудов ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области языковой политики и языкового планирования. Лингвистические и социолингвистические основы изучения языковой политики были заложены в работах таких отечественных исследователей, как В.А. Аврорин [Аврорин 1975], В. Г. Гак [Гак 1989], Ю.Д. Дешериев [Дешериев 1977], М.И. Исаев [Исаев 1968], Н.Б. Мечковская [Мечковская 2000], Л.Б. Никольский [Никольский 1970], Е.Д. Поливанов [Поливанов 1929] А.Д. Швейцер [Швейцер 1978] и др. Существенный вклад в изучение теоретических и прикладных аспектов языковой политики и планирования внесли зарубежные ученые, в числе которых следует отметить R. Cooper [Cooper 1989], J. Crawford [Crawford 1992], D. Crystal [Crystal 1987], Ch. Ferguson [Ferguson 1971], J. Fishman [Fishman 1974], J. Tollefson [Tollefstone 2012], E. Haugen [Haugen 1959], D.C. Johnson [Johnson 2013], H. Kloss [Kloss 1969], S. Wright [Wright 2003] и др.

Для решения практикоориентированных задач необходимо осмысление эмпирических данных о реализации языковой политики. При этом интенсивность общественно-политической жизни так велика, что создание теоретической базы требует изучения постоянно изменяющейся политической обстановки и социолингвистической ситуации и с позиций синхронии. Прикладные исследования вопросов реализации языковой политики должны учитывать выводы и результаты, полученные современными исследователями, к числу которых относятся В.М. Алпатов [Алпатов 1994, 1997, 2013, 2014], К.В. Бахнян [Бахнян 2014], А.Н. Биткеева

[Биткеева 2014], М. В. Дьячков [Дьячков 1993], М.Н. Губогло [Губогло 1998], Е.Б. Гришаева [Гришаева 2006], О.И. Завьялова [Завьялова 2010], И.Г. Илишев [Илишев 2000], М.И. Исаев [Исаев 1982], В.Ю. Михальченко [Михальченко 1994], В.П. Нерознак [Нерознак 2000], И.В. Скачкова [Скачкова 2012, 2015], Д.Н. Тухватуллина [Тухватуллина 2007], А.И. Хамидуллина [Хамидуллина 2010], Н.В. Юдина [Юдина 2010], а также зарубежные исследователи: J.Crawford [Crawford 1992], M. Fettes [Fettes 2003], R. Ruiz [Ruiz 1995], D.C. Johnson, T.L. McCarty [Ethnography 2010], H.Schiffman [Schiffman 1996], M. Zhou [Zhou 2004] и др.

Вместе с тем наряду с описанными и хорошо изученными научным сообществом направлениями ЯПП внутри государства в условиях активной внешнеполитической деятельности наметилось и стремительно развивается новое направление языковой политики и планирования – *внешняя языковая политика*, связанная с распространением языка за пределами государства. Необходимость активных шагов в указанном направлении продиктована потребностью «продвижения» привлекательного образа государства как на внешнеполитической арене, так и в сознании рядовых граждан. Этот ресурс влияния и потенциал привлекательности нашел отражение в концепции *мягкой силы*. При этом относительная «молодость» указанной концепции выливается в большое количество самых разных, подчас противоречащих друг другу, подходов как к определению, так и к содержанию понятия *мягкая сила*. В существующем многообразии трактовок проявляется как междисциплинарный характер *мягкой силы*, так и сложность ее структуры, отдельные компоненты которой реализуются неодинаково в разных государствах. Сегодня *мягкая сила* представляет собой объект исследований на стыке политологии и истории (см. [Бояркина 2015], [Лебедева 2009], [Паршин 2013], [Песцов, Бобыло 2015], [Филимонов 2010], [Юдин 2015], [Kurlantzick 2007], [Melissen 2005], [Mingjiang Li 2009], [Перзенова 2012], [Лю Ц 2009], [Ярмак 2014]), семиотики (см. [Зевелёв 2006], [Якоба 2014], [Mattern 2005]) и лингвистики [Голобородько 2015], [Якоба, Тимофеев 2016].

С позиций лингвистики и лингвокультурологии *мягкая сила* рассматривается преимущественно как эффективный инструмент «перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти» [Голобородько 2015: 203]. «Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса» разрабатываются в трудах И. А. Якоба и С. С. Тимофеева [Якоба, Тимофеев 2016]. Такой подход отчасти созвучен теории речевого воздействия, рассматриваемой как «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения...» [Помырляну 2013: 71]. Однако изучение потенциала коммуникативного воздействия отнюдь не исчерпывает возможностей изучения *мягкой силы* с позиций лингвистики, которые до настоящего времени не становились отдельным объектом научного осмысления.

Так, в русле *семантики* изучение *мягкой силы* может помочь выявить структуру ассоциативно-семантического поля *мягкой силы* и его национальную специфику, характерную для отдельных государств; *социолингвистический* подход направлен на определение роли и места языка и ЯПП в концепции *мягкой силы*.

Диссертация представляет собой исследование языковой политики и планирования в России, США и Китае, включая определение места и роли распространения языка в структуре *мягкой силы*.

Актуальность темы исследования обусловливается остротой социально-лингвистических проблем как внутри современных многонациональных государств, к числу которых относится и Россия, так и появлением новых задач, стоящих перед ними в рамках глобализирующегося мирового пространства. Решение возникающих проблем невозможно без взвешенной *языковой политики* на основе теоретико-методологической базы, накопленной мировой социолингвистикой, и требует учета опыта *языковой политики и языкового планирования* других многонациональных и

лингвистически гетерогенных государств, описанного в данном исследовании на основе обширного фактического материала. Помимо *экстралингвистических причин* реферируемое исследование актуально и с *собственно лингвистических позиций* ввиду того, что предпринятое в настоящей работе описание *внешней языковой политики и планирования* проведено с учетом национальной специфики *мягкой силы*, выявленной на основе анализа новейшего языкового материала, извлеченного из русскоязычных СМИ РФ и англоязычных СМИ КНР и США, изданных в период 2005-2017 гг.

Об актуальности вопросов *языковой политики и планирования* свидетельствует значительное число диссертационных исследований, написанных в течение двух последних десятилетий в рамках различных научных специальностей в Российской Федерации, многочисленные монографии и статьи в зарубежной научной литературе, а также создание научных, общественных и политических организаций, занимающихся различными направлениями языковой политики и планирования в мировом сообществе. Лингвистические и социолингвистические основы изучения *языковой политики* были заложены в работах таких отечественных исследователей, как В.А. Аврорин, В.Г. Гак, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, Н.Б. Мечковская, Л.Б. Никольский, Е.Д. Поливанов, А.Д. Швейцер и др. Существенный вклад в изучение теоретических и прикладных аспектов языковой политики и планирования внесли зарубежные ученые, включая R. Cooper , J. Crawford , D. Crystal , Ch. Ferguson , J. Fishman , J. Tollefson , E. Haugen , D.C. Johnson , H. Kloss , S. Wright и др. Однако при значительном числе работ, посвященных изучению теоретических и прикладных аспектов *языковой политики* – в целом и *внутренней языковой политики* – в частности, вопросы внешней языковой политики не становились объектом локального анализа и специального монографического описания.

Объектом настоящего исследования является внешняя языковая политика как компонент комплексного понятия *языковая политика и*

планирование, рассматриваемые в контексте политики *мягкой силы* на материале Российской Федерации, Китая и США в XXI веке. Выбор в качестве объекта исследования языковой политики указанных государств обусловлен следующими причинами: 1) все три страны представляют собой крупные многонациональные и лингвистически гетерогенные государства и, следовательно, стоят перед рядом схожих проблем внутренней языковой политики; 2) указанные государства являются важными «игроками» на внешнеполитической арене, что свидетельствует о необходимости проведения сбалансированной внешней языковой политики; 3) анализируемые государства, будучи республиками по форме государственного устройства, представляют собой различные политические режимы и различаются схемой организации государственной власти, что неизбежно накладывает отпечаток на цели языковой политики, ее инструменты и методы реализации.

При этом в качестве **предмета исследования** выступают социолингвистические условия формирования и практическая реализация *языковой политики* РФ, США и КНР, в том числе *внешней языковой политики* как инструмента *мягкой силы*.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы представить комплексную характеристику *языковой политики и планирования* РФ, США, КНР как инструмента реализации *мягкой силы* в современном политическом дискурсе на материале анализа российских, американских и китайских средств массовой информации.

В процессе исследования ставились и решались следующие **задачи**:

- 1) исследование внутренней *языковой политики и планирования* (ЯПП) каждого из государств (России, США, Китая) по следующей схеме: ЯПП в области статуса, ЯПП в области корпуса, ЯПП в области обучения языку;
- 2) выявление целей, субъектов, объектов и инструментов *языковой политики и планирования* для каждого государства;

- 3) исследование целей, субъектов, объектов и инструментов внешней *языковой политики и планирования* РФ, США, КНР в рамках политики *мягкой силы*;
- 4) изучение национальной специфики концепции *мягкой силы* методами лексико-семантического анализа и описания ассоциативно-семантического поля понятия *мягкая сила* на материале средств массовой информации, изданных в США, КНР и РФ в период с 2005 по 2017 гг.;
- 5) определение места языка в структуре ассоциативно-семантического поля *мягкой силы* и *потенциала внешней ЯПП* с учетом как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Теоретическую основу диссертационного сочинения составили работы, посвящённые изучению языковой политики России (В.М. Алпатов, А.Н. Биткеева, Е.Б. Гришаева, М.Н. Губогло, М.В. Дьячков, М.И. Исаев, В.Ю. Михальченко, В.П. Нерознак, Н.В. Юдина и др.), Китая (О.И. Завьялова, А.А. Москалёв, М. Zhou), США (J. Crawford, D.C. Johnson, H.L. Mencken), а также труды, направленные на изучение *мягкой силы*, в том числе в контексте лингвистики и социолингвистики (А.В. Будаев, А.Ю. Голобородько, П.Б. Паршин, И.А. Якоба, Y. Fan, J. Kurlantzick, J.B. Mattern, J.S. Nye). **Методологической базой** исследования является положение о тесной связи языка с мышлением и с обществом, реализующейся в системе социокультурных кодов языка, а также в потенциале его манипулятивного воздействия на сознание языковой личности.

Эмпирическую базу исследования составляют следующие источники:

- 1) статистические и социологические данные, характеризующие социолингвистическую ситуацию в изучаемых государствах;
- 2) исторические документы и свидетельства, позволяющие изучить языковую политику с позиций диахронии;
- 3) нормативно-правовая база, лежащая в основе языковой политики, необходимая для ее исследования с позиций синхронии;

4) материалы новейших русскоязычных и англоязычных СМИ как источник фактологических и лингвистических данных (электронные издания следующих газет и их приложений, изданных за период с 2005 по апрель 2017 года в Российской Федерации («Аргументы и факты», «Ведомости», «Известия», «Коммерсант», «Российская газета» (710 расширенных контекстов)), в США («Washington Post», «New York Times» (982 расширенных контекстов)) и в Китае («News.cn», «Shanghai Daily», «China Daily» (778 расширенных контекстов)).

Корпус **методов и приемов**, используемых в работе, включает в себя общенаучные и лингвистические методы. К *общенаучным* методам следует отнести 1) индуктивный метод (используемый для обобщения многочисленных эмпирических и фактических данных), 2) дедуктивный метод, 3) описательный метод (необходимый для комплексной характеристики языковой политики), 4) сравнительно-сопоставительный метод (используемый при анализе сходств и различий в подходах государств к вопросам *языковой политики и планирования*). Среди *лингвистических* методов наиболее уместными оказались методы корпусной лингвистики (отбор контекстов, анализ конкордансов и исследование частотности) и лексико-семантического анализа, а также контекстологический (дистрибутивный) метод, позволивший через фрагменты текстов СМИ выявить семантику понятия *мягкая сила*, являющегося ключевым для понимания целей, задач и методов *внешней ЯПП*. В рамках *описательного* метода использованы приемы наблюдения и интерпретации, классификации и систематики анализируемых языковых явлений.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем 1) представлено комплексное описание *языковой политики и планирования* в РФ, США, КНР, включающее характеристику *внешней ЯПП* как инструмента *мягкой силы*; 2) впервые представлена попытка лингвистического анализа конструкции *мягкая сила* и выявлены некоторые общие и национально обусловленные факторы в восприятии указанного

понятия в современном политическом дискурсе русскоязычных и англоязычных средств массовой информации РФ, КНР и США. Кроме того, благодаря привлечению к анализу новейшего языкового материала намечены некоторые новые тенденции, иллюстрирующие взаимодействие интра- и экстралингвистических факторов реализации *языковой политики и планирования* в современных социополитических условиях.

Теоретическая значимость проведённого исследования предопределена его актуальностью и новизной и заключается в следующем:

- 1) диссертационное сочинение вносит определенный вклад в существующую теорию комплексного понятия *языковая политика и планирование*;
- 2) выводы, полученные в результате анализа *языковой политики и планирования* России, США, Китая, являются основанием для теоретического осмысления и описания типов *языковой политики и планирования* в многонациональном государстве;
- 3) лексико-семантический анализ понятия *мягкая сила*, выполненный на основе значительного нового языкового материала, может служить источником информации о национальной специфике восприятия *мягкой силы*, а также о системе значений указанного полисеманта.

Практическая значимость работы состоит в том, что

- 1) систематизированные эмпирические и фактические данные о практической реализации и типологии *языковой политики* могут использоваться в теоретических курсах по теории языка, общему языкознанию, социолингвистике, а также смежным научным гуманитарным дисциплинам, таким как политология, социология и др.;
- 2) материал исследования может быть использован студентами для подготовки к практическим и семинарским занятиям, выступлениям на студенческих научных конференциях, а также для написания курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, посвященных современной языковой картине мира и языковой ситуации XXI века;
- 3) результаты лексико-семантического анализа могут стать основой

лингвистической информации, необходимой для включения конструкции *мягкая сила* в русскоязычные и англоязычные лексикографические источники; 4) результаты настоящего исследования могут быть учтены при выработке практических рекомендаций по формированию и реализации *языковой политики* в рамках концепции *мягкой силы*.

На защиту выносятся следующие положения:

1. *Языковая политика и планирование* как объект социолингвистического исследования обладает сложной структурой, которую можно представить следующим образом: 1) внутренняя ЯПП: языковая политика и планирование в области статуса, корпуса, обучения языку; 2) внешняя ЯПП, направленная на распространение языка за пределами государства. Каждый из указанных компонентов характеризуется своим набором целей, субъектов, объектов и инструментов.

2. Внимание к вопросам внешней ЯПП обусловлено потребностями политики *мягкой силы*. Изучение *мягкой силы* как междисциплинарного объекта исследований не может быть полным без применения лингвистического подхода к разработке соответствующей концепции. Национальная специфика *мягкой силы* государства может быть выявлена не только на основании фактических и документальных данных как свидетельства ее реализации, но и на основании методов семантического анализа, включающих в себя синтагматический, парадигматический анализ и изучение ассоциативно-семантического поля.

3. *Источник и ареал воздействия* являются ключевыми компонентами в семантической структуре *мягкой силы* всех трех государств. При этом специфика *мягкой силы* США раскрывается через противопоставление жесткой силе по методам влияния при единстве целей. Для *мягкой силы* Китая характерно использование инструментов культуры и выраженный деятельностный подход к ее развитию и продвижению. Национальная специфика *мягкой силы* России находится в процессе формирования, при этом появление в ассоциативно-семантическом поле,

наряду с *культурой*, таких компонентов, как *язык и образование*, позволяет говорить о становлении в России *мягкой силы*, основанной на гуманитарных ценностях и потенциале внешней ЯПП как ее инструмента.

4. Дефиниционные особенности *мягкой силы* демонстрируют два подхода к трактовке понятия: 1) *мягкая сила* как ресурс привлекательности и 2) *мягкая сила* как ресурс воздействия. Приверженность каждому из указанных подходов накладывает отпечаток на синтагматические и парадигматические особенности функционирования конструкции в государственном и политическом дискурсе.

5. Использование *внешней языковой политики* в качестве инструмента *мягкой силы* как ресурса привлекательности обусловлено воздействием концептосферы языка и национально-языковой картины мира на систему социокультурных кодов изучающих язык, вместе с тем использование *внешней языковой политики* в качестве инструмента *мягкой силы* как ресурса воздействия обусловлено манипулятивным потенциалом речевого воздействия, которое в сочетании с информационной политикой может существенно влиять на сознание, а также на систему убеждений и ценностей языковой личности, владеющей или изучающей язык.

Апробация работы осуществлена в ходе выступлений на конференциях *международного* (VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (МИИЯ, РАН, Москва, 2011 г.), V Международный конгресс исследователей русского языка (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 2014 г.), I Международная научная конференция «Многомерные миры языка» (РУДН, г. Москва 28 октября 2015 г.), III Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике» (МГИМО МИД России 24–25 марта 2017 г.), Международные научные конференции «Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации образовательных процессов» (ВлГУ, Владимир, 2010, 2011, 2013 гг.)) и *регионального* (ежегодные студенческие конференции ВлГУ, г. Владимир,

2012, 2013, 2014 гг., Круглый стол «Историко-культурные связи современного общества: состояние, перспективы, развитие» (ВИБ, Владимир, 2014г.)) уровней.

По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 5 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

- 1. Селиверстова, О.А. Билингвальное образование как неотъемлемый компонент языковой политики современной России / О.А. Селиверстова // Научное мнение. – СПб., 2014. – №5. – С. 187-192.**
- 2. Селиверстова, О.А. К вопросу о дефиниционных различиях понятий «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и зарубежной лингвистике / О.А. Селиверстова // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2014. – №10 (95). – С. 8-12.**
- 3. Селиверстова, О.А. Внешняя языковая политика как неотъемлемый компонент концепции «мягкой силы»: сравнительно-сопоставительный аспект / О.А. Селиверстова // Вестник МГОУ. – М., 2015. – №4 – С. 232-240.**
- 4. Селиверстова, О.А. Языковая политика в области нормирования и кодификации: сравнительно-сопоставительный аспект / О.А. Селиверстова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – Тамбов, 2015. – № 4 (58) – С. 60-68.**
- 5. Селиверстова, О.А. Конструкция «мягкая сила» в современной дискурсивной практике (на материале анализа англоязычных СМИ США и КНР / О.А. Селиверстова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №3(69) ч.2 – С. 153-157.**

6. Селиверстова, О.А. Некоторые аспекты преподавания иностранного языка в контексте языковой политики России / О.А. Селиверстова // Материалы международной научной конференции «Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации образовательных процессов». – Владимир: Издательство ВлГУ, 2010. – С. 35.
7. Селиверстова, О.А. Вопрос о статусе английского языка в языковой политике США // Материалы VI международной научной конференции «Язык, культура, общество». – М.: РАН, ИИЯ, 2011. – С. 327.
8. Селиверстова, О.А. Английский как международный язык: предпосылки и перспективы/ О.А. Селиверстова // Материалы II международной научной конференции «Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации образовательных процессов». – Владимир, 2011. – С. 264.
9. Селиверстова, О.А. Языковая политика университета в контексте модернизации образования: анализ нормативно-правовой базы / О.А. Селиверстова // Материалы III международной научной конференции «Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации образовательных процессов». – Владимир, 2013. – С. 73-78.
10. Селиверстова, О.А. Государственно-правовое регулирование отношений в сфере языковой политики Российской Федерации: проблемы и противоречия / О.А. Селиверстова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 640-641.
11. Селиверстова, О.А. Лексикография Китая в контексте языковой политики: диахронический аспект / О.А. Селиверстова // Многомерные

миры молодой науки. Сборник статей международной научной конференции «Многомерные миры языка» (Москва, 28 октября 2015 г.) – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов (РУДН), 2015. – С. 95-104.

Глава I.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПЛАНИРОВАНИЯ
КАК КОМПОНЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ

§1. Языковая политика как объект гуманитарного научного знания

Языковая политика и планирование как объект исследования включает в себя широкий спектр вопросов, находящихся на стыке разных наук. Междисциплинарный характер заявленной темы отвечает общей тенденции в современной науке к интегрированию знания, полученного в различных областях, к возникновению так называемых «стыковых» научных направлений. Именно комплексный теоретически обоснованный подход может обеспечить необходимую степень проработки вопросов и проблем, лежащих в области практической реализации. В этой связи представляется необходимым описать подходы к изучению языковой политики в современной науке, включая смежные с лингвистикой области знаний.

Выработка языковой политики, несомненно, требует вдумчивого взвешенного подхода, опирающегося, в первую очередь, на базовые понятия философии. Философские основания исследований в области языковой политики включают в себя вопросы, связанные с происхождением языка, местом в этом процессе человека и общества, с трактовкой языка как системы и как явления, а также с оценкой возможности и степени воздействия человека и общества на эту структуру.

«Лингвистический поворот» в философии XX века, у истоков которого стояли «классики» аналитической философии Л. Витгенштейн [Витгенштейн 1994], Д. Мур [Мур 1998], Б. Рассел [Рассел 2002], Г. Фреге [Фреге 1977], привел «к переосмыслению и активному использованию в теоретических и практических разработках во всех социально-гуманитарных науках таких теперь базовых социально-философских концептов, как «язык»,

«коммуникация», «дискурс», «референция», «интерпретация», «интерсубъективность», «интеракция» и др.» [Зайцев 2014]. При этом различают два понятия – «лингвистический поворот» и «поворот к языку» как проявления двух фундаментальных интерпретаций языка в XX веке, исходящих из разных предпосылок» [Станкевич 2009: 115]. Первый рассматривает язык в качестве предмета философии и предполагает главным образом изучение проблем референции. «Поворот к языку» связан со смещением акцента с изучения языка как сущности на рассмотрение его «как существование, деятельность» и анализ феноменов языка «в их конкретной временной представленности» [Станкевич 2009: 115]. Однако описанным событиям предшествовал долгий путь становления философии языка, в разное время по-разному решающей интересующий нас круг вопросов.

Проблема генезиса языка представляется одним из фундаментальных вопросов философии, восходящих к античной философии, когда наметились две основные теории, подробно представленные в диалоге «Кратил» Платона: возникновение языка «по природе» и «по соглашению» [Платон 1968]. Последняя впервые ставит вопрос о возможности воздействия общества на язык; вводится понятие *номотет* – законодатель, дающий имена. Дальнейшее развитие и усложнение указанных теорий привело к двум направлениям схоластической философии: реализму и номинализму.

Мысль об общественном договоре как источнике генезиса языка была впервые высказана английским философом Томасом Гоббсом в 1651 г. в труде «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [Гоббс http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html] и впоследствии развита Ж.Ж. Руссо, дополнившими ее описанием поэтапного возникновения языка от теории выкриков к теории общественного договора [Руссо 1998].

Серьезный поворот в восприятии и осмыслении языка произошел под воздействием взглядов В. фон Гумбольдта, понимающего язык «как деятельность, речевое поведение, создающее постоянно возрастающую

совокупность высказываний, в которой живут и воплощаются дух наций, и язык как то «высшее и тончайшее», в котором выражено своеобразие и индивидуальность духа народа» [Якушин 1984]. «Дух народа», по мысли В. фон Гумбольдта, есть «высший принцип», обусловивший различие языков и их специфику и, вместе с тем, нуждающийся в выражении и объяснении посредством языка [Гумбольдт 1984].

Идеи Гумбольдта нашли свое продолжение в трудах многих исследователей. Так, в частности, мысль В. фон Гумбольдта о влиянии языка на отношение к объективной действительности нашла свое отражение в концепции лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Ли Уорфа. По мысли Э. Сепира, язык представляет собой продукт коллективного взаимодействия в процессе общения и в определенной степени обуславливает специфику культуры общества и способы познания индивида. При этом способ взаимодействия народов и языков менялся в ходе исторического развития от естественного взаимного влияния и поглощения одних языков другими до репрессивной политики, связанной с усиленным подчеркиванием «роли языка как символа политической лояльности в современном мире» [Сепир 1993: 246]. Его идеи оказали важное влияние на дальнейшее развитие социолингвистики и этнолингвистики.

Определенную роль в развитии лингвистики и смежных наук сыграли идеи немецкого лингвиста А. Шлейхера. Трактовка языка как живого организма, развитие которого происходит помимо человеческой воли, изучение исторического развития языков привело А. Шлейхера к теории «котлового развития языков», согласно которой генетическое родство языков имеет большее влияние на их развитие, нежели культурная общность. Так, он приходит к выводу о том, что «чем восточнее живет народ, тем на более древнем уровне остался его язык, и чем западнее, тем менее древних черт и более новообразований он содержит» (цит. по: [Звегинцев 1964: 190]).

К натуралистическому направлению в философии относятся также исследования Ф. де Соссюра, по мысли которого язык развивается согласно

объективным законам, являющимся внешними по отношению к психике человека, а организация языка отвечает естественным закономерностям. Фердинанд де Соссюр трактует язык как целостную систему, не подверженную воздействиям со стороны человека и общества: «Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть (*telle qu'elle*)» [Соссюр 1999: 74]. Утверждение о необходимости изучения языка «как он есть» без учета исторического развития свидетельствует о «совершенно абсолютной и не терпящей компромисса противоположности синхронии и диахронии» [Зубкова 2001: 27].

В отличие от Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэн де Куртене подчеркивал социальную природу языка и утверждал необходимость опоры в лингвистических исследованиях на психологию и социологию: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную» ([цит. по: [Виноградов 1964: 14]]). Более того, ему была близка мысль «о возможности и целесообразности организованной сознательной политики в области языка» [Виноградов 1964: 11], а также о допустимости международного языка в качестве вспомогательного средства коммуникации. Кроме того, Бодуэн де Куртене не противопоставлял синхроническую и диахроническую лингвистику, считая целесообразным «рассматривать состояния языка в известный момент в связи с полным его развитием» [Зубкова 2001: 27].

Идеи И.А. Бодуэна де Куртене получили дальнейшее развитие в трудах Е.Д. Поливанова, который, продолжая мысль о целенаправленном воздействии человека и общества на язык, переосмыслил задачи, стоящие перед лингвистами. По его мнению, лингвист слагается из специалиста в четырех сферах: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности; 2) из языкового

политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего; 3) из «общего лингвиста» и в частности лингвистического историолога; 4) из историка, культуры и конкретных этнических культур [Поливанов 1931: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/polivan/poliv1.htm>]. По сути, Е.Д. Поливанова можно считать автором термина *языковая политика* в отечественной лингвистике, давшим начало сложной и очень перспективной междисциплинарной области знаний.

Языковая политика как междисциплинарный объект исследований в современной науке

Внимание к языку как объекту исследования сопровождалось возникновением целого ряда новых разделов лингвистики и смежных наук (социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, психолингвистика, лингвополитология и др.). Указанные процессы обусловили появление междисциплинарных проблем, рассматриваемых под разным углом зрения в рамках различных наук. К таким вопросам, несомненно, относятся *языковая политика и языковое планирование*.

Философское осмысление языковой политики, в том числе *языковой политики* в области образования как категории социальной философии, представлено, к примеру, в трудах Л.П. Загорулько [Загорулько 2012]. По ее мнению, «необходим комплексный анализ языка ... с позиций социально-философской методологии» [Загорулько 2010: 233]. Именно с позиций социальной философии анализирует языковые коммуникации в своем диссертационном исследовании Д.В. Телегин [Телегин 2008].

Вместе с тем, круг вопросов, входящих в область изучения языковой политики, включает в себя и проблемы корпуса языка и его «жизни» в обществе. В этой связи интересно исследование профессора А.В. Кравченко, который рассматривает вопросы экологии языка в контексте эпистемологии, а экологический подход к языку как способ «понять влияние общественной

языковой практики на характер и особенности онто- и филогенеза человека» [Кравченко 2014: 96].

Философское осмысление роли и места языка в культуре управления представлено в трудах Н.И. Безлепкина [Безлепкин 2010], отмечающего, что «язык в отечественной философии языка всегда рассматривался как мощный лингвокультурный фактор, способствующий укреплению российской государственности и национального самосознания» [Безлепкин 2010: 11].

Связь и взаимодействие языка и государства охватывает широкий круг вопросов политологии.

В политологии можно выделить, по меньшей мере, два подхода к изучению и анализу языка: язык как инструмент реализации политической власти и язык как объект воздействия политики. Теоретический анализ форм и способов взаимодействия языка и политики, а также функционирования политико-языковых отношений представлен в исследовании Л.М. Мухарямовой [Мухарямова 2004].

Стоит отметить, что большая часть современных политологических исследований изучает отношения общества и языка именно с позиций инструментального подхода. Так, язык как инструмент власти рассматривается в работах К.С. Гаджиева по политологии и геополитике [Гаджиев 2000, 2001], считающего, что в русле герменевтической традиции необходимо «определить, вычленив и уточнить языковые формы, категории и понятия политологии» [Гаджиев 2001: 38]. Анализ политического дискурса и технологий манипулирования стал основой диссертационного исследования Н.Э. Гронской [Гронская 2005].

Особенности политического дискурса как объекта лингвополитологии описаны в статье В.А. Масловой [Маслова 2008]. Вступая с ней, а также с другими политологами, трактующими понятия *лингвополитология* и *политическая лингвистика* как синонимичные, в полемику, А.В. Зайцев считает необходимым разграничивать указанные понятия, поскольку «политическая лингвистика примитивизирует и обедняет свою политико-

политологическую составляющую, сводя цель политической деятельности субъектов политики исключительно к борьбе за власть» [Зайцев 2012].

Вместе с тем, языковая политика, часто выступая как одно из направлений политики, не может игнорировать общие принципы внутренней и внешней политики, а также международных отношений.

Прикладные аспекты языковой политики РФ, а также типы государственной языковой политики в полиэтническом пространстве рассматриваются в диссертационных исследованиях Г.Ц. Гунжитовой [Гунжитова 2011] и Е.Н. Калининой [Калинина 2006]. Политико-правовые основы функционирования русского языка на постсоветском пространстве в социальном, политологическом, культурологическом и юридическом аспектах описаны в диссертационном исследовании В.В. Фадеева [Фадеев 2004].

Рассматриваемые в указанных трудах проблемы затрагивают один из наиболее актуальных вопросов современных исследований, находящихся на стыке политологии и юриспруденции, а именно «соотношение языкового (этнокультурного) разнообразия и демократии, индивидуальных и групповых прав (соответственно – языковых обязанностей) на языковую самобытность и всей системы прав и свобод человека и гражданина» [Мухарямова 2004].

Языковая политика страны всегда тесно связана с законодательством. С одной стороны, она должна быть основана на существующей законодательной базе, а с другой, – как правило, централизованная языковая политика реализуется через систему нормативно-правовых актов. Более того, в ряде случаев законодательное регулирование является наиболее действенным и часто используемым инструментом языковой политики. Таким образом, вопросы правового обеспечения и формирования языковой политики государства становятся объектом изучения *юриспруденции*.

В теории права исследуются вопросы языкового законодательства, анализируются законы различного уровня, рассматривается соответствие законов и нормативно-правовых актов регионального и федерального

уровней, вырабатываются основания для гармонизации и совершенствования правовой базы. Одним из наиболее востребованных вопросов в современных исследованиях является анализ нормативно-правовой базы функционирования языков РФ.

Конституционно-правовые основы государственной языковой политики, а также законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации в разное время были описаны в кандидатских диссертационных исследованиях Л.Н. Васильевой [Васильева 2004], П.М. Воронцового [Воронцовский 2009], Е.М. Доровских [Доровских 2005] Н.В. Ляшенко [Ляшенко 2004], В. В. Ромашкина [Ромашкин 1999] и др.

Следует, однако, отметить, что нормативно-правовая база языковой политики является крайне «подвижной» областью знаний, содержание которой в связи с пристальным вниманием к вопросам языка в стране, находится в постоянном изменении. Вместе с тем, в диссертационных исследованиях по юриспруденции последних лет тема правового обеспечения языковой политики встречается нечасто. В то же время серьезный интерес к этой теме отмечается со стороны целого ряда лингвистов на протяжении всей истории развития отечественной социолингвистики (см., к примеру, работы В.М. Алпатова [Алпатов 1997], А.Н. Биткеевой [Биткеева 2003, 2014], Т.Г. Боргояковой [Боргоякова 2014], М.И. Исаева [Исаев 1994], Д.А. Катунина [Катунин 2009], В.П. Нерознак [Нерознак 2000, 2001], Б.Д. Цыренова [Цыренов 2014] и др.). Взаимодействие лингвистики и юриспруденции способствовало появлению таких смежных и востребованных в настоящее время дисциплин, как *юрислингвистика* и *лингвоюрисдика* [Голев 1999].

Реализация ЯПП всегда опирается на систему образования как один из основных путей реализации выработанных и законодательно оформленных концепций. Именно система образования первой испытывает на себе любое изменение социолингвистической ситуации и любые меры воздействия на

корпус языка и его функционирование в обществе. Поэтому лингводидактика является важнейшей областью реализации прикладных аспектов ЯПП.

Языковая политика и планирование, будучи основанными на нормативно-правовой базе и определяемые политическими интересами и задачами государства, реализуются, в первую очередь, через систему образования. Этим объясняется внимание исследователей к вопросам *лингводидактики* и *языкового образования*. Основные вопросы обучения языку в рамках ЯПП, так или иначе, относятся к одной из следующих групп: 1) выбор языка (языков) для изучения в качестве родного; 2) выбор языка (языков) для изучения в качестве иностранного; 3) выбор языка (языков) преподавания; 4) соблюдение языковых прав представителей национальных меньшинств; 5) организационные основы языкового образования.

В многоязычном поликультурном обществе на первый план часто выходят вопросы билингвизма и билингвального образования, которая включает в себя целый комплекс вопросов и решается по-разному в различных обществах.

Теоретические и прикладные проблемы билингвизма описаны в трудах Г.М. Вишневской [Вишневская 1997, 2016]. Всесторонний анализ подходов к билингвальному образованию на основе достижений отечественной и зарубежной науки представлен в исследованиях А.Г. Ширина [Ширин 2006, 2007].

Теоретическим основам билингвального образования, методическим, педагогическим и организационным подходам к его реализации в средней школе посвящены, к примеру, научные труды Р. Алиева и Н. Каже [Алиев 2005], Н.И. Марченко и В.В. Сафоновой [Сафонова 2010], Н.Е. Сорочкиной [Сорочкина 2000] и др.

Билингвальное образование в высшей школе с разных точек зрения анализируется в работах И.В. Алексащенко [Алексащенко 2000], Н. А. Качалова и Р.С. Полесюк [Качалов 2006].

Вопросам подготовки педагогических кадров в контексте языковой политики посвящено диссертационное исследование М.В. Чилингарян [Чилингарян 2011]. Проблемы и политика в системе языкового образования в вузах детально описаны в докторском диссертационном исследовании Н.А. Мыльцевой [Мыльцева 2008].

С учетом результатов исследований в рамках представленных в текущем обзоре наук анализируется языковая политика и в сфере *социолингвистики*.

Опираясь на теоретические и эмпирические данные смежных наук, социолингвистика изучает следующий круг вопросов:

1) Теоретико-методологические основы языковой политики разрабатывались в научных трудах целой плеяды выдающихся отечественных лингвистов: В.М. Алпатова [Алпатов 1997], В.Г. Гака [Гак 1989], Ю.Д. Дешериева [Дешериев 1977], М.И. Исаева [Исаев 1968, 1982], Н.Б. Мечковской [Мечковская 2000], В.Ю. Михальченко [Михальченко 2006], Л.Б. Никольского [Никольский 1970], А.Д. Швейцера [Швейцер 1971, 1978, 1990] и др.

Признавая большую научную значимость трудов отечественных лингвистов, нельзя обойти стороной вклад зарубежных социолингвистов в разработку теории языковой политики и планирования: J. Crawford [language Loyalties 1992], D. Crystal [Crystal 1987, 2004], Ch. Ferguson [Ferguson 1971], M. Fettes [Fettes 2003], J. Fishman [Fishman 1972], E. Haugen [haugen 1959], H. Kloss [Kloss 1969, 1998], S. Wright [Wright 2003]. Отдельно хотелось бы отметить монографии D.C. Johnson, обобщающие и анализирующие накопленную теоретико-методологическую базу исследований в области языковой политики и планирования с точки зрения современной науки и актуальных проблем социолингвистики [Johnson 2013, 2015].

2) Практическая реализация языковой политики и языкового планирования в разных государствах, а также изучение специфических языковых ситуаций многократно становились объектом научного анализа.

Рассмотрим наиболее значимые исследования, относящиеся к государствам, языковая политика которых находится в центре внимания настоящей работы: России, США, Китаю.

Языковая политика и планирование РФ с позиций синхронии и диахронии исследуется отечественными социолингвистами по разным направлениям:

Нормативно-правовая база языковой политики с точки зрения реализации политики в области статуса и корпуса языка описана в научных и аналитических работах В.М. Алпатова [Алпатов 1994], М.В. Дьячкова [Дьячков 1993], В. П. Нерознака, М. В. Орешкиной, Р. Б. Сабаткоева [Нерознак 2001].

Национально-языковая политика в условиях многоязычного государства является одной из наиболее острых тем в теории и практике реализации языковой политики. Большое значение в разработку указанной проблемы внес В.М. Алпатов [Алпатов 1997]. Его монография «150 языков и политика: 1917 – 2000» посвящена диахроническому анализу языковой ситуации и языковой политики в СССР и постсоветской России. В работе рассматриваются вопросы функционирования языка в многоязычном обществе, а также представлен детальный обзор языковой политики и языкового планирования в республиках бывшего СССР после его распада. В статье М.В. Дьячкова «Языковая политика в современной России» [Дьячков 1993] представлен обзор основных положений Закона «О языках народов Российской Федерации», проанализированы некоторые вопросы языковой политики России в начале 90-х годов XX века, а также проблемы национальных языков республик и миноритарных языков РФ. Кроме того, следует отметить исследования в области политики в многонациональных обществах в условиях глобализации М.Н. Губогло [Губогло 1993, 1998], Л.М. Дробижевой [Дробижева 2015], Е.С. Гриценко и А.В. Кириллиной [Гриценко 2014] и др. Проблемы сохранения и развития национальных языков, а также мероприятия ЯПП на федеральном и республиканском

уровнях, направленные на решение указанных задач, рассмотрены в научных трудах Г.А. Дырхеевой (Бурятия) [Дырхеева 2014], Т.Т. Камболова (Северная Осетия) [Камболов 2007], М.Р. Овхадова (Чечня) [Овхадов 2001], А.И. Темирболатовой (Северный Кавказ) [Темирболатова 2012], Д.Н. Тухватуллиной [Тухватуллина 2007], А.И. Хамидуллиной [Хамидуллина 2010] (Татарстан) и др. Отдельного внимания заслуживают многочисленные труды А.Н. Биткеевой [Биткеева 2003, 2014], посвященные как отдельным вопросам национально-языковой политики и функционирования калмыцкого языка, так и комплексным проблемам языкового законодательства и языковой ситуации на территории РФ.

Языковая политика в советской и постсоветской России нашла отражение в работах таких отечественных специалистов, как В.М. Алпатов [Алпатов 2014], К.В. Бахнян [Бахнян 2014], М.В. Дьячков [Дьячков 1993]; В.П. Нерознак [Нерознак 2002], Л.Б. Никольский [Никольский 1976], В.Солнцев и В.Ю. Михальченко [Солнцев, Михальченко 2000], [Михальченко 2010].

Изменение роли и места русского языка в России и за ее пределами в контексте языковой политики можно проследить на основе работ, посвященных синхронному освещению проблемы и написанных отечественными лингвистами в разные периоды XX – XXI вв. (см., к примеру, исследования М.И. Исаева [Исаев 2007], В.Г. Костомарова [Костомаров 1969], М.А. Кронгауза [Кронгауз 2007], А.Е. Пьянова [Пьянов 2011], Е.П. Чельшева [Чельшев 1997], Н.В. Юдиной [Юдина 2010]) и др.

В конце XX – начале XXI века интенсивные изменения в русском языке вызвали целый ряд научных исследований, посвященных изучению этих изменений, а также их причин, которые обычно связаны как с закономерными процессами развития языка, так и с различными аспектами ЯПП государства. К наиболее значительным исследованиям процессов, происходящих в современном русском языке на всех его уровнях, включая фонетику, грамматику и лексику, можно отнести работы Е.А. Земской

[Земская 1996], Н.В. Л.П. Крысина [Крысин 2000], Н.В. Юдиной [Юдина 2010]) и др.

Языковая политика и планирование в США

Комплексное описание ЯПП США представлено в работе «Sociopolitical Perspectives on Language Policy and Planning in the USA», выполненной под редакцией трех авторов – Thom Huebner, Kathryn Anne Davis, Joseph Lo Bianco [Sociopolitical Perspectives 1999], каждый из которых является выдающимся специалистом в вопросах теоретического и эмпирического описания языковой политики и языкового планирования. Анализ социолингвистической ситуации и языковой политики США представлен в работах J.Crawford [Language Loyalties 1992], R. Ruiz [Ruiz 1995]. Компаративистский подход к описанию языковой политики США в сравнении с аналогичной политикой Франции и Индии лег в основу работы Н. Schiffman «Linguistic Culture and Language Policy» [Schiffman 1996].

Языковой политике в области образования, в частности, вопросам билингвального образования в США, посвящены работы Р. Kloss [Kloss 1998] и С.Ж. Ovando [Ovando 2003]. Т. Л. McCarty [Ethnography 2010] анализирует политику по отношению к коренным народам Северной Америки и их языкам с позиций синхронии и диахронии.

Значительный вклад в изучение разных аспектов языковой политики США внесли также *отечественные исследователи*, как И.И. Скачкова [Скачкова 2012, 2015], З.С. Чертина [Чертина, www], О.В. Шамшур [Шамшур 1990], А.Д. Швейцер [Швейцер 1995, 2003].

Языковая политика и планирование в КНР.

Китайский язык и его диалекты, языковая ситуация и ЯПП Китая во всем ее многообразии находится в центре внимания исследований О.И. Завьяловой [Завьялова 2010], в которых автор описывает особенности современной (2010 г.) языковой ситуации в КНР и предпосылки их формирования, а также цели, задачи и мероприятия языковой политики.

Изучение ЯПП в Китайской Народной Республике с позиций диахронии – одно из направлений исследований отечественных лингвистов. Так, научный труд В.А. Богословского и А.А. Москалева «Национальный вопрос в Китае (1911-1949)» [Богословский 1984] можно считать отправной точкой анализа языковой политики соответствующего периода. Языковая политика Китайской Народной Республики во второй половине XX века детально описана в работе В. А. Клиновского [Клиновский 2012]. Этот же период в истории языковой политики Китая анализируется с позиций синхронии и диахронии в монографии M. Zhou «Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949» [Zhou 2004].

Языковая политика в отношении национально-языковых меньшинств описывается в работе D. Blachford «Language Planning and Bilingual Education for Linguistic Minorities in China: a Case Study of the Policy Formulation and Implementation Process» [Blachford www], а также в статье Yu.Wang и J.Phillion «Minority Language Policy and Practice in China: The Need for Multicultural Education» [Wang 2009]. Кроме того, необходимо упомянуть исследования Zhou, который рассматривает вопросы статуса путунхуа, его распространение и отношение к этим процессам национальных меньшинств [Zhou 2001, 2003]. Среди отечественных исследователей значимый вклад в изучение вопросов «национального строительства» внес А.А. Москалев [Москалев 1981, 1992, 2001].

ЯПП в области корпуса языка, связанной, прежде всего, с реформированием китайской иероглифической письменности, посвящены работы Rohsenow [2004] Shouhui Zhao и Richard B. Jr. Baldauf [Zhao, Baldauf 2008] а также русскоязычная статья Чжоу Югуана [Югуан 1989].

Проблема распространения китайского языка (путунхуа) является крайне актуальной для Китая. О некоторых результатах внешней политики КНР можно судить по многочисленным статьям на данную тему в СМИ и информационно-аналитических интернет-ресурсах (см., к примеру, «中文 vs. English: борьба за первое место» [Магазета 2012

<http://magazeta.com/2012/12/chinese-vs-english>], «DVD-цзи и другие. Китайский язык приспосабливается к глобализации» [Меринов 2010, www.rg.ru/2010/09/15/china.html], китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» [Сергеева 2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top-content] и др.) Положение китайского языка в России детально описано в работе К.К. Клипка [Клипка, <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-411/political-problems-of-international-systems-and-global-development-411/10989-411-0705>].

Приведенный выше обзор научной литературы по теме исследования уместно будет дополнить кратким анализом диссертационных исследований, защищенных за последние 15 лет в рамках научной специальности 10.02.19 – теория языка. Первое наблюдение, которое позволяет сделать проведенный анализ, – это сравнительно небольшое количество работ, выполненных в русле макросоциолингвистики. Значительная часть из них рассматривает языковую ситуацию и языковую политику в этнически неоднородных регионах и в отношении миноритарных языков (см. работы М.М. Бауэра «Трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства Тюменской области» [Бауэр 2007], Т.Т. Камболова «Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии» [Камболов 2007], М.Р. Овхадова «Социально-лингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия» [Овхадов 2001], А.И. Темирболатовой «Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе» [Темирболатова 2012], К.Н. Стручкова «Социолингвистические проблемы обучения языкам коренных малочисленных народов Севера: состояние и перспективы» [Стручков 2007], Л.В. Хилзановой «Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ» [Хилзанова 2009], Ч.С. Цыбеновой «Современная языковая ситуация в республике Тыва: социопсихолингвистический аспект» [Цыбенова 2013]) и др.

Как свидетельствует проведенный нами обзор, в современной научной литературе сравнительно немного исследований в русле теории языка, посвященных анализу языковой политики за пределами России и постсоветского пространства (см. работы Е.Б. Гришаевой «Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект)» [Гришаева 2007], Д. Ю. Гулинова «Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции» [Гулинов 2015], Д.В. Исаева «Социолингвистическая мотивация в становлении и развитии национального варианта языка (на примере функционирования канадских вариантов английского и французского языков)» [Исаев 2015], Ю.И. Стрябковой «Языковая политика в молодых многонациональных государствах: на примере Центральноафриканской Республики, Камеруна и Сенегала» [Стрябкова 2007] и др.).

Вместе с тем, проблемы языковой политики, связанные с известными историческими событиями (распад СССР), интенсивными геополитическими изменениями (изменение межгосударственных отношений России с ближайшими соседями и другими партнерами, изменение расстановки политических сил в мире), а также с активными внутриязыковыми изменениями, сегодня крайне актуальны. Это выражается и в количестве научных работ различного уровня как в социолингвистике, так и в смежных с ней науках, и в том внимании, которое уделяется на уровне федеральной власти вопросам языка.

В связи с необходимостью выработки в России комплексной языковой политики уместно будет проанализировать опыт других государств, а также систематизировать теоретические подходы, выработанные в гуманитарной науке. Одной из трудностей теоретического обобщения положений отечественной и зарубежной лингвистики является неоднозначность терминологического аппарата. Для прояснения некоторых дефиниционных

разночтений в следующем параграфе настоящей главы рассмотрим базовые понятия социолингвистики, используемые в представленной работе.

§2. Языковая политика и языковое планирование в лингвистической науке: дефиниционный подход

Языковая политика и языковое планирование как объекты изучения относятся к сфере социолингвистики, представляющей собой «научную дисциплину, развивающуюся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающую широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества» [Швейцер 1990: 481]. Примечательно, что вопрос о соотношении понятий *социолингвистика* и *социология языка* решается по-разному.

В зарубежной науке эти понятия, как правило, разделяются и дифференцируются. Так, R.A. Hudson определяет лингвистику как «изучение языка по отношению к обществу», имеющее своей целью «пролить свет на природу языка в целом и особенности конкретных языков» (перевод наш, О.С.) [Hudson 2004: 4]. При этом социология языка, по его мысли, – это «изучение общества по отношению к языку» [там же: 4]. Вместе с тем, учитывая близость, а в некоторых случаях и взаимопроникновение сферы исследования, некоторые ученые и в западной лингвистике предпочитают не разграничивать эти области знаний [Coulmas 1997: 3].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин разграничивают обсуждаемые области знаний следующим образом: «социолингвистика – это область языкознания, и она изучает языковые явления с привлечением социальных факторов (обуславливающих развитие и функционирование этих явлений), а социология языка – междисциплинарная, промежуточная область исследования, сочетающая социологические цели и методы исследования с лингвистическим материалом» [Беликов, Крысин 2001: 259]. В отечественной науке Л.Б. Никольским был предложен термин

лингвосоциология, который включает в себя три компонента: «первый возникает за счет специфического подхода к языку тех общественных наук, которые прямо и непосредственно используют языковые данные (этнография, история, социология); второй – за счет традиционно-семиотического подхода, свойственного традиционному языкознанию; третьим компонентом лингвосоциологии является социолингвистика» [Словарь социолингвистических терминов 2006, <http://sociolinguistics.academic.ru/>]. Таким образом, лингвосоциология Л.Б. Никольского во многом перекликается с социологией языка и в то же время предполагает изучение более широкого спектра проблем, в том числе и проблемы социолингвистики.

В ряде работ *социолингвистика* соотносится с *микросоциолингвистикой*, а *социология языка* – с *макросоциолингвистикой* [Wardhaugh 2006: 13]. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, не разделяя микро- и макросоциолингвистику подобным образом, описывают направления исследований, относящиеся к каждому из видов социолингвистики. Микросоциолингвистика изучает следующие проблемы: 1) пути достижения требуемого результата в речевом взаимодействии; 2) приобретение и изменение коммуникативных навыков; 3) отношение к языку; 4) правила выбора языков и языковых вариантов в разных ситуациях и в динамике. К сфере интересов макросоциолингвистики относятся следующие задачи: 1) языковые обследования, в том числе исследования языковых ситуаций; 2) языковые конфликты; 3) языковые контакты; 4) языковые изменения, связанные с общественными изменениями [Вахтин, Головкин 2004: 18-19].

Другим «измерением» научных исследований в области социолингвистики, как и в лингвистике, является динамика изменений и состояния языка в обществе, относящиеся к диахроническому и синхроническому подходам соответственно. Таким образом, «диахроническая социолингвистика изучает историю языка в связи с историей народа», в то время как «синхроническая лингвистика изучает и

отношения, и процессы, отражающие связи языка и общества» [Гришаева 2006:13].

Помимо теоретической социолингвистики, как особое направление выделяют и *прикладную социолингвистику*, одной из важнейших проблем которой является языковая политика.

Согласно проведенному дефиниционному анализу, семантическое поле понятия *языковая политика* включает в себя широкий терминологический ряд, к которому относятся собственно *языковая политика*, *языковое планирование*, *языковое строительство*, *языковой менеджмент*, *языковое обустройство* и т.д. При этом вопрос о содержании указанных понятий, а также их различение представляется весьма дискуссионным. Рассмотрение указанных вопросов целесообразно начать с изучения становления понятий *языковая политика* и *языковое планирование* в отечественной и зарубежной лингвистической литературе с позиций диахронии.

Прежде чем в лингвистике прочно утвердились термины *языковая политика* и *языковое планирование*, разными учеными предпринимались попытки поиска емкого термина, обозначающего воздействия на язык и его функционирование. Так, последовательно сменяя друг друга, разными авторами предлагались такие термины, как *языковое строительство* (1920 – 30-е гг.), *языковое проектирование* (*language engineering* – 1950 г.), *глоттополитика* (*glottopolitics* – 1951 г.), *языковое развитие* (*language development* – 1967 г.), *языковое регулирование* (*language regulation* – 1973 г.), *языковой менеджмент* (*language management* – 1986 г.) [Cooper 1989: 29].

Одним из наиболее часто используемых в лингвистической литературе терминов является *языковое планирование*, автором которого считают американского лингвиста У. Вайнрайха, впервые употребившего его в 1957 г. на семинаре в Колумбийском университете. Однако считается, что первое определение языкового планирования (*Language Planning*) было дано Э. Хаугеном. Интересно, что эволюция толкования данного понятия в работах Хаугена прошла путь от чрезвычайно узкой трактовки языкового

планирования как деятельности «по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены неоднородных речевых коллективов» [Хауген 1959], до широкой, состоящей в вынесении «суждения в форме одной из нескольких имеющихся языковых форм» [Haugen 1972: 512] и даже еще более общего понимания языкового планирования как «оценки языкового изменения» [Haugen 1972: 517].

Эволюция содержания понятия *языковое планирование* в зарубежной лингвистике двигалась преимущественно по пути его расширения и уточнения объектов языкового планирования с одновременным изменением представлений о его субъектах.

Такая трактовка в разной степени разделяется большинством лингвистов того времени, о чем свидетельствует анализ определений понятия «языковое планирование», относящихся к 1959-1989 гг., представленный в 1989 году Робертом Купером в книге «Языковое планирование и социальные изменения» [Cooper 1989].

В отечественной лингвистике 60-х – 70-х годов XX века подходы к трактовке понятия *языковое планирование* отличаются от подходов западных лингвистов. Так, понятию *языковое планирование* в западной лингвистике зачастую соответствует термин *языковое строительство*, более популярный в трудах отечественных ученых. Понимание же *языкового планирования* варьируется от общего, широкого (ср.: «Языковое планирование» фактически охватывает любое сознательное и целенаправленное воздействие на язык») [Швейцер 1978: 119], до более узкого («для развивающихся стран более характерны такие виды планирования, как разработка официальной политики с целью выбора кода и как расширение функций кода, а для более развитых – культивирование разновидностей кода») [Швейцер, Никольский 1978]. Однако более распространенные в советском языкознании термины *языковая политика* и *языковое строительство*, по его же мнению, «...подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно

развивающиеся языковые процессы, причем вмешательство, ограниченное различной восприимчивостью языковых подсистем и влиянием извне» [Швейцер 1971: 72].

Термин *языковая политика* в отечественной лингвистике впервые был употреблен Е. Д. Поливановым в 1929 г. и был отнесен к прикладным вопросам социальной лингвистики как одного из компонентов программы социологического подхода к языку [Поливанов 1929]. Однако всеобщее признание и широкое распространение указанный термин получил после введения его в научный дискурс в 1970 г. американским социолингвистом Джошуа Фишманом, не отметившим существенного различия между понятиями *языковая политика* и *языковое планирование* [Fishman 1975: 108]. Польский лингвист Бернард Спольски предпринял попытку описать структуру понятия *языковая политика*, которая, по мысли Спольски, включает в себя следующие компоненты: «1) языковая ситуация – привычные модели выбора из существующих в обществе языков и их вариантов, составляющих языковую палитру; 2) убеждения и идеология в области языка – убеждения относительно языка и его использования; 3) практические действия, направленные на изменение или воздействие на существующую ситуацию путем любых видов вмешательств в вопросы языка, планирования или управления» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Spolsky 2004: 5].

В современной лингвистике наибольшей популярностью пользуются термины *языковая политика* и *языковое планирование*. Многообразие подходов к вопросу трактовки их определений и разграничения области исследования в отечественном и зарубежном языкознании свидетельствует о неоднородности их терминологического поля и представляет собой актуальную проблему современной теории языка.

В ходе становления данного направления социолингвистики наметились новые, подчас противоречащие друг другу, подходы к вопросу соотношения понятий *языковая политика* и *языковое планирование*. На

основании проведенного нами анализа считаем возможным выделить несколько подходов к указанной проблеме.

1) Языковая политика – составляющая часть языкового планирования (Д.Кристал, Р. Каплан, М.И. Исаев и др.). Обобщая в рамках указанного подхода взгляды разных лингвистов, необходимо принимать во внимание и некоторые различия в их толковании типов взаимоотношений этих понятий. Так, в работах Д. Кристала *языковое планирование* выступает как источник, предшественник языковой политики: «Языковое планирование предполагает создание и воплощение в жизнь официальной политики в отношении того, какие языки и варианты языка должны использоваться в государстве» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Crystal 1987: 364]. Выдающийся отечественный лингвист М.И. Исаев трактует *языковое планирование* как понятие, объединяющее «теорию и практику активного контроля над процессом языкового развития», отождествляя указанные компоненты с языковой политикой и языковым строительством соответственно [Исаев 1968: 35]. В представлении Р. Каплана, между указанными понятиями прослеживается двусторонняя связь: «реализация языкового планирования ведет к провозглашению правительством языковой политики и ею управляется» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Kaplan 1997: 4]. При этом языковую политику он воспринимает как «совокупность идей, законов, норм, правил и действий, нацеленных на достижение желаемых изменений в языковой ситуации в обществе, группе или системе» (перевод наш – Селиверстова О.А.) [Kaplan 1997: 4].

2) Языковое планирование – составляющая часть языковой политики. Описывая свой взгляд на структуру языковой политики, Л.Б. Никольский выделяет два направления: поддержание «статус-кво» литературного языка (препятствующее искажению существующей нормы) и работу по стандартизации языка или создание новых языковых систем. Последнее направление он называет *языковым планированием*: «Будучи практикой сознательного вмешательства в языковое развитие, языковая политика

включает в качестве составных частей культуру языка и языковое планирование» [Никольский 1970: 7].

3) Языковое планирование – практическая реализация языковой политики (Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, Г. Шифман, Г. Фергусон, Р. Бугарски, Р. Купер). Гарольд Шифман в своей книге «Linguistic Culture and Language Policy (The Politics of Language)» в качестве «рабочих» определений для указанных понятий использует дефиниции, предложенные сербским лингвистом Бугарски. По его мысли, «языковая политика относится главным образом к политике общества в сфере языковой коммуникации, а именно совокупности взглядов, принципов и решений, отражающих отношение сообщества к речевому репертуару и коммуникативному потенциалу» [Schiffman 1996: 3]. *Языковое планирование* он определяет как «совокупность конкретных мер, предпринимаемых в рамках *языковой политики* в целях воздействия на лингвистическую коммуникацию в сообществе, обычно при помощи воздействия на развитие языков» [Schiffman 1996: 3]. Похожим образом Фергусон трактует *языковую политику*, понимая её как «выражение намерения», а *языковое планирование* как его реализацию. Роберт Купер считает термин *языковая политика* в некоторой мере синонимичным *языковому планированию*, но отмечает, что чаще *языковая политика* применяется для обозначения «целей языкового планирования» [Cooper 1989: 29]. В отечественной лингвистике схожих взглядов на различение понятий *языковая политика* и *языковое планирование* придерживаются Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, рассматривая языковую политику как «часть общей политики государства», а *языковое планирование* как часть *языковой политики*, а именно – как её реализацию [Вахтин 2004:163].

4) Языковая политика – практическая реализация языкового планирования. Марк Фетт рассматривает связь языковой политики и языкового планирования следующим образом: «Language planning ... must be linked to the critical evaluation of language policy: the former providing standards of rationality and effectiveness, the latter testing these ideas against actual practice

in order to promote the development of better . . . language planning models». (*Языковое планирование* должно быть связано с критической оценкой языковой политики, где первое обеспечивает стандарты рациональности и эффективности, а последняя проверяет эти идеи на практике, чтобы способствовать созданию более совершенных моделей языкового планирования (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Fettes 1997: 14].

Отдельно следует отметить два противоположных подхода ученых, предпочитающих использовать одно из понятий и избегать другого. Так, некоторые лингвисты считают целесообразным использовать термин *языковая политика*, который выступает в их работах как самодостаточное понятие, включающее в себя все многообразие возможных воздействий на разные стороны языка и его функционирование в обществе, а также идеологические установки, лежащие в их основе.

Так, А.Д. Швейцер предлагает «практикоориентированное» определение языковой политики, трактуя её как «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм» [Швейцер, Никольский 1978: 117]. При этом, он высказывает мнение о том, что «...термин *языковое планирование* неудачен, так как он действительно может создать представление о том, что развитие языка можно сознательно направлять по тому или иному руслу» [Швейцер 1971: 71]. Более распространенные в советском языкознании термины *языковая политика* и *языковое строительство*, по его же мнению, «...подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно развивающиеся языковые процессы, причем вмешательство, ограниченное различной восприимчивостью языковых подсистем и влиянием извне» [Швейцер 1971: 72]. Схожий с А.Д. Швейцером практикоориентированный подход к трактовке *языковой политики* можно встретить в работах В.А.

Аврорина, который понимает её как систему мер «сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру...» [Аврорин 1975: 28].

Более широкое значение понятие *языковая политика* получает в работах Ю.Д. Дешериева, который рассматривает *языковую политику* как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1977: 345], включая, таким образом, в свое определение не только практические шаги, но и теоретические предпосылки, лежащие в их основе.

Среди современных исследователей также нет единого мнения относительно указанных терминов. Так, И.И. Скачкова в своей статье «Языковая политика и языковое планирование: определение понятий» обосновывает целесообразность использования термина *языковая политика*, «который подчеркивает зависимость феномена языковой политики от политики государства, дискурса и политических лидеров» [Скачкова 2015: 130].

В работах ряда современных зарубежных, а также некоторых отечественных лингвистов предпочтительным является термин *языковое планирование*. Так, Е. Гришаева в монографии «Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве», подводя итог анализу дефиниций терминов *языковая политика* и *языковое планирование*, отмечает, что по сравнению с термином *языковая политика* «термин *языковое планирование* более лоялен и отвечает настроениям большинства этнически разнородного населения в различных странах» [Гришаева 2006: 37].

Иной подход к соотношению анализируемых понятий предлагает в своей статье А.Р. Шхумишхова, считающая нецелесообразным объединение и смешение понятий *языковая политика* и *языковое планирование*. К области *языковой политики* она относит «теоретическое обоснование различного рода мероприятий и их практическую реализацию», в то время как *языковое*

планирование понимается как деятельность по изучению и прогнозированию языковых проблем, а также сам процесс прогнозирования различного рода мероприятий» [Шхумишхова 2014: 128].

Отдавая должное взглядам А.Р. Шхумишховой, мы, тем не менее, считаем возможным объединение терминов *языковая политика* и *языковое планирование* в терминологический многочлен *языковая политика и планирование* в связи со следующими обстоятельствами;

1) содержание указанных понятий имеет ряд общих особенностей. Так, большинством исследователей признается существование идеологических установок и целей, определяющих воздействие на различные стороны языка и его функционирование в обществе, и практических мер по осуществлению такого воздействия;

2) специфика настоящего исследования предполагает использование широкого спектра научных трудов как зарубежных, так и отечественных ученых, чьи терминологические трактовки одного явления могут различаться. В связи с этим, использование термина *языковая политика и планирование* необходимо для снятия неоднозначности и формирования целостной терминологической картины;

3) использование терминологического многочлена *языковая политика и планирование* соответствует тенденции объединения указанных понятий в лингвистике. Так, в последние десятилетия широко распространенным в трудах зарубежных лингвистов стал термин *language policy and planning (LPP)*.

Учитывая все многообразие подходов к описанию и изучению языковой политики, в качестве обобщения, считаем возможным предложить классификацию *языковой политики* на основе некоторых принципов, используемых в работах различных отечественных и зарубежных исследователей.

I. В зависимости от *объекта языковой политики* и сферы воздействия на функционирование языка в обществе можно выделить следующие типы:

1) языковая политика и планирование в области корпуса языка.

Выделение языковой политики и планирования как области социолингвистики было во многом связано с необходимостью воздействия на корпус языка и его научного осмысления. Так, в первом, предложенном Э. Хаугеном, определении *языковое планирование* представляет собой деятельность «по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены неоднородных речевых коллективов» [Хауген 1959]. Таким образом, объектом языкового планирования, по Хаугену, выступает корпус языка, который на протяжении всей истории развития выделялся учеными как несомненный и один из несомненных и важнейших объектов языковой политики и планирования. Последняя по отношению к корпусу может быть *перспективной*, направленной на создание письменности для бесписьменных языков, и *ретроспективной*, направленной на нормирование и кодификацию языка;

2) ЯПП в области статуса языка.

В 1969 году Хайнц Клосс предлагает в дополнение к корпусу языка еще один объект языкового планирования, связанный «не со структурой или формой языка, но с его положением по отношению к другим языкам или по отношению к национальному правительству..., заинтересованному, прежде всего, в статусе языка...» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Kloss 1969: 81]. Если у Клосса объектом планирования статуса языка выступает «признание национальным правительством важности и положения одного языка по отношению к другим языкам», то в современной науке все чаще языковая политика и планирование в области статуса понимается «как распределение языков и языковых разновидностей по сферам употребления, т.е. быть средством обучения, выполнять функции официального языка, служить средством коммуникации» [Гришаева 2006: 39].

В этой связи статус языков в многоязычном обществе напрямую связан с выполняемыми ими функциями. В своей работе «Language Planning and

Social Change» Р. Купер приводит следующую классификацию таких функций языка как объектов языковой политики и планирования (по Виллиаму Стюарту):

1) официальный язык, в рамках которого Купер выделяет три подвида: язык документооборота, рабочий язык и язык-символ. В то время, как функция языка как языка официальных документов всегда является результатом языкового планирования как целенаправленного воздействия, рабочий язык во многом складывается как результат традиции;

2) региональный язык (provincial) – язык, выполняющий функции официального языка в отдельном регионе. По мнению Купера, описанные три типа официального языка могут существовать и на региональном уровне, представляя собой разные виды регионального языка;

3) функция широкой коммуникации – язык, выполняющий функции внутринационального языка коммуникации в неоднородном языковом сообществе. В эту группу Купер включает официальные и региональные языки [Cooper 1989: 105];

4) международный язык – язык общения на уровне дипломатии, межгосударственной торговли, туризма и т.д. Языковое планирование в отношении международных языков проявляется наиболее ярко в планировании обучения иностранному языку в школах. Выбор языков для изучения в качестве иностранных, как правило, обусловлен прагматическими соображениями востребованности языка для международной коммуникации;

5) язык столицы – язык, преобладающий в столице государства и ее окрестностях. Наибольшее значение эта функция имеет в государствах, где вся деловая, культурная и политическая жизнь сосредоточены в столице. Эта функция в большинстве случаев связана с особенностями социолингвистической ситуации и редко становится объектом языкового планирования как целенаправленной деятельности;

6) групповая функция – язык, выступающий средством коммуникации в рамках одной культурно-этнической группы. Значимость

данной функции может проявляться в выделении владения языком как основного маркера принадлежности к тому или иному сообществу;

7) образовательная функция – язык, не являющийся официальным на государственном или региональном уровне, который служит языком обучения в начальной или средней школе в регионе или стране в целом. Данная функция является одной из наиболее дискуссионных при решении вопросов планирования статуса языка и обучения языку. При этом, по мнению Купера, определяющими в разных случаях являются соображения политического и/или экономического либо педагогического характера, однако политические предпосылки играют большую роль в любом случае;

8) функция учебного предмета в школьном образовании;

9) литературная функция;

10) религиозная функция.

В дополнение к функциям, описанным Стюартом, Купер выделяет еще две – функцию языка СМИ и языка для работы.

Д.Ю. Гулинов в статье «Языковая политика: определение и характеристики» приводит типологию языковой политики французского лингвиста Ж. Леккера, который выделял политику ассимиляции, политику выделения официального языка, политику дифференцированного юридического статуса, а также политику дву-, трех- и многоязычия. Кроме того, он упоминает политику интернационализации языка, которая также имеет несомненное отношение к политике в области статуса языка [Гулинов 2011: 10];

3) языковая политика и планирование в области овладения языком.

Впервые мысль о необходимости выделения третьего объекта языкового планирования – «овладения языком» – была высказана Р. Купером в книге «Language Planning and Social Change», о чем прямо говорится в предложенном им определении: овладение языком – это «целенаправленные усилия по воздействию на поведение других людей в отношении овладения языком, его структуры и функционального распределения языковых кодов»

(перевод наш – О.А. Селиверстова) [Cooper 1989: 9]. Примечательно, что в трактовке Р. Купера «овладение языком», «структура» и «функциональное распределение языковых кодов» являются опосредованными объектами языкового планирования. Непосредственным объектом в данном случае выступает «поведение других людей», таким образом, на первый план выходит воздействие не на сам язык, а на его «жизнь» в обществе. Примечательно также, что Купер намеренно не включает субъект языкового планирования в свое определение языкового планирования, полагая, что указанные «целенаправленные усилия» могут применяться не только в рамках государства или отдельной национальности, но и на более низком уровне – в семье, школе, классе, организации и пр.

Говоря о разных типах языковой политики, следует отметить, что, даже имея разные объекты, они не могут существовать изолированно друг от друга и всегда отличаются высокой степенью взаимосвязи и взаимообусловленности. «Когда меняется статус языка, появляется необходимость в модификации корпуса языка. Одновременно планируются мероприятия, направленные на оптимизацию усвоения языка теми, кто на нем не говорит. Разрабатывается языковая политика в области образования» [Гришаева 2006: 71].

II. В зависимости от *субъекта языковой политики* можно выделить *централизованную* и *децентрализованную* языковую политику. В первом случае инициатива выработки языковой политики и выбор способов ее реализации находятся в руках представителей государственной власти, во втором – на разные аспекты языковой политики могут оказывать влияние различные субъекты, к которым можно отнести общественные организации, социальные группы и социальные институты, научные организации и отдельных их представителей. Так, Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки выделяют *индивидуальное* и *государственное языковое планирование*. К целям государственного языкового планирования они относят создание «орфографии для бесписьменного языка, реформирование существующей

орфографии, создание новой терминологии» [Вахтин 2004: 166]. К индивидуальному языковому планированию, по их мысли, относятся случаи, когда «собственно «языковую политику» осуществляют отдельные личности», «когда их действия приводят к заметным изменениям в судьбе языка» [Вахтин 2004: 165].

Помимо указанных типов языковой политики и планирования выделяют еще два: *спускаемая сверху (top-down) политика*, как правило, относится к централизованной, в то время как *инициируемая снизу (bottom-up) политика* характерна для децентрализованной. Характеризуя указанные виды языковой политики, D.C. Johnson разграничивает их по *целям* (политика «сверху» имеет открыто выраженные цели, сформулированные в письменной или устной форме; политика «снизу» имеет скрытые цели), *уровню воздействия* (политика «сверху» действует на макроуровне; политика «снизу» на микроуровне, представляющем собой языковые сообщества), *уровню документального закрепления* (политика «сверху» отражена в документах; политика «снизу» не представлена в каких-либо документах, а иногда реализуется и вопреки официальным документам), *правовому статусу* (политика «сверху» существует «де-юре»; политика «снизу» – «де-факто») [Johnson 2013: 9].

III. В тесной связи с классификацией на основе субъекта находится классификация в зависимости от ***способов и методов реализации языковой политики***. На основании этого признака можно выделить *гласную политику*, регулируемую нормативно-правовыми актами и иными документами, и *негласную языковую политику*, возникающую как ответ на проблемы функционирования языка. Помимо перечисленных типов в литературе встречается противопоставление целенаправленной и стихийной языковой политики.

IV. В зависимости от ***географии планируемого воздействия*** языковая политика и планирование может быть *внутренней* и *внешней*.

Внутренняя языковая политика и планирование обычно включает в себя все многообразие описанных выше типов. Кроме того, в рамках внутренней языковой политики некоторые исследователи говорят о политике на «муниципальном уровне, в образовательных учреждениях» [Sciffman 1996: 2], а также «в семье, школе, церкви, на рабочем месте, в средствах массовой информации или правительстве» [Spolsky 2007: 2].

Внешняя языковая политика и планирование направлена преимущественно на распространение языка за пределами государства и в последние годы все чаще связывается с понятием *мягкая сила*, предполагающим популяризацию ценностей и культуры государства за его пределами, используя в том числе «языковой ресурс», в целях повышения привлекательности страны и более эффективной реализации задач внешней политики.

Рассмотрение «межгосударственного компонента» ЯПП берет свое начало в работах выдающихся отечественных лингвистов и находит свое продолжение в трудах современных ученых. Так, Ю.Д. Дешериев упоминал о «лингвистических проблемах в межгосударственных отношениях, которые могут быть решены только путем осуществления определенной языковой политики» [Дешериев 1977: 266]. А.Д. Швейцер утверждал, что «языковая политика в определенных условиях может быть не только частью внутренней политики в том или ином государстве, ... но и частью их курса по отношению к другим государствам» [Швейцер 1978: 130]. По мысли Р.И. Хашимова, языковая политика является не просто частью внешней политики, а «средством, орудием воздействия государства на общество, ... межнациональные и межгосударственные отношения» [Хашимов 2003: 6]. В последние несколько лет вопросы внешней ЯПП приобретают все большую актуальность, и на смену отдельным мерам, предпринимаемым государствами в этом направлении, приходит целенаправленная многоплановая внешняя языковая политика.

Анализ внутренней языковой политики и языкового планирования отдельных стран и регионов представляется относительно распространенным направлением социолингвистических исследований. Вместе с тем, количество исследований, посвященных изучению «внешней» языковой политики и планирования, крайне невелико. Описание отдельных аспектов распространения языка за пределами государства значительно чаще встречается в публицистической литературе и СМИ, нежели в научных работах. При этом актуальность вопросов внешней языковой политики требует научного осмысления накопленного опыта. Для этих целей необходимо, во-первых, определение места внешней ЯПП в системе целевых установок и политики государства и, во-вторых, анализ реализуемых мероприятий по распространению языка за пределами государства.

Теоретико-методологические основы комплексного анализа языковой политики и планирования представлены различными схемами и алгоритмами ее описания. Наиболее полными и соответствующими потребностям настоящего исследования, с нашей точки зрения, представляются схемы, предложенные Р. Купером и Е.Б. Гришаевой.

В своей работе «Language Planning and Social Change» Р. Купер предлагает схему описания языкового планирования в книге, включающую в себя следующие составляющие:

- 1) субъекты языкового планирования;
- 2) характеристики языкового выбора:
 - а) структурные (лингвистические) характеристики языкового выбора (*behaviours*), подлежащего воздействию;
 - б) цели/функции реализации языкового выбора;
 - в) планируемый уровень (степень) воздействия (ознакомление, оценка, владение на высоком уровне, использование);
- 3) категория населения, чей языковой выбор подлежит воздействию:
 - а) тип целевой группы (отдельные люди или организации и т.д.);
 - б) возможность воздействия на языковой выбор целевой группы;

- в) мотивация целевой группы к изменению языкового выбора;
- г) мотивация целевой группы к отказу от изменений;
- 4) тип целей: открытые или скрытые;
- 5) условия, в которых осуществляется языковое планирование:
 - а) ситуативные;
 - б) структурные (политические, экономические, социальные);
 - в) культурные;
 - г) внешние (воздействие факторов, выходящих за рамки системы);
 - д) информационные (данные, необходимые для принятия обоснованных решений);
- 6) способы реализации;
- 7) процесс принятия решения (постановка целей, выбор инструментов);
- 8) результат воздействия.

Несколько иная схема, ориентированная на практическую реализацию языкового планирования, предложена в работе Е.Б. Гришаевой «Типология языковых политик»:

- 1) уяснение проблемы;
- 2) изучение «ситуации, в рамках которой должно осуществляться планирование», предполагающее учет социальных, культурных и политических параметров, а также «глубокое изучение истории языковой ситуации, учет генетических связей данного языка, уровня экономического, политического и образовательного развития данного ареала, предполагаемых расходов, которые вызовет осуществление конкретных языковых мер, типа урбанизации, характера имеющихся в стране элитарных ценностей» [Гришаева 2006: 42];
- 3) определение инструментов, «орудий», необходимых для реализации изменений в языковом употреблении;
- 4) выбор группы людей, «на которой будут проверяться гипотезы и по отношению, к которым будет применен тот или иной план» [Гришаева 2006: 42].

Обобщая характеристики языковой политики и планирования, обозначенные в указанных схемах анализа, для целей настоящего исследования считаем необходимым выделить следующие показатели:

- 1) цели языковой политики и планирования в контексте политики государства;
- 2) социолингвистическая ситуация с учетом национальной и культурно-исторической специфики региона, которая представляет собой условия реализации мероприятий языковой политики и обуславливает ее специфику;
- 3) объекты языковой политики и планирования, к которым могут относиться корпус языка, обучение языку и статус языка (включая геополитический статус);
- 4) субъекты языковой политики и планирования, представляющие собой движущие силы и источники политической власти, оказывающие воздействие на языковую ситуацию;
- 5) инструменты языковой политики и планирования, включающие в себя способы и методы, а также практические шаги по реализации указанного воздействия.

Специфика внешней языковой политики и планирования состоит в ее тесной связи с внешнеполитическими и дипломатическими целями государства. Более того, появление и востребованность данного направления языковой политики и планирования во многом связаны с возрастающей популярностью концепции *мягкой силы*. Суть концепции и разнообразные трактовки понятия *мягкая сила* в современной науке, а также актуальные направления исследований в этой сфере представлены в §3 настоящей главы.

§3. Мягкая сила как объект исследований в отечественной и зарубежной теории и практике

Конструкция *мягкая сила* является переводческой калькой англоязычного *soft power*, введенного в оборот профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в 1990 году в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power». Однако в русскоязычном дискурсе встречаются и иные эквиваленты указанного понятия: *мягкое влияние* [Зевелев 2006], *несиловая мощь* [Палажченко 2004], *мягкая мощь* [Фоминых 2008]. При этом, согласимся с П.Б. Паршиным, что использование слов *мощь* и *влияние* как эквивалентов компонента *power*, «с одной стороны, привносит не предусмотренные в оригинальной концепции смысловые компоненты, а с другой – приводит к утрате тех смысловых связей, которое имеет английское слово *power*, а в значительной степени так же, как и русское слово *сила*» [Паршин 2014]. В настоящей работе мы считаем целесообразным придерживаться обозначения *мягкая сила* как более распространенного и, на наш взгляд, более близкого исходному англоязычному понятию. Учитывая его этимологию, а также тот факт, что его русскоязычный эквивалент *мягкая сила* до сих пор не получил фиксации в толковых словарях русского языка (включая специальные словари политической лексики), в настоящем дефиниционном анализе за основу взяты англоязычные толковые словари, а также определения, предложенные автором термина Джозефом Наем.

Впервые термин *soft power* встречается в выражении *soft power resources* как контекстуальное противопоставление *hard power resources*: «... США остается единственным государством со значительными ресурсами *жесткой и мягкой силы*» [Nye 1990: 5] (перевод наш. – О.А. Селиверстова). Далее приводится более развернутый комментарий: «Способность формировать предпочтения часто ассоциируется с неосязаемыми ресурсами, такими как культура, идеология и институты. Это измерение можно

рассматривать как *мягкую силу*...» [Nye 1990: 49] (перевод наш. – О.А. Селиверстова). При этом согласно его теории *мягкая сила* включает в себя три компонента: культуру, ценности и внешнюю политику [Nye 2011: 84]. Говоря о субъектах *мягкой силы* США, отметим, что решающую роль Най отводит гражданскому обществу в самом широком смысле, которое во многом и определяет успех первых двух компонентов американской *мягкой силы* – привлекательности американской культуры и образа жизни, а также принципов и ценностей. Так, по замечанию Дж. Найя, «большая часть американской *мягкой силы* обеспечивалась Голливудом, Гарвардом, компанией Майкрософт и Майклом Джорданом» [Nye 2004:17] (перевод наш – О.А. Селиверстова).

Позже, в 2004 году, в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics» («Мягкая сила: путь к успеху в мировой политике») трактовка данного понятия разворачивается в полноценную концепцию, в которой Дж. Най предлагает следующее определение *мягкой силы*: «умение добиваться желаемого не принуждением или вознаграждением, а привлекательностью» [Nye 2004: 5] (перевод наш – О.А. Селиверстова).

Анализ трактовок, представленных Дж. Найем в данной работе, проведенный ученым лондонского Брунелевского университета Ин Фань, позволяет описать пять формулировок. Три из них можно назвать прямыми дефинициями: «1) способность формулировать предпочтения других; 2) способность привлекать; 3) способность за счет культурной или идеологической привлекательности заставить других желать того, что нужно тебе» [Ying Fan 2008: 148] (перевод наш – О.А. Селиверстова). Другие две носят поясняющий характер: «4) страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, когда другие страны, восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости, хотят следовать за ней; 5) важнейший элемент лидерства... Способность привлекать – заставлять других хотеть того, чего хотите вы,

формулировать проблемы, устанавливать повестку дня» [Ying Fan 2008: 148] (перевод наш – О.А. Селиверстова).

Быстрое вхождение указанного понятия в общественно-политический дискурс, а также его широкое использование привели к появлению многочисленных контекстуальных значений и сдвигу узусуального значения. Дефиниции, предлагаемые словарями к определению словосочетания *мягкая сила*, также весьма разнообразны.

- 1) «подход к международным отношениям, основанный на убеждении и обычно предполагающий использование экономического или культурного влияния» [<http://www.oxforddictionaries.com/>] (перевод наш – О.А. Селиверстова);
- 2) «способность достигать своих целей без применения силы, но при помощи дипломатии, убеждения и др.» [<http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/soft-power>] /] (перевод наш – О.А. Селиверстова);
- 3) «влияние, присущее стране благодаря ее культуре, общественным институтам, бизнесу и др., а не военной силе» [<http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/soft-power>] (перевод наш – О.А. Селиверстова);
- 4) «использование страной культурного и экономического влияния для побуждения к чему-либо других стран без применения военной силы» [<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-power>] (перевод наш – О.А. Селиверстова).

Признавая различия в подходах к формулировке дефиниций, необходимо отметить некоторые общие смысловые компоненты. Таким образом, на первый план выходит понимание *мягкой силы* как *потенции* (способности, возможности) и как *инструмента*. При этом, хотя в обеих трактовках неизменно присутствует компонент *влияние / воздействие*, его источники в разных определениях различны (культура, идеология, ценности,

экономика) и каждый раз их перечень оказывается незавершенным, что выражается в использовании таких единиц, как *и другие, и так далее*.

Наши выводы во многом согласуются с выводами П.Б. Паршина, выделившего два подхода к трактовке *мягкой силы*: технологический (*мягкая сила* выступает как инструмент, технология воздействия, использование которой предполагает потенциально низкий ущерб по сравнению с другими методами и технологиями) и ресурсный (*мягкая сила* понимается как ресурс, обеспечивающий актору привлекательность, его потенциал воздействия) [Паршин 2014: 14]. Похожим образом Н.В. Юдин рассматривает ресурсо-ориентированный (атрибутивный) и контексто-ориентированный (поведенческий) подходы к определению сущности и природы *мягкой силы* [Юдин 2015: 96].

Не менее важным компонентом, реализующим значение *мягкой силы*, выступает ее противопоставление *жесткой силе*. Оно встречается как в тексте самих дефиниций (ср.: использование страной культурного и экономического влияния для побуждения к чему-либо других стран без применения *военной силы* (в оригинале – *military power*), так и в виде пометок в словарных статьях, за пределами дефиниций (ср.: *compare with hard power*). Однако стоит отметить, что между указанными понятиями не всегда можно провести четкую грань. Так, «экономическая мощь может выступать как жесткая или мягкая сила: можно добиваться своего санкциями или привлекать богатством» [Nye 2006, <http://foreignpolicy.com>] (перевод наш – О.А. Селиверстова). Аналогично, военная сила не всегда является инструментом жесткой силы. Так, «сотрудничество в военной сфере и программы боевой подготовки, например, могут помочь выстроить транснациональные сети и повысить мягкую силу страны» [Nye 2006, <http://foreignpolicy.com>] (перевод наш – О.А. Селиверстова).

Более пристальное внимание изучению инструментов *мягкой силы*, ее институтов, объектов и субъектов, а также теоретических оснований, лежащих в основе практических мероприятий, реализуемых с позиций

мягкой силы, уделяется в исследованиях, относящихся к философии, культурологии, политологии, социологии, истории и лингвистике.

Политологический подход

Среди всех гуманитарных наук наиболее многочисленны исследования, посвященные проблематике *мягкой силы*, в *политологии и теории международных отношений*. Теоретические основы концепции *мягкой силы* заложены целой серией работ американского ученого Джозефа Найя [Nye 1990, 2003, 2005, 2006, 2011, 2015], где также освещаются отдельные вопросы ее практического применения. Неоценимый вклад его исследований в науку признается всеми исследователями, работающими в области *мягкой силы*, которые неизменно ссылаются на его определения, трактовки, примеры и аналитические материалы.

Общие вопросы, связанные со структурой, компонентами, местом и ролью *мягкой силы* в межгосударственных отношениях, ее соотношение с другими видами силы и влияния рассматриваются в контексте международных отношений (см.: [Косачев 2016], [Паршин 2013, 2014], [Суханова 2015], [Юдин 2015], [Melissen 2005], [Ying Fan 2008] и др.). При этом отдельно стоит отметить научные работы, посвященные соотношению понятий *мягкая, жесткая и умная сила* (см.: [Давыдов 2007], [Костырев 2013], [Столетов 2015], [Gray 2011] и др.).

Большую часть работ составляют исследования, обобщающие и систематизирующие практический опыт реализации *мягкой силы*, накопленный отдельными государствами: *Россией* (см. [Будаев 2014] [Лебедева 2009, 2014] [Торкунов 2012] и др.), *США* [Филимонов: 2013], [Lagon 2011] и др.), *КНР* (см. [Бояркина 2015], [Гревцова 2012], [Gil 2008], [McGiffert 2009], [Kurlantzick 2006, 2007], Mingjiang Li [Soft Power 2015], [Sheng Ding 2006] и др.).

Не менее востребованным и активно разрабатываемым в политологии направлением исследований является методология и подходы к оценке и измерению *мягкой силы*, часто связанные с понятиями странового брендинга

и имиджевых технологий (ср.: [Бобыло 2015], [Василенко 2015], [Владимирова 2014], [Паршин 2013], [Харитонов 2015] и др.).

Исторический подход

В рамках исторического подхода наиболее актуальными направлениями исследований является изучение концепции *мягкой силы* в ее становлении и развитии и анализ практического применения концепции на историческом материале отдельных государств.

Идея о том, что понятие, стоящее за конструкцией *мягкая сила*, не является новым в политике, звучит во многих исследованиях. Успешные дипломатические усилия нередко были результатом неявного опосредованного воздействия на объект. Эта мысль находит подтверждение в исследовании Ю.В. Ярмака, анализирующего применение *мягкой силы* во внутренней и внешней политике древних государств [Ярмак 2014]. История и эволюция теоретических положений, лежащих в основе современной концепции *мягкой силы*, рассматривается в работе молодого ученого Акопа Габриеляна [Габриелян 2015].

Систематизация и обобщение данных об опыте использования *мягкой силы* в разное время – не менее важная задача для исследователей в рамках исторического подхода. Так, в диссертационном исследовании Д.Б. Регзеновой анализируется связь концепции *мягкой силы* со стратегемами как традиционными явлениями политической жизни Китая в контексте внутривластных реформ [Регзенова 2012]. Поворот к политике *мягкой силы* как историческое событие рассматривается в работе Лю Ц [Лю Ц 2009].

Семиотический подход

В связи с усилением роли компонента привлекательности *мягкую силу* все чаще рассматривают с дискурсивных позиций. Полагая, что привлекательность создается в процессе коммуникации, а «реальность... не является предопределенной и объективной, а создается в обществе в ходе постоянных коллективных процессов», ряд исследователей придерживаются мнения о том, что реальность привлекательности представляет собой

«социолингвистически конструируемую «истину» о привлекательности некой идеи, такой интерпретации, которая одержала верх над иными возможными интерпретациями в ходе процесса коммуникации» [Mattern 2005: 583]. Таким образом, Janice Bially Mattern в своей работе «Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics» разграничивает убеждение (persuasion) и «репрезентативную силу» (representational power), в то время как убеждение – это сила аргументов, основанных на фактах: репрезентативная сила воздействует через структуру репрезентации реальности в речи говорящего.

Мягкая сила все чаще рассматривается как «актуальная дискурсивная технология, которая обладает семиотической привлекательностью и когнитивной мощью, направлена на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных заказчику возможностей развития социального мира» [Якоба 2014, <http://www.nauka.x-pdf.ru>].

С позиций семиотики на макроуровне рассматривают *мягкую силу* Зевелёв И.А. и Троицкий М.А., изучая то, «каким образом деятельность одного государства изменяет (или не изменяет) систему кодов восприятия реальности» [Зевелёв 2006: 7]. При этом авторы «предлагают считать перемену кодов интерпретации реальности, присущую государству А, под прямым или косвенным (но целенаправленным) воздействием государства Б применением «мягкого» влияния государства А к государству Б» [Зевелёв 2006: 8]. Учитывая неразрывную связь коммуникации с процессами кодирования и декодирования, авторы рассматривают внешнеполитические решения и действия в качестве коммуникативного послания, текста, закодированного автором в лице одного государства и подлежащим декодированию адресатом с учетом особенностей его культурного кода. Так, в исследовании анализируется сходство и разница кодов США и России при оперировании такими понятиями, как *терроризм*, *многополярность мира* и др., при интерпретации таких процессов, как расширение НАТО, *выход США из договора по ПРО* и т.д. Анализируя «мягкое влияние» (термин Зевелёва

И.А., Троицкого М.А.) США на систему кодов РФ, авторы приходят к выводу о чрезвычайно низкой восприимчивости России к такому воздействию, в связи с тем, что «Россия продолжала прочитывать американские послания (как «тексты», так и действия) в «контргегемоническом» ключе» и «воспринимать «мягкое» влияние США как хорошо замаскированный способ принуждения» [Зевелев 2006: 61].

Лингвистический подход

С позиций *лингвокультурологии* *мягкая сила* исследуется в исследовании А.Ю. Голобородько «Государственная культурная политика в контексте конструирования дискурса мягкой силы». В контексте смыслопорождения, рассматривая сознание человека вслед за Е.Г. Пономаревой как «множественный самоинтерпретирующийся текст, как понимающее себя эго-сознание» [Пономарева 2015: 234], А.Ю. Голобородько понимает *мягкую силу* как технологию, позволяющую «в глобальном информационном пространстве ... работая с сознанием человека, внедрять разнообразные технологии манипулирования, обеспечивая среду для формирования нужных образов и символов», как эффективный инструмент «перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти» [Голобородько 2015: 203].

Применительно к России одной из приоритетных задач автор считает выработку основ культурной политики государства для целей «стратегического имиджевого планирования», позиционирования во внутренней и внешней политике «ценностного ядра, традиций и достижений российской культуры» [Голобородько 2015: <https://interactive-plus.ru/e-articles>] через трансляцию «лингвокультурных концептов, которые, в свою очередь, являются носителями и распространителями ценностей» [там же]. Используя понятия, введенные Ю.С. Степановым [Степанов 2001: 43], автор рассматривает обогащение интразоны концепта посредством развития экстразоны как возможный инструмент *мягкой силы*. В качестве примера

приводится обогащение интразоны концепта *Крым* за счет активизации его экстазоны в виде исторической памяти в информационном пространстве.

Не менее важным инструментом *мягкой силы* автор считает «разрушение искусственно конструируемых в ангажированном коммуникативном пространстве «квази» интра / эстразон ценностноориентированных лингвокультурных концептов» [Голобородько 2015, <https://interactive-plus.ru/e-articles>]. При этом, Голобородько отмечает необходимость использования широкого инструментария имиджевого конструирования от использования всех каналов коммуникации до институтов публичной дипломатии, к которым он относит культурно просветительские проекты в сотрудничестве российских и зарубежных вузов и инициативы по популяризации русского языка и культуры на международном уровне. Последний компонент тесно связан с реализацией внешней языковой политики и требует, по словам автора, «систематизации и оптимизации возможностей для расширения и трансляции опыта в методическом, технологическом, организационном и др. аспектах» [Голобородько 2015, <https://interactive-plus.ru/e-articles>].

Рассматривая взаимосвязь *мягкой силы* и дискурса, И.А. Якоба отмечает «механизм действия «мягкой силы», который заключается в способности воздействовать на систему социокультурных фильтров или «матрицу убеждений», составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия» [Якоба 2014]. Эта трактовка подводит нас к рассмотрению языковой политики с позиций *когнитивной лингвистики*.

Так, разрабатывая проблемы «лингвокогнитивных механизмов умной настройки дискурса», И.А. Якоба и С.С. Тимофеев выдвигают концепцию, согласно которой дискурс выступает «трансформатором» смысла (преобразователем идей и мыслей коммуникантов), движется от адресанта к адресату по управляемой траектории в интеллектуальном пространстве, регулируемом умной, мягкой и жесткой силами воздействия» [Якоба,

Тимофеев 2016: 128]. Авторы выделяют следующие компоненты умной настройки дискурса: 1) паттернизация дискурса; 2) пенетрационная способность паттернов дискурса; 3) смысловая ритмичность; 4) интенциональность и дестинаторность дискурса; 5) смысловое давление; 6) смыслофоничность дискурса как гармоничное наложение смыслов и идей, когда дискурс принимается адресатом и не вызывает у него отторжения [Якоба, Тимофеев 2016: 127].

Научное осмысление способов и приемов воздействия в процессе коммуникации привело к появлению теории речевого воздействия, которую рассматривают также как отдельную науку, находящуюся на стыке «традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, прагматической лингвистики, риторики, дискурсивной лингвистики, стилистики и культуры речи, психологии, теории массовой коммуникации, рекламы, персоналменеджмента, социологии, связей с общественностью, культурологии, этнографии, конфликтологии и др.» [Стернин 2012: 3].

Речевое воздействие как «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [Помырляну 2013: 71], перекликается с концепцией *мягкой силы*, отличаясь от последней, главным образом, уровнем воздействия. Это дает основания рассматривать теорию речевого воздействия как одно из потенциальных направлений исследований инструментов *мягкой силы*.

Вместе с тем, не следует переоценивать роль коммуникативного воздействия в изменении уровня привлекательности той или иной страны. Так, «рассогласованность векторов коммуникации и реального развития и

даже простое отставание второго от первого если и не сводит на нет, то во многом обесценивает все коммуникативные усилия» [Паршин 2014: 30].

Таким образом, *мягкая сила* предполагает «реальное развитие ее в таком направлении и к такому состоянию, которое будет привлекать к ней симпатии» [Паршин 2014: 25]. На основании вышесказанного можно констатировать бесспорную связь, существующую между *мягкой силой* и *языком*, при этом характер этой связи и возможности обоюдного воздействия должны стать объектами дальнейших исследований. Описанию языковой политики и ее потенциала в рамках концепции мягкой силы, а также выявлению национальной специфики мягкой силы на основе анализа политического дискурса СМИ США, Китая и России будут посвящены три последующие главы настоящего исследования.

Выводы по первой главе

Анализ теоретико-методологических, а также исторических основ *языковой политики* и *языкового планирования* позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Обзор основополагающих и современных направлений исследований разных аспектов языковой политики и языкового планирования, а также целого круга смежных с ними научных проблем, наглядно демонстрирует степень исследовательского интереса к социолингвистической тематике в целом и рассматриваемой проблеме в частности. При этом очевидно, что многообразие эмпирических и теоретических данных нуждается в обобщении и систематизации. Кроме того, будучи тесно связанной с политическими, социальными, культурными изменениями в обществе, теория языковой политики постоянно находится в «подвижном» состоянии, стремясь ответить на самые насущные потребности общества. В таких условиях необходимы исследования, учитывающие самые новейшие изменения и способные прогнозировать и предлагать системные решения возникающих проблем.

2. Проведенный нами анализ подходов к трактовке понятий *языковая политика* и *языковое планирование* показывает существующее многообразие определений, которое создает предпосылки для терминологической неточности, особенно при изучении и сравнительном анализе языковой политики и языкового планирования разных стран. Так, для отечественной научной традиции более характерно использование термина *языковая политика*, в то время как в зарубежной лингвистике более широкое распространение получил термин *языковое планирование*. Учитывая этот факт, считаем целесообразным в целях изучения и описания предпосылок и процессов, относящихся к этому разделу социолингвистики, использование терминологического многочлена *языковая политика и планирование*, нередко используемого в трудах зарубежных лингвистов (LPP

– language policy and planning). Учитывая специфику настоящего исследования, предполагающую использование как отечественных, так и зарубежных теоретических и эмпирических источников, считаем возможным рассматривать понятия *языковая политика* и *языковое планирование* в трудах, посвященных прикладному использованию указанных понятий, как синонимичные.

3. В дополнение к традиционно выделяемым уровням языковой политики и планирования внутри государства в настоящее время наблюдается активная деятельность, направленная на распространение языка за пределами государства. Этот вид деятельности уместно, на наш взгляд, обозначить термином *внешняя языковая политика*. Так же, как и *внутренняя, внешняя языковая политика* может быть охарактеризована с позиций целей, объектов, субъектов и инструментов реализации. При этом цели *внешней языковой политики* во многом связаны с политикой *мягкой силы*.

4. Научная разработка концепции *мягкой силы* развивается в двух направлениях: 1) обобщение и систематизация фактических данных о реализации на практике данной концепции; 2) теоретическое осмысление способов и инструментов воздействия с целью выработки эффективных рекомендаций по реализации потенциала *мягкой силы*.

Глава II.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МЯГКОЙ СИЛЫ В США

§1. Внутренняя языковая политика и планирование

Предпосылки становления современной языковой политики США

Будучи страной со значительным национально-языковым многообразием, США на протяжении всей истории неизбежно вставали перед необходимостью воздействия на функционирование языка (языков) в обществе. При этом, одним из наиболее противоречивых и дискуссионных вопросов языковой политики США является определение статуса английского языка.

Отсутствие законодательно закреплённого статуса официального или государственного языка у широко распространённого в США английского языка во многом определило специфику языковой политики и планирования в государстве. Решение не присваивать никакого номинального статуса английскому языку было принято отцами-основателями США ввиду следующих причин: 1) очевидное доминирующее положение английского языка; 2) проведение осознанной политики «отсутствия политики» (*policy not to have a policy*) [Crawford 1999: 10] как дань демократическим принципам, провозглашённым в конституции США; 3) стремление видеть английский язык не символическим показателем единства, а практическим средством общения, добровольно выбираемым для взаимодействия; 4) необходимость учета интересов представителей всех колоний для поддержания формирующегося единства на основе общих представлений о свободе и демократии; 4) отсутствие в молодом государстве организаций и институтов, занимающихся вопросами языка.

При этом отказ государственной власти от прямого регулирования не означает отсутствия *языковой политики* в государстве. Помимо открытой

модели *языковой политики и планирования* (overt language policies), предполагающей прямое декларирование и реализацию через систему мер, включающую законодательное регулирование, существует скрытая модель ЯПП (covert language policies), описанная американским лингвистом Хэрольдом Шифманом [Schiffman 1995]. «Скрытая языковая политика не упоминает ни один язык в каком-либо законодательном документе, административном кодексе и т.д. Гарантии языковых прав выводимы из других направлений политики, положений конституции, «духа закона» или самого факта выбора того или иного языка для составления законодательства» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [Schiffman 1995: 30].

Эта дихотомия объясняет многообразие оценок языковой политики и планирования США, существующих в современной научной литературе, варьирующихся от отрицания существования языковой политики США до признания ее репрессивной по отношению к неанглоязычному населению. Каждая из указанных точек зрения имеет под собой основания, поскольку акцентирует внимание на определенном направлении языковой политики и, что еще более важно, на ее отдельных проявлениях.

Многие исследователи рассматривают в своих работах лишь проявления открытой (overt) ЯПП, не учитывая того, что Хайц Клосс называл «поглощающей силой американского общества» (absorbing power of American society) [Kloss 1977: 274], представляющую собой такую организацию жизни общества, при которой ассимиляция представляется необходимым условием полноценной жизни. Хэрольд Шифман переформулировал название этого фактора в «поглощающую силу высокоразвитой американской лингвистической культуры» [Schiffman 1995: 212]. Таким образом, исследование ЯПП США требует всестороннего изучения не только мер открытой языковой политики, но и особенностей социолингвистической ситуации.

Социолингвистическая ситуация в США в XXI веке

Представление о социолингвистической ситуации, сложившейся в США на рубеже XX – XXI веков, может дать анализ статистических данных, полученных в ходе переписи населения разных лет. Изучение динамики социолингвистической ситуации может помочь выявить задачи и результаты внутренней языковой политики и планирования как в области *статуса* языка, так и в области *образования*. Проведенная нами выборка данных об изменении числа жителей с разным уровнем владения английским языком, сделанная на основании результатов переписи населения разных лет (источник данных – www.census.gov) и отчетов Американской службы социологических исследований (American Community Survey), позволила нам составить сводную таблицу, характеризующую социолингвистическую ситуацию в США в период с 1980 по 2015 гг. (см. таблицу 1).

Таблица 1

	1980	1990	Динамика 1980- 1990	2000	Динамика 1990- 2000	2015	Динамика 2000- 2015
Общее число жителей США (старше 5 лет)	210,247,455	230,445,777	+ 9.6%	262,375,152	+ 13.86%	291 484 482	+11,1 %
Число жителей, говорящих на других языках	23,060,040 (10.96%)	31,844,979 (13.82%)	+ 38.1%	46,951,595 (17.9%)	+ 47.44%	60 361 574	+22,2 %
Число жителей, не владеющих английским	1,217,989 (0.6%)	1,845,243 (0.8%)	+ 51.5%	3,366,132 (1.3%)	+ 82.42%	нет данных	

Исходя из статистических данных, можно сделать вывод о том, что темп роста количества жителей США, говорящих не на английском языке, существенно опережает естественный прирост населения; при этом, количество жителей, не владеющих английским, увеличилось многократно за 20 лет с 1980 по 2000 гг. К сожалению, проследить дальнейшую динамику изменений последнего параметра представляется затруднительным в связи с изменением структуры официально предоставляемых статистических данных. Так, после 2000 года в отчетах и иных документах о языковой ситуации параметр «не владеет английским языком» заменен на «владеет английским языком на уровне ниже, чем «очень хорошо», что делает сопоставительный анализ невозможным. Примечательно, что в бланках для переписи населения 2010 года вопрос о языке, используемом дома, равно как и вопрос об уровне владения английским языком, отсутствуют.

Языковая политика и планирование в области статуса

Тревожная социолингвистическая ситуация, сопровождающаяся увеличением потока иммигрантов, а следовательно, и увеличением доли населения, не говорящего или плохо говорящего на английском, не могла не сказаться на отношении к языковому многообразию. Подъем ассимиляционистских настроений в обществе привел к возобновлению дискуссии о придании английскому языку статуса официального. Поводом стало внесение на рассмотрение поправки в конституцию США о придании английскому языку статуса официального в 1981 году. Поправка не была принята, однако послужила «лакмусовой бумажкой», разделившей общество на два лагеря. В 1983 и 1985 гг. происходит повторное внесение на рассмотрение поправки в конституцию США о придании английскому языку статуса официального.

Неудачи сторонников официального английского на федеральном уровне не означали, однако, непопулярность идеи. Вместе с тем, необходимо отметить, что в США существует несколько способов законодательного регулирования статуса английского языка и его функционирования:

1) внесение поправок в конституцию; 2) внесение изменений в Свод Федеральных законов США; 3) изменение иммиграционного законодательства; 4) изменение законодательства в области образования; 5) принятие законов об официальном языке на уровне отдельных штатов. После Небраски и Иллинойса третьим штатом, провозгласившим официальный статус английского языка, стал штат Гавайи. При этом, наряду с английским официальным языком штата признавался язык коренного населения Гаваев. Наиболее жестким вариантом местного законодательства можно считать закон графства Дейд штата Флорида 1980 года, согласно которому запрещается расходование государственных средств на любое использование неанглийского языка, включая запрет на инструкции и буклеты по пожарной безопасности, надписи в общественном транспорте на испанском и проведение брачных церемоний на испанском языке.

На волне подъема общественного мнения по вопросу официального статуса в 1983 году появляется организация US English, возглавляемая сенатором-республиканцем из Калифорнии Хайакава и председателем организации по реформированию американской иммиграционной системы из Мичигана доктором Джоно Тэнтоном. US English является координатором движения за официальный английский (Official English Movement). Последнее иногда неосторожно называют English Only Movement. Однако сами представители организации стремятся отгородиться от этого термина, связанного с негативной коннотацией. Для этого на официальном сайте организации US English размещен следующий комментарий: «English Only – это неточный термин, используемый для обозначения законодательства по приданию официального статуса английскому языку. Организация US English никогда не выступала, не выступает и не будет выступать в поддержку любого законодательства, запрещающего использование других языков, кроме английского на территории США» (перевод наш – О.А. Селиверстова) [<http://www.us-english.org>].

В 1986 году Конгресс принимает долго обсуждавшийся закон «О реформе иммиграционной системы», в котором содержится положение о владении английским языком. При рассмотрении в Сенате Положение об объявлении английского официальным национальным языком отклоняется.

В это же время на политической арене появляется еще одна организация, лоббирующая изменение статуса английского, – English First. Декларируемыми целями организации являются следующие: 1) закрепить официальный статус английского языка в Америке; 2) дать каждому ребенку возможность изучать английский язык; 3) искоренить затратную и неэффективную политику многоязычия (перевод наш – О.А. Селиверстова) [<http://englishfirst.org/d/about>].

Об эффективности деятельности указанных организаций говорит статистика, согласно которой в период с 1981 г. английский был признан официальным языком в 27 штатах. Список штатов с законодательно закрепленным официальным языком (английским) с указанием года принятия соответствующих законов приведен в таблице 2.

Таблица 2

Alabama (1990)	Louisiana (1812)
Alaska (1998)	Massachusetts (1975)
Arizona (2006)	Mississippi (1987)
Arkansas (1987)	Missouri (1998 & 2008)
California (1986)	Montana (1995)
Colorado (1988)	Nebraska (1920)
Florida (1988)	New Hampshire (1995)
Georgia (1986 & 1996)	North Carolina (1987)
Hawaii (1978)	North Dakota (1987)
Idaho (2007)	Oklahoma (2010)
Illinois (1969)	South Carolina (1987)
Indiana (1984)	South Dakota (1995)
Iowa (2002)	Tennessee (1984)
Kansas (2007)	Utah (2000)
Kentucky (1984)	Virginia (1981 & 1996)
	Wyoming (1996)

Столь активная кампания в поддержку английского языка не могла не спровоцировать ответную реакцию, которой стало создание другой организации с более гибкой идеологией – English Plus, позиционирующей себя как оппозиция Official English. Признавая языковое многообразие неотъемлемой характеристикой американского общества, ее представители, к которым относятся образовательные организации и общества по гражданским правам, выступают за создание возможностей для изучения английского языка *плюс* совершенствование родного языка.

Законы и поправки об официальном статусе английского языка многократно выносились на рассмотрение, однако так и не были приняты на федеральном уровне. В 2006 г. одобренный Конгрессом закон о признании английского языком общения и государственного единства (Закон «О единстве английского языка») был отклонен властью президентского вето.

Сегодня об остроте проблемы статуса и положения языков в США свидетельствует тот факт, что в предвыборной гонке он часто становится разменной монетой в попытке кандидатов привлечь на свою сторону категории населения, для которых этот вопрос имеет решающее значение. Так, нередко случаи, когда в предвыборной гонке кандидаты наряду с английским использовали, например, испанский язык, стремясь снискать симпатии испаноязычной части электората. Так, в 2015 году кандидат в губернаторы Флориды дал развернутое интервью на испанском языке. В то же время в предвыборной кампании 2016 года Дональд Трамп крайне неодобрительно высказывался о подобной практике, заявляя «Это страна, где говорят на английском языке, а не на испанском» (“This is a country, where we speak English, not Spanish. [<http://www.politico.com/story/2016/09/donald-trumps-english-only-campaign-228559>] перевод наш – О.А. Селиверстова), в дальнейшем неоднократно подкрепляя свои взгляды высказываниями в пользу английского языка: «... поскольку мы часть этой нации, мы должны говорить по-английски» («...while we're in this nation, we should be speaking English» [<http://www.dailymail.co.uk/news/article-4148978>] Перевод наш –

О.А. Селиверстова). Одной из наиболее обсуждаемых новостей после избрания Трампа на пост президента США стало решение об изменении официального сайта Белого Дома в пользу одноязычной версии, версия сайта на испанском языке, существовавшая в период работы на посту президента Барака Обамы в настоящий момент не работает (по состоянию на 31.01.17) [там же].

Таким образом, на протяжении всей истории США активными субъектами языковой политики и планирования являются общественные организации. В то же время многочисленные попытки последних изменить ситуацию многократно наталкивались на сопротивление органов и представителей государственной власти, что только подтверждает значимость роли государства в языковой политике США на современном этапе даже в условиях децентрализованной языковой политики.

Вопросы законодательного регулирования связаны не только с ЯПП в области статуса языка, но и с языковой политикой в образовании.

Языковая политика и планирование в области образования

Увеличившийся в 80-х гг. XX в. поток иммигрантов привел к ситуации, когда в одной школе в США обучались представители самых разных национальностей, а количество языков доходило до 25. В таких условиях соответствие требованиям закона 1968 года, обязывающего образовательные учреждения предоставлять возможность обучения на родном языке для плохо владеющих английским, стало весьма затруднительным и требовало больших объемов финансирования. Помимо этого, изменилось и отношение в обществе к самой идее билингвального образования. Суть этих изменений отчетливо видна в речи президента Р. Рейгана: «Реализация билингвальных образовательных программ, открыто демонстрирующих стремление к сохранению их родного языка, а не к владению английским на адекватном уровне для последующего выхода на рынок труда, – это в корне неверная и противоречащая американским идеалам практика» (цит. по: [Crawford 1999: 89]).

С учетом изменившейся социолингвистической ситуации на волне ассимиляционистских настроений в обществе в 1984 году был принят новый Закон «О билингвальном образовании», который давал образовательным учреждениям больше свободы в выборе методов и программ обучения детей с низким уровнем владения английским. В соответствии с положениями нового закона финансирование на конкурсной основе выделялось на три типа программ: 1) переходные билингвальные образовательные программы, где обучение на английском языке сочеталось с обучением на родном с целью постепенного перехода к традиционной англоязычной программе обучения; 2) развивающие билингвальные образовательные программы с обучением на двух языках с целью формирования полноценного двуязычия; 3) альтернативные программы, предполагающие специально структурированное обучение на английском языке с соответствующим вспомогательным курсом изучения английского. Отдельно стоит отметить принципиально новый тип программ, которые также получали федеральное финансирование, – это т.н. программы домашнего обучения грамотности (Family English Literacy Programs), нацеленные на вовлечение в образовательный процесс семей и ближайшего окружения детей. Таким образом, решалась задача повышения уровня владения английским языком не только среди детей, но и – что особенно важно – среди взрослой части иммигрантов. Наметившаяся в законе 1984 года тенденция к ослаблению требований и ограничений по отношению к образовательным учреждениям, а также стремление к гибкости нашли свое отражение в законе 1988 года. В соответствии с положениями нового закона финансирование на обучение детей с низким уровнем владения английским языком распределялось следующим образом: 75% на переходные билингвальные программы, 25% на альтернативные образовательные программы (по сравнению с 4-10% в законе 1984 года). Для обеспечения более точного соответствия программ потребностям конкретных регионов широкие полномочия по организации билингвального образования были переданы на уровень штатов. Так, штаты

получали возможность регулирования вопросов образования детей с низким уровнем владения английским языком в соответствии с социолингвистической ситуацией на местах. Большое внимание уделялось в законе проблеме подготовки и повышения квалификации кадров для организации и реализации программ билингвального образования, что также отразилось в существенном увеличении финансирования на стажировки и стипендии для педагогических работников, занятых в данной сфере. Кроме того, закон устанавливал максимальную продолжительность участия учащихся в переходных билингвальных программах, которая составила 3 года (в исключительных случаях до 5 лет). Позже, в редакции закона от 1994 года, данное ограничение было снято. Исправленный вариант закона о начальном и среднем образовании 1994 года был направлен на обеспечение средств достижения нацией своих образовательных целей, на обеспечение всех детей возможностями учиться эффективно. Все ученики, в том числе и дети, с ограниченными умениями в английском языке поощрялись, с целью наиболее полного раскрытия своего потенциала.

В 2001 году администрацией Дж. Буша была предложена концепция реформы образования «Ни один ребенок не останется без внимания» (No Child Left Behind), которая нашла свое отражение в соответствующем законе, принятом в 2002 году. Основные положения закона включают в себя следующие приоритеты: 1) нацеленность на результат, предполагающую регулярные проверки уровня знаний учеников с последующим обнародованием результатов; 2) расширение полномочий администрации штатов в решении вопросов сферы образования, а также в распоряжении финансовыми средствами; 3) внимание к неблагополучным и социально незащищенным семьям (предоставление права выбора школы, выделение средств на дополнительные образовательные услуги для детей); 4) постоянный мониторинг базового уровня грамотности, в частности, умения читать, среди населения; 5) повышение уровня владения английским языком; 6) повышение квалификации педагогического персонала.

Критики закона говорят о его несовершенстве в части, касающейся билингвального образования. Так, зависимость уровня (рейтинга) школы (а в дальнейшем и ее будущего) только от результатов проверки знаний учащихся по базовым предметам ставит в неравные условия школы с разным количеством детей с низким уровнем владения английским языком, нуждающихся в билингвальном обучении. Такие школы не смогут конкурировать со школами, где большинство учеников являются представителями англоязычных семей, а значит, могут быть признаны неэффективными. В таких условиях появляется прямая зависимость между формальным показателем результативности школы и количеством англоязычных учеников, а соответственно падает заинтересованность школ в разработке и реализации билингвальных образовательных программ. Более того, закон заменяет само понятие «билингвальное образование» на «овладение английским языком» (English language acquisition), тем самым свидетельствуя о применении так называемых подходов «English-only» (обучение только на английском) и «English immersion» (обучение с полным погружением в английский язык). Учитывая современную социолингвистическую ситуацию в США, характеризующуюся увеличением числа иммигрантов, не владеющих или ограниченно владеющих английским языком, а также принципиальную позицию новоизбранного президента Дональда Трампа по вопросам иммиграционной политики и языка общения в государстве, можно ожидать дальнейшее укрепление указанных подходов к обучению языку в системе образования.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствие у английского языка юридического статуса не препятствует его поддержке на государственном уровне как *de-facto* национального языка США, что свидетельствует о скрытом характере централизованной языковой политики в области статуса, которая реализуется, в том числе, через законодательство и политику в области образования.

Языковая политика и планирование в области корпуса

В результате воздействия на корпус языка и языковую норму множества подчас противоречивых факторов и сил в процессе развития современный американский вариант английского языка приобрел и продолжает приобретать вариативность и динамичность норм всех уровней: произносительной, грамматической и лексической.

Как и в остальных направлениях языковой политики, на современном этапе большое значение приобретает мнение общественности в лице общественных и правозащитных организаций, а также средств массовой информации и т.д.

По справедливому замечанию А.Д. Швейцера, «кодификация узуса осуществляется через систему образования, многочисленные пособия по практической стилистике, словари узуса, инструкции издательств, средств массовой коммуникации, общественные и официальные учреждения и даже программы компьютеров. Регламентирующее влияние на язык осуществляется, как правило, путем определенных ограничений и рекомендаций» [Швейцер 1995: 9].

С подачи антирасистских, феминистских и иных правозащитных организаций в корпусе языка появился пласт «неполиткорректной», а по сути табуированной лексики. Выделяют два пути возникновения изменений в корпусе стандартного английского: проникновение лексических единиц из других подсистем «снизу» и «сверху». В первом случае узус воздействует на литературный язык, во втором – слэнговые выражения создаются писателями и, опосредованные читателями, получают дальнейшую жизнь. А.Д. Швейцер называет такое явление «полицентрической моделью формирования литературного языка» [Швейцер 1995: 9].

Несомненное воздействие на корпус языка оказывают процессы глобализации, объединения интернет-пространства, стирающие грани между государствами и языковыми сообществами. В таких условиях в структуре комплексного понятия «языковая политика и планирование» появляется, на наш взгляд, еще один компонент – *внешняя языковая политика*,

представляющий собой политику государства по распространению языка за его пределами.

§2. Внешняя языковая политика и планирование и мягкая сила США

Несмотря на отсутствие у английского языка какого-либо официального статуса в США, он, несомненно, является национальным языком, и его распространение в мире зачастую связывают именно с политикой Соединенных Штатов не только в сфере языкового планирования, но и в области политики, культуры, экономики и т.д. По некоторым данным, около четверти населения всего мира, так или иначе, владеет английским языком. Среди факторов, способствовавших такой популярности английского языка, выделяют геополитические и исторические предпосылки. К *геополитическим* причинам можно отнести потребность в языке международного общения, которая вышла на первый план в 1945 году, когда была образована Организация Объединенных Наций, ставшая важной площадкой политического диалога для 51 государства. Сейчас официальными языками ООН помимо английского являются арабский, испанский, китайский, русский, французский. При этом рабочими языками секретариата остаются английский и французский. Помимо ООН на сегодняшний день в мире существует около 12500 международных организаций, в 85% из которых английский используется как официальный.

К *историческим* причинам популярности английского языка в мире относят следующие факторы: *политические, экономические, технологические и культурные* [Crystal 2004].

Говоря о *политических* причинах, стоит упомянуть повышенный интерес к политической системе США, первой современной демократической стране. Дальнейшее распространение демократии также неизменно ведет к существенному укреплению позиций английского языка на международной арене. *Технологические* причины связаны, в первую очередь, с промышленной революцией XVIII – XIX веков, родоначальником которой стала Англия. Впоследствии эстафету подхватили США, которые к

1860 г. вышли на второе место по промышленному производству, а затем стали основным разработчиком и поставщиком новейших технологий. Стремительное развитие технологии было обусловлено ростом научного знания и научного обмена информацией, который велся в основном на английском языке. Не менее важным технологическим фактором, способствующим развитию межкультурной коммуникации, стал интернет, зародившийся в США в конце 60-х годов XX века и являющийся на сегодняшний день одним из самых популярных средств общения.

Экономические причины тесно связаны с ростом объема торговых операций, вызванным экспортом продуктов промышленного производства, который дал толчок развитию банковской системы. Центрами сформировавшейся банковской системы стали Лондон и Нью-Йорк.

Культурные предпосылки охватывают множество сфер. Во-первых, это средства массовой информации. На фоне действовавшей в конце XIX – начале XX века в Европе цензуры независимая пресса США выглядела более привлекательно: новости становились известны в кратчайшее время и не подвергались цензуре. Изобретение телеграфа, создание новостных агентств и появление первых радиостанций привело к тому, что важнейшие международные печатные новости стали англоязычными. Свою роль в продвижении английского языка сыграла музыкальная и киноиндустрия США, ориентированная на массового зрителя/слушателя и использующая последние технологические разработки, что делает эту сферу привлекательной для представителей всех стран и культур и неизменно ведет к дальнейшей популяризации английского языка.

Все перечисленные предпосылки в полной мере соответствуют концепции *мягкой силы*, предложенной в 1991 профессором Гарварда Джозефом Найем, согласно теории которого *мягкая сила* США включает в себя три компонента: 1) привлекательность американской культуры и образа жизни; 2) принципы и ценности политической системы США;

3) дипломатические усилия по разрешению политических кризисов и конфликтов.

Говоря о субъектах *мягкой силы* США, Дж. Най подчеркивал привлекательность американской культуры и образа жизни, а также принципов и ценностей.

Вместе с тем, «трансляция» привлекательности идей и ценностей американского гражданского общества осуществлялась, в том числе, благодаря деятельности Информационного агентства США (United States Information Agency, USIA), представляющего собой правительственную организацию, реализующую информационную деятельность за рубежом. Принятие в 1961г. Акта о взаимном образовательном и культурном обмене определило следующие направления деятельности USIA: «1) устанавливать и развивать контакты между США и другими странами на личном и институциональном уровнях, способствуя таким образом росту взаимопонимания и международной стабильности; 2) оказывать помощь в построении демократии и рыночной экономики в странах, стремящихся к созданию открытого общества; 3) разъяснять политику США таким образом, чтобы она стала понятна широкой зарубежной аудитории; 4) представлять американское общество во всем его многообразии, способствуя пониманию подлинного смысла политики США представителями зарубежной общественности; 5) консультировать президента, госсекретаря, членов Совета национальной безопасности и других высших правительственных чиновников по вопросам общественного мнения за рубежом с целью выработки текущей и перспективной политики США; 6) содействовать осуществлению программ образовательных и культурных обменов в национальных интересах; 7) проводить переговоры по обмену информацией и образовательному и культурному обмену с правительствами других стран» [Петровский, <https://interaffairs.ru/jauthor/material/905>]. Не менее важным примером *мягкой силы*, исходящей от правительства, считают План Маршала, основанный на долгосрочных политических и экономических

интересах США, который позволил сформировать в Европе надежного союзника США.

Таким образом, к инструментам *мягкой силы*, применяемым в настоящее время США можно отнести 1) культурные и обменные программы, предоставление грантов и стипендий на обучение в США, которые позволяют, во-первых, эффективно выбирать объекты воздействия, во-вторых, адресно использовать ресурс привлекательности; 2) теле- и радиотрансляции правительства США в других странах, которые обеспечивают информационное воздействие, освещая события в «нужном» свете; 3) деятельность неправительственных организаций по лоббированию интересов США за рубежом; 4) информационное воздействие через инструменты Интернета, приобретающее все большее значение по мере развития информационных технологий и межкультурной коммуникации.

В целом же, экспансия английского языка стала скорее не инструментом, а результатом воздействия *мягкой силы* США, выразившейся в реализации целого комплекса мероприятий и закономерных процессов развития технологии, экономики и гражданского общества. Кроме того, в качестве весомой предпосылки, создавшей благоприятные условия для распространения английского языка в мире, безусловно, можно считать и политику Великобритании со времен колонизации.

§3. Мягкая сила в политическом дискурсе средств массовой информации США: лексико-семантический анализ

Рассмотренные в двух предыдущих параграфах теоретико-практические положения, касающиеся реализации *языковой политики и планирования* в США, не могли не найти своего отражения в языковой реализации концептуальных ориентиров *мягкой силы*. В этой связи основной целью настоящего параграфа является попытка лексико-семантического анализа вербализации *мягкой силы* в современном политическом дискурсе американских средств массовой информации XXI века.

Вводные замечания

Для проведения исследования методом сплошной выборки был составлен отрывочный корпус из 982 расширенных контекстов, соответствующий 1051 конкордансам. Для анализа были взяты электронные издания крупнейших по тиражу средств массовой информации США со всеми приложениями: Washington Post и New York Times (2005 – апрель 2017 гг. издания). Статистические данные по количеству словоупотреблений и контекстов с распределением последних по годам представлено в таблице.

Таблица 3

Название газеты	Ссылка на ресурс	Количество конкордансов	Количество контекстов по годам												
			2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Washington Post	www.washing tonpost.com	431	1	0	17	32	18	27	25	29	35	53	47	52	44
New York Times	www.nytimes.c om	620	13	21	42	62	48	43	62	66	55	64	37	60	29

Проведенный анализ выявил следующие особенности функционирования конструкции *soft power* в дискурсе англоязычных СМИ США.

Графическая вариативность

Конструкция *soft power* встречается в дискурсе американских СМИ в следующих графических вариантах:

1) *soft power* – наиболее употребительный вариант, реализуемый в 89% конкордансов; ср.: *American culture is this country's biggest export and source of soft power (Американская культура – это важнейший продукт экспорта и источник мягкой силы этой страны)* [<https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2014/12/18/interview-cancelation-aftermath-obama-wants-us-to-go-to-the-movies/>] – Здесь и далее в тексте перевод наш – О.А. Селиверстова;

2) “*soft power*” – написание в кавычках приходится на 2,8% конкордансов, при этом употребления данного графического варианта ограничено временными рамками и встречается главным образом в контекстах, датируемых 2005-2011 гг. Постепенное снижение популярности данного графического варианта можно объяснить учащением использования понятия *soft power*, которое привело к закономерному закреплению словосочетания как единой устойчивой конструкции в языковом сознании носителей. В политическом дискурсе СМИ последних нескольких лет данный графический вариант используется преимущественно в контекстах с атрибутивным использованием конструкции *soft power*, а также в случаях употребления *soft power* как названия концепции Дж. Найя; ср.: *A large part of Joseph Nye's concept of “soft power” rests on the idea that the American Dream appeals to the rest of the world (Концепция «мягкой силы» Джозефа Найя основана в значительной мере на идее о том, что американская мечта обладает привлекательностью для всего остального мира)* [https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2017/02/01/america-the-unexceptional/?utm_term=.d77d02d14fb7];

3) “soft” power – указанный графический вариант можно считать окказиональным, поскольку он представлен единичными контекстами, относящимися к 2007 году, и, вероятно, является переходным графическим вариантом между написанием в кавычках и современным вариантом; ср.: *Critics of certain U.S. policies assert that practices departing from long-standing international law ... are linked to the worldwide decline of America's reputation and moral sway, key elements of "soft" power* (Критики определенных направлений политики США утверждают, что приемы, отклоняющиеся от сложившихся норм международного законодательства ... ведут к подрыву моральных устоев и репутации Америки в мире, которые являются ключевыми компонентами «мягкой» силы) [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/08/02/AR2007080202148.html>]. Иная мотивация заключения в кавычки первого элемента конструкции – противопоставление *hard* и *soft power*, ср.: *The nation should embrace a smarter strategy that blends our "hard" and "soft" power – our ability to attract and persuade, as well as our ability to use economic and military might* (Государство должно применять более умную стратегию, которая свяжет «жесткую» и «мягкую» силу – нашу способность привлекать и убеждать и нашу способность использовать экономическую и военную мощь) [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/12/05/AR2007120502254.html>];

4) *soft-power* – случаи дефисного написания встречаются в 8,5% контекстов и связаны преимущественно с атрибутивным использованием конструкции; ср.: *We need a combination of hard and soft power, and I think the music piece goes to that **soft-power** idea* (Нам необходимо сочетание жесткой и мягкой силы, и я думаю, музыка соответствует идее мягкой силы.) [<https://www.washingtonpost.com/news/federal-eye/wp/2014/03/13/republican-to-discuss-artists-role-in-homeland-security-at-sxsw-music-festival/>].

Высокий уровень стабильности в дискурсе СМИ преобладающего графического варианта может объясняться его включением в словари современного английского языка, что обусловило нормативный характер написания.

Синтагматический анализ

Синтагматический анализ выявил следующие особенности валентностной вариативности *soft power*.

Активная валентность

Активная валентность конструкции *soft power* реализуется в дискурсе американских СМИ словосочетаниями, построенными по модели *soft power* + *существительное*, где *soft power* выполняет атрибутивную функцию, а существительное выражает одну из следующих сем:

а) «вопрос»: *soft power agenda* (планы в отношении мягкой силы), *soft power matters* (вопросы мягкой силы), *soft power mandate* (круг вопросов мягкой силы); ср.: *If you're trying to score points with the Communist Party and the central government, you want to support their **soft-power agenda**, to help spread the culture* (Если вы пытаетесь набрать очки в глазах Коммунистической партии и центрального правительства, вам нужно поддерживать их **планы в отношении мягкой силы**, чтобы содействовать распространению культуры)
[<http://www.nytimes.com/2013/11/07/business/media/china-wants-its-movies-to-be-big-in-the-us-too.html>];

б) «подход»: *soft power approach*, *soft power perspective* (концепция мягкой силы), *soft power tactics* (тактика мягкой силы), *soft power strategy* (стратегия мягкой силы), ср.: *But **soft power tactics** are not the only keys to victory* (Но **тактика мягкой силы** – не единственный путь к победе)
[<http://www.nytimes.com/2006/08/07/opinion/07shultz.html>];

в) «реализация»: *soft power attempts* (попытки применения мягкой силы), *soft power initiative* (инициативы по применению мягкой силы), *soft power offensive* (наступление мягкой силы); ср.: *There have been both*

*crackdowns and **soft-power attempts** to encourage moderate expressions of Islam* (Как жесткие меры, так и **попытки применения мягкой силы** использовались, чтобы содействовать умеренным проявлениям ислама) [https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/jordan-cracks-down-on-islamic-state-on-facebook-and-twitter/2014/10/12/6c4ed348-415a-4395-9e3d-7ec0377543df_story.html];

d) «средства»: *soft power assets (ресурсы мягкой силы), soft power credentials (полномочия мягкой силы), soft power resource (ресурс мягкой силы), soft power tools (инструменты мягкой силы), soft power weapons (орудия мягкой силы), soft power instrument (инструмент мягкой силы), ср.: It is show-time for President Obama's 9 month stimulus package accumulating **soft power assets** (Пришло время Бараку Обаме применить свой пакет стимулирующих мер, рассчитанный на 9 месяцев и содержащий все **ресурсы мягкой силы**)* [http://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/09/25/weekend-opinionator-qadaffis-bombast-irans-bombs/].

Высокий потенциал активной валентности, характерный для политического дискурса СМИ США и реализующейся в атрибутивном использовании исследуемой конструкции, свидетельствует о ее смысловой устойчивости, при которой закрепленное за ней значение реализуется в речи регулярно и понимается носителями языка, что позволяет ей выступать в качестве самостоятельной характеристики существительных с одной из следующих сем: «подход», «вопрос», «средства», «реализация». Такое положение дел представляется естественным и закономерным, учитывая англоязычное происхождение конструкции *soft power* и длительный период его существования в языке и сознании.

Пассивная валентность

1. Существительное + предлог + soft power

Указанная конструкция представляет собой наиболее многочисленную группу и включает в себя существительные, реализующие одну из следующих сем:

а) «вид»: *form of soft power (форма мягкой силы)* , *kind of soft power (вид мягкой силы)*; ср.: *And while these restaurants may function as a **form of soft power**, promoting North Korea around the world, their immediate aim is more simple* (И хотя, возможно, эти рестораны выступают как форма мягкой силы, их непосредственная цель более простая) [https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/india-wants-to-turn-25-million-in-the-diaspora-into-global-ambassadors/2015/02/17/908ee6ff-a650-42bc-ac58-0a2c91530a26_story.html].

б) «теория»: *idea of soft power(идея мягкой силы)*, *notion of soft power (понятие мягкой силы)*, *doctrine of soft power (доктрина мягкой силы)*, *strategy of soft power (стратегия мягкой силы)*. Ср.: *The connection between culture and power was closely linked and obvious to governments and the **notion of soft power**, which seems to be a new concept, was actually around for a long time* (Тесная связь культуры и силы была очевидна для правительства и **понятие мягкой силы**, кажущееся новой концепцией, на самом деле существует уже давно). [<http://india.blogs.nytimes.com/2012/02/24/a-conversation-with-naresh-fernandes/>]. В указанных словосочетаниях реализуется восприятие мягкой силы как теоретической концепции или абстрактного понятия, требующего осмысления;

в) «предпочтение»: *commitment to soft power (приверженность политике мягкой силы)*, *reliance on soft power (опора на мягкую силу)*, *preference for soft power (предпочтение мягкой силы)*, *focus on soft power (ориентация на мягкую силу)*, ср.: *But the **focus on "soft power"** in Africa reflects an effort by the president over the past three years to repair ruptured relations with European allies ...* (Но **ориентация на «мягкую силу»** в Африке в последние три года отражает усилия президента по восстановлению разорванных отношений с Европейскими союзниками...) [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/02/21/AR2008022101585.html>];

d) «компонент»: *elements of soft power* (элементы мягкой силы), *spectrum of soft power* (спектр средств мягкой силы), *tools of soft power* (инструменты мягкой силы), *panoply of soft power* (арсенал мягкой силы), *weapons of soft power* (орудия мягкой силы), ср.: *The sport, as I detailed here, presented Brazil with its first and most important **tool of soft power*** (Спорт, как я уже уточнял, подарил Бразилии первый и важнейший **инструмент мягкой силы**) [<https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/06/11/on-eve-of-world-cup-poll-shows-almost-everyone-loves-brazil/>]. Сочетаемость с существительными, реализующими указанную сему, свидетельствует о том, что *мягкая сила* воспринимается как система, обладающая внутренней структурой, характеризующейся наличием элементов более низкого уровня. Вместе с тем обращает на себя внимание присутствие в указанном ряду примеров лексем с военной семантикой (*weapons, panoply*), характеризующих *мягкую силу* как возможное средство жесткого воздействия. Существительные указанной семантической отнесенности встречаются и в группе существительных с семой «реализация»;

e) «реализация»: *application of soft power* (применение мягкой силы), *deployment of soft power* (развертывание мягкой силы), *exercise of soft power* (проявление мягкой силы), *expression of soft power* (проявления мягкой силы), *manifestation of soft power* (демонстрация мягкой силы), *use of soft power* (использование мягкой силы), ср.: *For Beijing and New Delhi, the continent is an important arena not just for trade, but for the **exercise of soft power** and wider geopolitical goals* (Для Пекина и Нью-Дели этот континент важная площадка не только для торговли, но и для проявлений мягкой силы) [https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/05/27/china-and-india-have-a-huge-problem-with-racism-toward-black-people/?utm_term=.272703784d50]. Обращают на себя внимание существительные *deployment* и *arena*, которые имеют ограниченную сочетаемость. Так, по данным национального корпуса английского языка [<http://corpus.byu.edu/bnc/>] наиболее частотными лексемами, сочетающимися

с *deployment*, являются *military, force, army, troops*, что накладывает отпечаток на коннотативное значение конструкции *soft power* в этом контексте. Словосочетание *arena ... for trade* не является типичным для английского языка, при этом как этимология, так и семантика лексемы *arena* (арена, место действия, поле сражения) [<http://www.multitran.ru/>] несут выраженный «военный» подтекст.

Отдельно необходимо выделить случаи использования конструкции *soft power* с оценочными существительными, имеющими как положительную (ср.: *efficacy of soft power* (эффективность мягкой силы), *importance of soft power* (важность мягкой силы), *merits of soft power* (достоинства мягкой силы), *quest for soft power* (стремление к мягкой силе), так и отрицательную коннотативную окраску (ср.: *perils of soft power* (угрозы мягкой силы), *failure of soft power* (провал политики мягкой силы), *repercussions of soft power* (негативные последствия мягкой силы), *undercurrents of soft power* (подводные камни мягкой силы)). Применимость к мягкой силе существительных с оценочным компонентом является проявлением определенных настроений и отношения общества и отдельных политических деятелей к рассматриваемой концепции. При этом, в указанных словосочетаниях *soft power* реализует как сему «концепция, подход», так и сему «действия, мероприятия».

Различны по коннотативной окраске и глагольные сочетания.

2. Глагол + *soft power*

Указанная категория словосочетаний представлена преимущественно переходными глаголами, реализующими одну из следующих сем:

а) «применять»: *coordinate* (координировать), *deploy* (разворачивать), *display* (проявлять), *exert* (применять), *exercise* (применять), *wield* (уметь обращаться), ср.: *It requires that we think creatively about existing and new alliances, about how to **deploy** “soft power” effectively* (Это требует, чтобы мы думали творчески о существующих и новых альянсах, о том, как эффективно **разворачивать** «мягкую силу»)

[https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/post/what-if-romney-wins/2012/10/09/05183cfe-123e-11e2-ba83-a7a396e6b2a7_blog.html].

В сочетаниях с перечисленными глаголами *soft power* преимущественно реализует сему «инструмент». При этом, наряду с нейтральными глаголами, не имеющими ярко выраженной эмоциональной окраски, в данной группе встречается глагол *exercise*, обычно сочетающийся с существительными *power, authority, control, influence* [<http://corpus.byu.edu/bnc/>], обладающими семой «власть», и *deploy*, использующийся обычно в контекстах военной тематики. Такие глагольные сочетания согласуются с отмеченным нами семантическими особенностями номинативных сочетаний с конструкцией *soft power*;

b) «развивать»: *elevate* (увеличивать, повышать), *enhance* (увеличивать), *expand* (расширять, распространять), *develop* (развивать), *increase* (увеличивать, повышать), *ply* (подхлестывать), *promote* (продвигать), *strengthen* (усиливать); ср.: *At a time when pundits and politicians alike are urging India to expand its soft power and increase its influence, food can be a powerful tool to introduce India's multitude of cultural customs to the rest of the world* (В условиях, когда, как эксперты, так и политики призывают Индию к **распространению ее мягкой силы**, продукты питания могут стать мощным инструментом, который позволит познакомить остальной мир с ее богатыми культурными традициями) [[http://india.blogs.nytimes.com/2012/05/11/from-incredible-india-to-the-](http://india.blogs.nytimes.com/2012/05/11/from-incredible-india-to-the-incredible-tiffin/)

[incredible-tiffin/](http://india.blogs.nytimes.com/2012/05/11/from-incredible-india-to-the-incredible-tiffin/)]. В ряду глаголов с данной семой можно выделить глаголы, подразумевающие разные способы развития, а именно: усиление, расширение охвата, стимулирование. В перечисленных глагольных сочетаниях конструкция *soft power* реализует главным образом сему «влияние» и может представлять собой как ресурс привлекательности, так и ресурс воздействия;

c) «разрушать»: *destroy* (разрушать), *diminish* (уменьшать), *eliminate* (ликвидировать), *erode* (разъедать), *undermine* (подрывать), ср.:

... the obscure pastor of a small Florida church can also wreak havoc and **destroy soft power** by threatening to burn a Koran (...никому не известный пастор из церкви во Флориде тоже может нанести ущерб и **разрушить мягкую силу** своими угрозами сжечь Коран)

[<http://www.nytimes.com/2010/10/05/opinion/05iht-ednye.html>]. Глагольные сочетания с резко отрицательной коннотативной окраской, выраженной семей «разрушать», являются специфичными для политического дискурса американских СМИ и употребляются преимущественно по отношению к мягкой силе США. Это подводит нас к выводу о возможной тенденции снижения уровня мягкой силы США, трактуемой как ресурс привлекательности.

Описанным выше особенностям номинативных и глагольных сочетаний с конструкцией *soft power* в значительной мере соответствуют словосочетания с неличными формами глаголов.

3. Неличные формы глагола+ *soft power*

а) *герундий* + *soft power* – конструкции данного типа занимают промежуточное положение между глагольными и субстантивными, поскольку герундий относится к «именным словам на основании их синтаксического функционирования, а по своим морфологическим свойствам они оказываются и в группе глагола» [Иванова 1981: 15]. Герундиальные конструкции представлены отглагольными формами, которые могут быть объединены семами «применение» (*exercising* – *применение*, *deploying* – *развертывание*, *projecting* – *демонстрация*, *pursuing* – *проведение политики*) и «совершенствование» (*elevating* – *увеличение*, *rebuilding* – *перестройка*, *strengthening* – *усиление*) и семантически соотносятся с приведенными выше глаголами и существительными; ср.: *Rebuilding soft power is not unpatriotic* (*В перестройке мягкой силы нет ничего непатриотического*) [https://www.washingtonpost.com/blogs/plum-line/post/happy-hour-roundup/2011/03/03/gIQAmKy5zK_blog.html];

При этом следует различать полностью омонимичные формы герундия и причастия (*participle I*). Их парадигматическое тождество, однако, сопровождается различием синтаксических функций. Так, в отличие от субстантивного грамматического значения герундия, причастие имеет атрибутивные свойства, что позволяет нам рассматривать словосочетания с причастием как переходный тип между глагольными и атрибутивными конструкциями;

б) *причастие + soft power* – конструкции данного типа представлены сочетанием *participle I + soft power*, где причастие отражает характер изменения *мягкой силы* в сторону укрепления (*growing* – *растущая*, *rising* – *возрастающая*, *increasing* – *увеличивающаяся*, *revamped* – *преобразованная*) (ср.: *Chen Ping ... proclaimed it “a concrete example of China’s **rising soft power** and comprehensive national strength”* – Чжен Пун ... назвал это «конкретным примером *растущей мягкой силы* Китая [<http://www.nytimes.com/2007/12/24/arts/24open.html?mtrref=undefined&mtrref=www.nytimes.com&mtrref=www.nytimes.com&mtrref=www.nytimes.com>]) или ослабления (*diminishing* – *ослабевающая*, *fading* – *затухающая*) и *participle II + soft power* (*acquired* – *приобретенная*, *managed* – *управляемая*); ср.: *Europeans must realize that their **fading soft power** will decrease even faster without a significant increase of their military budgets and hard-power capabilities* (Европейцы должны осознать, что их *увядающая мягкая сила* будет ослабевать еще быстрее, если не произойдет значительного увеличения их военного бюджета и арсенала жесткой силы) [<http://www.nytimes.com/2014/07/26/opinion/the-eu-cant-let-russia-get-away-with-murder.html>].

Указанные причастия передают «признак предмета или действия, возникающий в силу производимого или произведенного действия» [Иванова 1981: 83].

4. Прилагательное + *soft power*

a) *качественное прилагательное + soft power* – эта категория немногочисленна и представлена атрибутивными конструкциями, включающими прилагательные в форме нулевой степени сравнения (*effective* – *эффективная*, *fantastic* – *фантастическая*, *successful* – *успешная*, *sophisticated* – *изощренная*; ср.: *Surprisingly, some of these leaders, particularly in Russia and China, have been wielding a **sophisticated** and deceptive **soft power** beyond their borders that is proving more enduring and effective than in the past* (Удивительно, но некоторые из этих лидеров, особенно в России и Китае за границами своих государств умело применяют **изощренную и коварную мягкую силу**, которая оказывается более долговечной и эффективной, чем раньше) [https://www.washingtonpost.com/opinions/before-a-new-iron-curtain-falls/2016/06/07/1ada7386-2847-11e6-b989-4e5479715b54_story.html]. Вместе с тем, отмечены случаи употреблением прилагательных в форме сравнительной степени, ср.: *I never saw **softer soft power** than Lionel Messi* (Я никогда не видел **более мягкой мягкой силы**, чем Лионел Месси) [<http://www.nytimes.com/2010/12/04/opinion/04iht-edcohen.html>]. Такие словоупотребления единичны и могут считаться окказиональными, воспринимаемыми скорее как выразительные средства. Однако можно отметить относительно многочисленные случаи употребления прилагательных в сравнительной и превосходной степени с *soft power* в развернутых многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях, где *soft power* выступает в качестве атрибута; ср.: *The Palmyra concert was arguably **the most successful soft-power** event that Russia has orchestrated in recent years...* (Концерт в Пальмире можно считать **самым успешным событием мягкой силы** из всех, устроенных Россией в последние годы...) [<https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/05/22/ukraine-defeated-russia-at-eurovision-heres-why-that-matters/>];

b) *относительное прилагательное + soft power* – данная категория конструкций представлена следующими прилагательными: *considerable* (значительная), *cultural* (культурная), *deceptive* (коварная), *diplomatic*

(дипломатическая), *domestic* (внутренняя), *global* (глобальная, распространяемая на весь мир), *western* (западная); ср.: *Britain is already shrinking that footprint, making cuts, for instance, in the BBC World Service that once stood as a prime example of Britain's **global soft power*** (Британия уже сокращает сферу своего влияния, сокращая, к примеру, зарубежное вещание BBC, которое когда-то было важнейшим примером проявлением **мягкой силы** Британии в мире)

[https://www.washingtonpost.com/world/europe/obamas-london-visit-comes-amid-british-reckoning/2011/05/23/AF9Mn49G_story.html?utm_term=.5d109daeac7]. Среди относительных прилагательных особо следует выделить многочисленную группу прилагательных, обозначающих принадлежность к тому или иному государству: *Chinese, American, Brazilian, European*, ср.: *"It's the **Brazilian soft power**," Tosti says of his country's rich musical heritage that includes internationally beloved genres such as samba and bossa nova* («**Это мягкая сила Бразилии**», – сказал Тости о богатом музыкальном наследии своей страны, включающем такие всеми любимые жанры как самба и боссанова) [https://www.washingtonpost.com/entertainment/brazilian-film-week-features-documentaries-about-the-countrys-music/2014/10/23/8167e718-589c-11e4-9d6c-756a229d8b18_story.html].

5. *Атрибутивные конструкции с*

а) *притяжательными местоимениями*, среди которых наиболее частотными являются *its* и *our* (ср.: *"India's aid program is one of the pillars of **its soft power** in Afghanistan," Mr. Joshi said*. [<http://india.blogs.nytimes.com/2013/09/11/impact-of-downturn-on-indias-aid-program-for-neighbors/>];

б) *существительными в форме притяжательного падежа*, где существительные преимущественно обозначают источник мягкой силы, а именно *субъект*: *Asian giants' soft power* (мягкая сила азиатских гигантов), *nation's soft power* (мягкая сила нации), *company's soft power* (мягкая сила

компании), *law's soft power* (мягкая сила закона), **регион**: *country's soft power* (мягкая сила государства), *city's soft power* (мягкая сила города), *mainland's soft power* (мягкая сила материкового Китая) или его **название**. В последнем случае притяжательный падеж относится к именам собственным, ср.: *China's soft power* (мягкая сила Китая), *America's soft power* (мягкая сила Америки), *Beijing's soft power* (мягкая сила Пекина). В последнем случае имя собственное реализует метонимический перенос.

Атрибутивные конструкции, содержащие указания на источник *мягкой силы*, обладают относительно высокой степенью частотности (18% словоупотреблений) и свидетельствуют о необходимости информации о субъекте *мягкой силы* для полноты представлений о ней.

Парадигматический анализ

1. Антонимическая парадигма

Состав антонимической парадигмы *soft power*, выявленный путем анализа контекстуальных противопоставлений, представлен следующими оппозициями:

а) с интегральным компонентом power

- *hard power – soft power* – данная оппозиция является наиболее частотной и встречается в 17% конкордансов, что можно считать относительно высоким показателем, учитывая что в подавляющем большинстве контекстов в данной оппозиции *hard* реализует сему «военная»; ср.: *In the book, Clinton rejects the idea of choosing between the “hard power” of military might and the “soft power” of diplomacy, sanctions and foreign aid* (В своей книге Клинтон отвергает идею о необходимости выбора между «жесткой силой» военной мощи и «мягкой силой» дипломатии, санкций и военной помощи) [https://www.washingtonpost.com/opinions/eugene-robinson-hillary-clinton-needs-to-tell-americans-her-vision/2014/09/15/b1f39ee4-3d09-11e4-b0ea-8141703bbf6f_story.html]. Приведенный пример интересен также с точки зрения синонимии, поскольку *дипломатия, санкции и военная помощь*

выступают в нем как явления одного порядка, определяемые конструкцией *soft power* в атрибутивной функции. Необходимо также отметить деривативные конструкции с компонентом *hard*, выступающие в оппозиции к *soft power*: *hard force* (жесткая сила), *hard policies* (жесткие меры), *hard stuff* (жесткие вещи), *hard tactics* (жесткая тактика); ср.: *He contrasts hard and soft power as bases for leadership. The **hard stuff** is easy to explain: Police power, financial power and the ability to hire and fire are examples* (Он противопоставляет жесткую и мягкую силу как разные предпосылки лидерства. **Жесткие вещи** легко объяснить; в качестве примеров - сила полиции, сила финансов и возможность нанимать и увольнять) [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/04/10/AR2008041003335.html>];

- *military power – soft power* – данная привативная (бинарная) оппозиция с дифференциальным признаком является маркером наличия/отсутствия военного (вооруженного) участия; ср.: *Every administration says it has a commitment to “soft power” as well as **military power*** (Каждая администрация заявляет о своей приверженности «мягкой силе», не менее, чем **жесткой**) [<https://www.washingtonpost.com/blogs/plumline/wp/2015/02/18/how-to-know-whether-jeb-bush-really-is-his-own-man/>]. К данной оппозиции можно также отнести деривативные конструкции с интегральным компонентом *military*, выступающие в контекстуальном противопоставлении с *soft power*: *military action, military assets, military benefits, military force, military might, military muscle, military strength, military weight*; ср.: *In recent months, Gates has given a series of speeches dovetailing with Obama's emphasis on the importance of diplomacy and "soft power" along with **military force*** (В последние месяцы Гейтс провел ряд выступлений, удачно совпавших с заявлениями Обамы о важности дипломатии и **мягкой силы** наряду с военной силой) [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/01/AR2008120100554.html>]. При этом, все

указанные оппозиции можно отнести к привативным (по наличию/отсутствию военного участия);

- *physical power – economic power – soft power* – эквивалентная оппозиция с качественно различным дифференциальным признаком, ср.: *It's not that the deterrence is the **physical power**; it's more the **soft power**. As China becomes a developed country, it should meet higher standards for **soft power** as well as **economic power*** (Дело не в том, что политика сдерживания – это **физическая сила**, это, скорее, **мягкая сила**. Поскольку Китай становится развитым государством, он должен соответствовать более высоким стандартам не только **экономической**, но и **мягкой силы**) [<https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/06/10/china-stop-eating-dogs-animal-rights-activists-campaign-against-annual-festival-of-slaughter/>].

Отдельного внимания в парадигматическом анализе заслуживают оппозиции с конструкцией *smart power*. Контекстуальное значение понятия, выраженного данной конструкцией, варьируется, демонстрируя либо тождественность *smart* и *soft power*, либо подчиненный характер последней по отношению к *smart power*:

- *soft power – smart power*, где *soft power* занимает подчиненное положение; ср.: ***Soft power** alone is like no power. But combining **soft** and **hard** power is **smart power*** (**Мягкая сила** сама по себе не представляет собой силы. **А умная сила** – это сочетание **мягкой** и **жесткой силы**) [<http://atwar.blogs.nytimes.com/2013/05/30/globalization-creates-a-new-worry-enemy-convergence/>];

- *soft power = smart power*, ср.: ***“Smart power”** or **“soft power”** has not been employed to push back on Russia, to press Arab countries toward democracy or to adhere to Iran sanctions* (**«Умная сила»** или **«мягкая сила»** не применялась, чтобы давать отпор России, оказывать давление на арабские страны, подталкивая к демократии или придерживаясь курса санкций в

отношении Ирана) [https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2014/03/20/obama-more-talk-no-action-on-russia/].

2. **Синонимическая парадигма**

Синонимическая парадигма *soft power* представлена главным образом контекстуальными синонимами, реализуемыми в дискурсе в виде уточнения или пояснения:

а) *soft power – diplomacy – smart diplomacy* – компонент *diplomacy* в указанной парадигме может быть представлен семой «внешнеполитическая деятельность»; ср.: *One requirement of “soft power” or “smart diplomacy” is to have smart, disciplined diplomats* (Одним из условий «мягкой силы» или «умной дипломатии» является наличие умных дисциплинированных дипломатов) [https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2014/04/30/no-one-defends-obama-foreign-policy-these-days/] или «мирные усилия»; ср.: *...subsequent stories have proclaimed a transformation from “hard power” to “soft power,” from military action to diplomacy* (последующие статьи ознаменовали переход от «жесткой силы» к «мягкой силе», от военных действий к дипломатии) [http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/08/AR2009030801493.html];

б) *soft power – political cooperation* Ср.: *If Britain decides to leave the E.U., is that going to have implications for the security of Europe? – It could. ...on the soft power, the political cooperation, how you deal with having a unanimous European stand toward Russia* (https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/06/12/norwegian-prime-minister-the-u-k-shouldnt-follow-our-lead-post-brexit/ *soft power – cultural diplomacy*).

Ассоциативно-семантическое поле *soft power*

Проведенный нами частотный анализ лексического состава собранного корпуса контекстуальных употреблений *soft power* позволил выявить релевантные лексические единицы, которые можно отнести к ядру ассоциативно-семантического поля.

Ассоциативно-семантическое поле *soft power* в дискурсе СМИ США включает следующие частотные коллокации: *China/Chinese* (китайский) – 434, *American/America* (Америка/американский) – 292, *policy/political* (политика/политический) – 242, *world* (мир) – 240, *hard* (жесткий) – 180, *military* (военный) – 175, *country/countries* (страны/страны) – 166, *economy/economic* (экономика/экономический) – 162, *culture/cultural* (культура/культурный) – 146, *United States* (Соединенные Штаты) – 142, *diplomacy/diplomatic* (дипломатия/дипломатический) – 142, *foreign* (иностранный) – 140, *Russia/Russian* – 138, *Europe/European* – 134, *influence* (влияние) – 104, *war* (война) – 100, *global* (всемирный) – 92, *government* (правительство) – 91, *president* (президент) – 77, *people* (народ) – 75, *international* (международный) – 66.

Как видно из приведенного перечня лексем, наибольшими показателями частотности обладают имена собственные (*China, America*) и образованные от них прилагательные (*Chinese, American*), что свидетельствует о значении, которое придается субъектам мягкой силы, представленным наименованиями государств и их производными (в порядке убывания частотности): *China, America, Russia, Europe*. При этом показатель частотности Китая превышает соответствующий показатель США, что свидетельствует о значительном интересе, проявляемом американскими СМИ к политике мягкой силы.

Представленные выше показатели частотности позволяют отнести к ядру ассоциативно-семантического поля *soft power* следующие лексемы: *policy/political* (политика/политический), *world* (мир), *hard* (жесткий), *military* (военный), *country/countries* (страны/страны), *economy/economic* (экономика/экономический). Лексемы *policy*, *world* и *country* относят *soft power* к сфере политики, проводимой различными государствами на мировой арене, что в полной мере соответствует идее мягкой силы. При этом суммарное значение частотности синонимической пары *hard – military* (жесткий – военный) позволяет рассматривать ее в качестве доминанты

ассоциативно-семантического поля, в оппозиции к которому раскрывается специфика значения *soft power*, реализуемая в дискурсе американских СМИ. Этот вывод подтверждается присутствием в АСП лексемы *war*, а также описанная выше широкая антонимическая парадигма с производными указанных лексических единиц.

Околоядерная зона АСП включает в себя лексемы *culture/cultural* (культура/культурный), *diplomacy/diplomatic* (дипломатия/дипломатический) *foreign* (иностранный), указывающие на инструменты *soft power*, к которым по праву относятся культура и дипломатия, являющиеся частью внешнеполитического курса.

К периферии ассоциативно-семантического поля можно отнести (в порядке убывания частотности) *influence* (влияние) – 104, *war* (война) – 100, *global* (всемирный) – 92, *government* (правительство) – 91, *president* (президент) – 77, *people* (народ) – 75, *international* (международный) – 66.

При этом лексема *language* (язык) как самостоятельный компонент ассоциативно-семантического поля *мягкой силы* обладает относительно невысоким показателем частотности (2,2%) и может рассматриваться, главным образом, как часть культуры.

Подводя итог проведенному анализу, мы можем выделить следующие национально обусловленные особенности *мягкой силы* США:

Для дискурса СМИ США характерно восприятие *мягкой силы* как инструмента воздействия, представляющего собой альтернативу военной или жесткой силе. При этом важнейшим источником *мягкой силы* в мире, попадающим в фокус американских СМИ, является Китай.

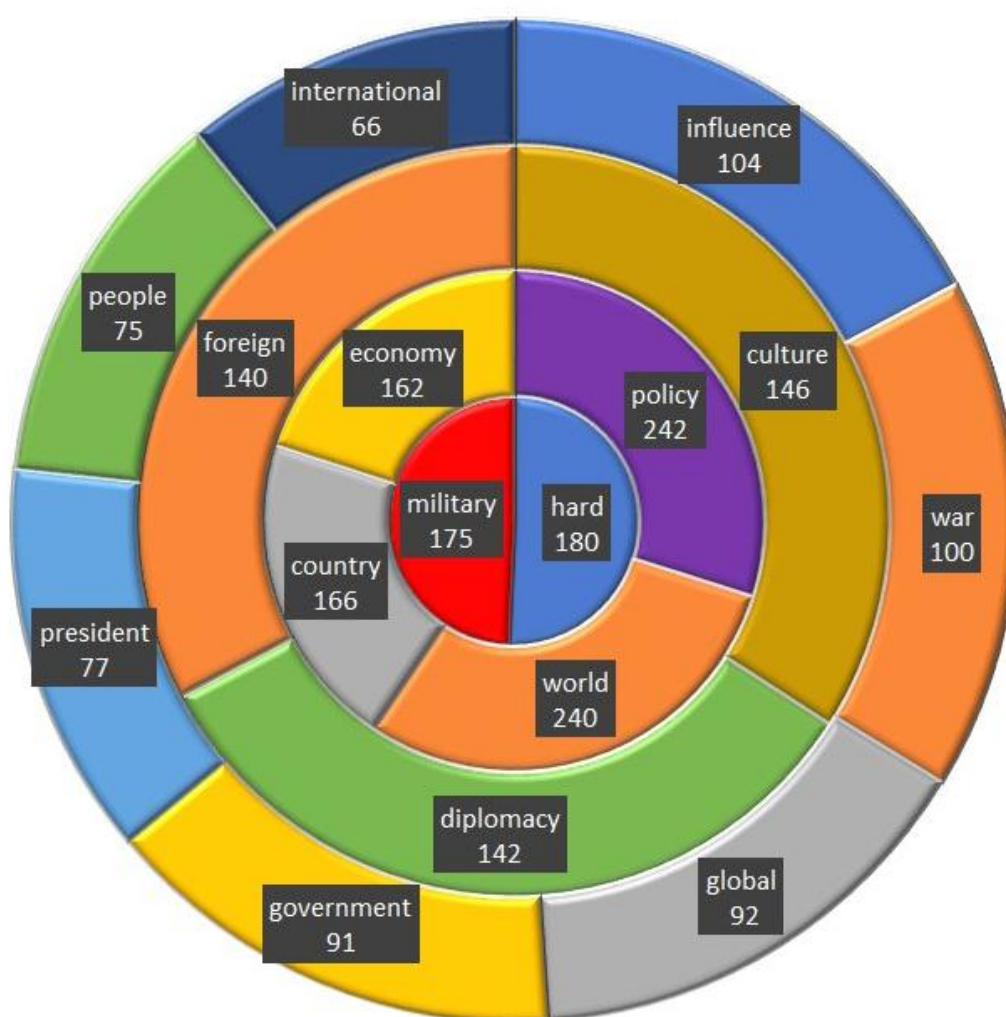
Отличительной чертой может также считаться присутствие в дискурсе глаголов с семой «разрушать», употребляемых преимущественно по отношению к *мягкой силе* США. Это подводит нас к выводу о наметившейся тенденции снижения уровня *мягкой силы* США, трактуемой как ресурс привлекательности. Таким образом, наблюдается смещение семантического акцента в понимании *мягкой силы* с «*привлекательности*» на «*инструмент*

воздействия», что подтверждает присутствие в ближней периферии ассоциативно-семантического поля лексемы *influence*, а также лексем, относящихся именно к внешнему воздействию (*foreign*, *world*, *global* *international*).

Схематично АСП конструкции *soft power* представлено на рис.1.

Рис.1

Ассоциативно-семантическое поле *soft power*

Выводы по второй главе

Анализ языковой политики и языкового планирования США с позиций диахронии и синхронии позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Исторически сложившаяся специфика ЯПП США состоит в поиске баланса между идеями равноправия и демократии и необходимостью защиты интересов государства и его граждан. Эта дилемма нашла отражение в характере ЯПП (децентрализованная де-юре, вместе с тем, скрытая централизованная де-факто), инструментами которой стали миграционное законодательство и образовательная политика.

2. Наряду со скрытой централизованной политикой в области статуса и обучения языку, языковая политика и планирование в области корпуса языка носит во многом децентрализованный характер и формируется «снизу», отражая изменения в обществе. Таким образом, субъектами языковой политики в этой сфере на разных этапах истории были разные общественные силы, оказывавшие подчас противоположное воздействие на язык.

3. Внешняя языковая политика США не представляла собой целенаправленной деятельности по популяризации английского языка, а складывалась под воздействием целого комплекса исторических, экономических, культурных и иных факторов, которые сформировали *мягкую силу*, понимаемую как ресурс влияния США. Таким образом, распространение английского языка стало не инструментом, а результатом *мягкой силы*, понимаемой как ресурс привлекательности.

4. Специфика восприятия *мягкой силы* в США, выявленная в ходе лексико-семантического анализа на материале дискурса СМИ XXI века, состоит в реализации значения *soft power* через противопоставление *hard power*. Основное внимание СМИ сосредоточено на применении политики *мягкой силы* КНР, в то время как в контекстах, относящихся к США, нередко используются словосочетания с глаголами, реализующими сему

«разрушать», что подтверждает выводы многих ученых и общественных деятелей о спаде *мягкой силы* США в XXI веке.

5. Выводы, сделанные на основании лексико-семантического анализа о национальной специфике *мягкой силы* США, месте языка в ее структуре подтверждают выводы, сделанные эмпирическим путем на основе изучения практической реализации *внешней языковой политики*. Основой *внешней языковой политики* США можно считать создание условий, при которых знание английского языка становится необходимым условием, позволяющим воспользоваться ресурсами США (научные и образовательные программы и гранты, трудоустройство и т.д.), привлекательными благодаря *мягкой силе*.

Глава III.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МЯГКОЙ СИЛЫ В КНР

§1. Внутренняя языковая политика и планирование

Предпосылки становления современной языковой политики Китая

Языковая политика и планирование Китая представляет собой одну из наиболее древних традиций и отличается высокой степенью централизации на протяжении всей истории становления китайского языка и письменности.

В ходе истории соотношение историко-географических, социолингвистических факторов и мероприятий языковой политики и планирования, воздействующих на функционирование языка в обществе, планомерно менялось в сторону снижения значимости первых и усиления воздействия последних, тем самым иллюстрируя развитие инструментов языковой политики и планирования.

С древних времен языковое регулирование в Китае использовалось как инструмент решения политических и социальных задач. Важнейшим объектом *языковой политики в области корпуса языка* выступала система письма. Это объясняется спецификой языковой ситуации в Китае, который на протяжении всего хода истории представлял собой ареал функционирования многочисленных диалектов, объединение которых было возможно только на основе иероглифической письменности. При этом субъектом языковой политики и планирования выступало главным образом государство в лице императоров и придворных министров, инициировавших систематизацию или изменение существующей письменности.

Создание в 1949 году Китайской Народной Республики положило начало крупномасштабной деятельности по реформированию многих сфер жизни. Одним из важнейших объектов реформирования стал китайский устный и письменный язык, а также его функционирование в обществе.

Языковая политика и планирование в области статуса

Сегодня в качестве субъекта *языковой политики и планирования* в Китае выступает государство, реализуя ее цели и задачи через ряд государственных организаций: департаменты и отделы Министерства просвещения КНР и Государственный комитет по работе в области языка и письменности, основным инструментом которых является законодательное регулирование. В Конституции КНР отсутствуют стандартные для языкового законодательства термины «официальный язык» и «государственный язык». Вместо этого используется термин «общеупотребительный язык». По всей видимости, такая позиция связана с желанием соблюсти этноязыковой баланс в многонациональном и многоязычном государстве. Статья 19 Конституции закрепляет обязанность государства содействовать «распространению путунхуа, являющегося общеупотребительным на территории всей страны» (цит по: [Клиновский 2012: 197]). Выбор в качестве доминирующего средства общения путунхуа, который не является языком какой-либо нации и представляет собой искусственно созданное наддиалектное наречие, призван, согласно ст. 5 Закона КНР «Об общеупотребительном языке и письменности», «служить делу охраны государственного суверенитета и национального достоинства; ... способствовать консолидации государства и единению народов, развитию материальной и духовной социалистической культуры». Таким образом, с одной стороны, путунхуа выступает как «фактор единства нации», а с другой – как «средство противопоставления себя внешнему миру» [Клиновский 2012: 22].

Национальный состав КНР представлен 56 национальностями: ханьцы, монголы, хуэйцы, тибетцы, уйгуры, мяо, и, чжуаны, буи, корецы, маньчжуры, дун, яо, бай, туцзя, хани, казахи, дай, ли, лису, ва, шэ, гаошань, лаху, шуй, дунсян, наси, цзинпо, киргизы, ту, дауры, мулао, цян, булан, салары, маонань, гэлао, сибо, ачане, таджики, пуми, ну, узбеки, русские, эвенки, дэан, баоань, юйгуры, цзин, татары, дулун, ороочоны, хэчжэ, мэньба, лоба и цзино. Наиболее многочисленной группой являются ханьцы,

численность которых – 1,3 миллиарда представителей. Численность остальных 55 национальностей сравнительно невелика (около 110 миллионов человек), поэтому их относят к национальным меньшинствам [Wang 2009: 2]. Примечательно, что при указанном количестве национальных меньшинств специалисты выделяют 120 миноритарных языков [Zhou 2004: 179]. Согласно данным 2009 года, 53 национальности имеют свои языки, 22 национальности (около 60 млн. чел) имеют 28 видов письменности, около 30 млн. чел. пользуются письменностью своей национальности. В автономных районах насчитывается 154 органа радио- и телевидения, использующих национальные языки, центральное и местные телевидения ежедневно ведут передачи на 21 национальном языке [Национальная политика 2009, <http://russian.china.org.cn>].

Закон КНР «О национально-территориальной автономии» закрепляет за органами самоуправления национально-территориальных автономий право использования языка (языков), распространенных на территории соответствующей национальной автономии. Важно, что Закон «Об общеупотребительном языке и письменности», вступивший в силу 1.01.2001 г., разграничивает функции языков и диалектов на территории КНР. Так, закон устанавливает следующие сферы использования путунхуа:

- 1) официальный язык государственных органов;
- 2) основной язык в образовании и обучении;
- 3) основной язык сферы обслуживания (включая вывески, знаки и рекламные объявления);
- 4) основной язык радио, кино, телевидения, надписей на сооружениях в общественных местах (знаки, реклама);
- 5) язык, используемый в наименовании предприятий и учреждений, надписях на упаковках товаров и инструкциях к ним;
- 6) язык продуктов, относящихся к сфере информационных технологий и обработки информации.

Общеупотребительным письменным языком, согласно закону, является стандартизированная упрощенная система начертания иероглифов. При этом, в законе прописывается обязанность региональных властей всех уровней принимать меры по популяризации путунхуа и упрощенной письменности. Отдельная статья посвящена использованию пиньинь, латинизированной китайской письменности, в случаях невозможности или неудобства использования традиционных китайских иероглифов. Кроме того, оговаривается изучение пиньинь в школьном образовании.

Использование диалектов предусмотрено законом в следующих случаях: 1) работниками государственных структур в случае необходимости для исполнения своих обязанностей; 2) в теле- и радиовещании, в случае, если такая мера одобрена Министерством телерадиовещания или региональным департаментом по телерадиовещанию; 3) в произведениях театрального и киноискусства в случае необходимости; 4) в книгоиздании, образовании и научных исследованиях в случае реальной необходимости [Клиновский 2012: 198]. Содержащаяся в каждом из случаев использования диалектов оговорка «в случае необходимости», «в случае реальной необходимости» делает соблюдение закона в этой части затруднительным вследствие отсутствия внятных критериев оправданности использования диалектов.

Закон КНР «О национальной районной автономии» закрепляет правовые гарантии и функции миноритарных языков в рамках региональных автономий. Так, статья 11 декларирует право национально-территориальных автономий на использование устных и письменных языков, распространенных на территории соответствующей национальной автономии. При этом, приоритет при выборе языка для использования местными органами самоуправления отдается языку титульной нации данной автономии.

На основе анализа языкового законодательства Китая можно выстроить иерархию языков по приоритету: общеупотребительный язык (устный –

путунхуа, и письменный – упрощенная система иероглифов) – диалекты – миноритарные языки титульных наций – прочие миноритарные языки.

Таким образом, национально-языковая политика на уровне законодательства, с одной стороны, демонстрирует декларируемое равенство национально-языковых прав населения, а с другой – создает благоприятные условия для доминирующего положения путунхуа, при этом, не фиксируя его законодательный статус официального или государственного языка.

Языковая политика и планирование в области корпуса

Языковая политика и планирование в области корпуса языка в Китае с 1949 года ведется по двум направлениям: 1) упрощение и стандартизация китайской письменности; 2) стандартизация произносительной нормы. Сегодня основой письменного китайского языка является система из 2235 упрощенных знаков, разработанная в 1956 г. и утвержденная в 1964 г. [Agnes Lam 2005: 8]. С 1956 г. в качестве языка обучения используется путунхуа. Произносительный стандарт китайского языка подлежит фиксации при помощи фонетического алфавита пиньинь. Вместе с тем, нельзя не отметить, что «в текстах на современном китайском языке используется несколько разных наборов иероглифов» [Завьялова 2010: 5]: 1) традиционные иероглифы, используемые наряду с упрощенными; 2) традиционные дореформенные знаки, используемые на Тайване; 3) традиционные иероглифы (наряду с диалектными); 4) основанные на первом «наборе», но отличающиеся использованием вместе с ним диалектных знаков. Это связано, *во-первых*, с особенностями переходного периода; *во-вторых*, с диалектно-языковым многообразием, при котором многие диалекты различаются настолько, что представляют собой не разные варианты языка, а разные языки, при этом имеющие общую систему письменности.

Описанные отклонения от нормы делают распространение единого стандартизированного письменного языка и единой произносительной нормы на территории всех диалектных ареалов сложной задачей, требующей

серьезного всестороннего контроля со стороны государства. Одним из направлений контроля соблюдения языковой нормы является мониторинг языка СМИ. «В 2004 г. Управлением языковой информации Министерства просвещения совместно с рядом высших учебных заведений создан Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов» [Завьялова 2010: 5]. Структура Центра включает подразделения, занимающиеся языком печатных СМИ и языком радио и телевидения. К сфере ответственности последнего относится также мониторинг языка театра и кино. Отдельное подразделение занимается изучением и мониторингом языка Интернета.

Политика по внедрению и контролю языковой нормы сопровождается активной лексикографической деятельностью, которая поддерживается серьезными объемами инвестиций. Согласно авторитетному мнению О.И. Завьяловой, «в прошлом никогда не выпускалось, в том числе специализированными лексикографическими издательствами, так много словарей – нормативных, двуязычных, диалектных, охватывающих разные периоды в развитии китайского языка» [Завьялова 2010: 5].

Языковая политика и планирование в области обучения языку

Согласно Статье 12 Закона КНР «Об образовании», принятого 18 марта 1995 года, основным устным и письменным языком при обучении в школах и других образовательных учреждениях является устный и письменный китайский язык. В школах и других учебных заведениях, где представители малочисленных народов составляют большинство учащихся, в качестве языка обучения может использоваться устный и письменный язык конкретной этнической группы, или язык, обычно используемый местной этнической группой.

При этом, воспользоваться указанными правами оказывается возможным далеко не всегда. Причинами этого являются отсутствие необходимых учебных материалов, а также нехватка (а в некоторых случаях

– полное отсутствие) кадрового обеспечения для реализации билингвального образования. Кроме того, регионы проживания национальных меньшинств нередко отличает крайне низкий уровень жизни. Ситуация усугубляется настороженно-негативным отношением таких семей к школам, где преподавание ведется на путунхуа без учета культурно-языковых особенностей их детей. С другой стороны, престиж путунхуа, связанный с возможностью будущего трудоустройства и потенциальным финансовым благополучием, стимулирует его изучение, ставя многие миноритарные языки на грань исчезновения.

На государственном уровне такое положение дел основано на проведении курса на укрепление национального единства, которое представляет собой несомненный приоритет внутренней политики. Таким образом, поддержка культурно-языкового многообразия и соблюдение прав национальных меньшинств оказываются противопоставленными идее национального единства.

Важными центрами образования на миноритарных языках в Китае остаются монастыри и храмы, где сохраняются традиционные подходы к организации обучения, его содержанию и выбору языков обучения.

Одним из традиционных инструментов китайской языковой политики служат экзамены для поступления на государственную службу, появившиеся еще в Ханьский период (II в. до н.э. – II в. н.э.) и во многом способствовавшие развитию стандартизации и нормирования – в целом и лексикографии – в частности. Отмененные в начале XX века, в 1995 г. они были возрождены. Помимо профессиональной компетентности, экзамен оценивает уровень владения языком: «соискатели должны владеть не только стандартной иероглифической письменностью..., но также и стандартным пекинским произношением, которое часто не знают даже образованные жители диалектных районов» [Завьялова 2010: 4]. В 1994 г. был введен языковой экзамен на уровень владения путунхуа. Межведомственным комитетом, в состав которого вошли сотрудники профильных ведомств

(Государственного комитета по работе в области языка и письменности, Государственного комитета по образованию и Министерства по делам радиовещания), утверждены три уровня владения путунхуа, каждый из которых представлен двумя подуровнями. В 2008 г. был экспериментально введен экзамен по оценке уровня знания иероглифической письменности.

Языковая политика в области изучения иностранных языков

В разные периоды истории современного Китая в системе образования в качестве иностранного языка преобладали русский, английский, а также в меньшей степени японский, немецкий и французский языки [Agnes Lam 2005: 5]. Сегодня, в свете последних политических событий, прогнозируются изменения языковой политики в отношении изучения иностранных языков. Инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина по развитию делового и логистического сотрудничества с соседними государствами, получившая название «один пояс и один путь», нашла отражение и в языковой политике. Знание языков близлежащих государств воспринимается, в том числе, как вопрос государственной безопасности. «К близлежащим относят 29 государств. Среди них ближайшие – это Россия, Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Бутан, Бирма, Лаос, Южная Корея, Япония, Филиппины, Малайзия, Бруней, Индонезия, Сингапур, Северная Корея, Вьетнам. Ближними странами считаются Узбекистан, Туркмения, Турция, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд и Камбоджа» [Завьялова 2015, http://www.ng.ru/ideas/2015-06-26/5_china.html].

Организационным центром реализации мероприятий этого направления языковой политики является Координационный инновационный центр языков и культур близлежащих стран, занимающийся выработкой стратегии внешней языковой политики, координацией исследований в области приоритетных иностранных языков и культур, а также подготовкой кадров для работы по указанным направлениям. Практическая реализация мероприятий предполагает участие ученых «Военного института

иностранных языков НОАК, Центрального института народов Китая, Института этнографии и антропологии и Института языкознания Академии общественных наук (АОН) КНР» [Завьялова 2015, http://www.ng.ru/ideas/2015-06-26/5_china.html].

В качестве приоритетных выделено три направления нового «Шелкового пути»: из Китая через Центральную Азию до Европы (до Балтийского моря); из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану.

Как ожидается, в число приоритетных, помимо иностранных языков государств-партнеров, войдут также некоторые языки народов Китая. Это, прежде всего, языки народов, по территории которых пройдут новые направления Шелкового пути, диалекты Центральной равнины и автономного района Синьцзян.

Политика в области изучения иностранных языков обыкновенно связана с внешнеполитическими приоритетами государства, которые находят отражение во *внешней языковой политике и планировании*.

§2. Внешняя языковая политика и планирование и мягкая сила Китая

Специфику *мягкой силы* Китая Джошуа Курляндчик (старший научный сотрудник Совета по международным отношениям, специализирующийся на изучении Юго-восточной Азии) сформулировал следующим образом: к ней относятся «все элементы, не входящие в сферу безопасности, и включают в себя инвестиции и помощь» («all elements outside of the security realm, including investment and aid») [Kurlantzick 2006: 271]. Вместе с тем, внешнеполитический курс КНР менялся на протяжении истории государства. Так, в первые десятилетия после образования Китайской Народной Республики (1950-1970) ее внешняя политика была направлена преимущественно на распространение влияния в граничащих с Китаем государствах через поощрение политических переворотов. Начало использования Китаем политики *мягкой силы* относят к концу 1990-х годов [Gil 2008: 117]. Причинами поворота к политике мягкой силы считают следующие: 1) стремительное экономическое развитие, которое привело к укреплению веры Китая в свои силы; 2) необходимость проведения внешнеполитического курса и налаживания отношений с соседними государствами; 3) нерезультативная в прошлом политика распространения влияния путем применения военных мер [там же]. На фоне снижающейся *мягкой силы* США Китай считал возможным и необходимым конкурировать с ними в сфере мягкой силы и влияния в мире. Можно выделить следующие приоритеты КНР во внешней политике: 1) создание мирного пространства как необходимого условия развития; 2) доступ к природным и топливно-энергетическим ресурсам; 3) формирование круга единомышленников со схожими политическими взглядами, а также поиск компромиссов в отношениях с политиками (главами государств) иных взглядов; 4) создание образа Китая как великой державы, способной составить конкуренцию, а в

перспективе, возможно, занять позиции США в мировой политике; 5) попытка изоляции Тайваня и установление связей с государствами, имеющими связи с Тайванем.

Инструменты *мягкой силы*, используемые Китаем для достижения указанных внешнеполитических целей, Дж. Курляндчик называет выходящими за рамки концепции Дж. Найя «более жесткими формами влияния» («harder forms of influence») [Kurlantzick 2006: 271] и подразделяет их на две группы: инструменты культуры и инструменты бизнеса. При этом субъектами мягкой силы могут выступать как правительственные организации, реализующие политический курс и задачи государства, так и иные, неправительственные силы: от бизнесменов и поп-звезд до учителей китайского языка.

К инструментам культуры можно отнести *общественную (народную) дипломатию, официальную дипломатию и внешнюю языковую политику и планирование.*

Общественная дипломатия предполагает «формирование правительством общественного мнения в других государствах» («cultivation by governments of public opinion in other nations») [Kurlantzick 2006: 62] путем распространения культуры. Указанное направление деятельности включает в себя организацию концертов, художественных выставок и иных мероприятий; культурные и образовательные международные обмены; создание организаций по образцу американского Корпуса Мира (Peace Corps) для реализации долгосрочных международных волонтерских проектов; расширение сети СМИ с международным вещанием.

Не менее важным инструментом культуры КНР является *официальная дипломатия*, предполагающая обновление дипломатического корпуса и создание команды высококлассных дипломатов нового поколения (более 50% дипломатического корпуса КНР моложе 35 лет, владеющие иностранным языками на уровне носителей [там же]); регулярные

зарубежные визиты высшего руководства государства с насыщенной повесткой, включающей мероприятия культурного значения.

Распространение культуры и влияния Китая через продвижение китайского языка за рубежом является одним из приоритетных инструментов *мягкой силы* КНР. О значении продвижения китайского языка в мире говорится на официальном сайте Министерства образования КНР: «Обучение китайскому языку как иностранному – ... имеет стратегическое значение для популяризации китайского языка и культуры в мире для содействия дружбе и взаимопониманию, экономическому и культурному сотрудничеству и обмену между Китаем и другими странами во всем мире, а также усилению влияния Китая в международном сообществе» (Teaching Chinese as a foreign language (TCFL) ... is of strategic significance to popularize the Chinese language and culture throughout the world, to enhance the friendship and mutual understanding as well as the economic and cultural cooperation and exchanges between China and other countries around the world, and to elevate China's influence in the international community) [<http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3917/201007/91583.html>]. Еще более конкретно о потенциале распространения китайского языка в укреплении *мягкой силы* КНР высказался депутат Всекитайского собрания народных представителей Hu Youqing: «Это может помочь в формировании национальной мощи и должно восприниматься как способ укрепления *мягкой силы* нашей страны» [Language loyalties 1992: 67].

Инструментами внешней языковой политики КНР являются следующие: 1) создание условий для обучения иностранных студентов в КНР; 2) создание сети институтов Конфуция по распространению китайского языка и культуры; 3) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом. В роли *субъекта* внешней языковой политики Китая выступает Государственный департамент по распространению китайского языка за рубежом, Ханьбань, представляющий собой «исполнительную структуру Совета по вопросам китайского языка в мире (Chinese Language Council

International), неправительственной некоммерческой организации при Министерстве образования» [Chinese language Council, http://english.hanban.org/node_7719.htm], в состав которой входят представители 12 министерств и ведомств. Ханьбань ведет работу по всем направлениям внешней языковой политики, выполняя также функции научно-методического центра, центра языкового тестирования, центра международных обменов, стипендиального фонда, и имеет территориальные подразделения, курирующие сеть культурно-языковых центров – Институтов Конфуция. Реализация *внешней языковой политики и планирования через взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом*, координируется Канцелярией Госсовета КНР по делам хуацяо в Китае. В 1987 году был создан Национальный центр обучения китайскому языку как иностранному, задачей которого стало «обеспечение учебных ресурсов и услуг для изучения китайского языка и культуры, максимальное соответствие потребностям изучающих китайский язык за рубежом, содействие становлению культурного многообразия и гармонии в мире» [Gil 2008: 118].

Результаты проведения Китаем активной внешней языковой политики могут быть проиллюстрированы статистическими данными. Так, количество иностранных студентов, получающих образование в КНР, увеличилось с 43000 в 1998 году до 377054 в 2014 году. За 10 лет работы по созданию культурно-языковых центров были открыты 443 Института Конфуция и более 648 Классов Конфуция, а «к 2020 г. Канцелярия планирует довести число институтов Конфуция до 1000» [Сергеева 2013, <http://russiancouncil.ru/inner>].

Указанные данные свидетельствуют о возросшем интересе к китайскому языку и культуре, а следовательно об эффективности внешней языковой политики Китая. Более того, по некоторым оценкам внешняя языковая политика Китая является наиболее успешно реализованным направлением политики *мягкой силы*: «Несмотря на то, что большая часть

этих усилий не оправдала ожиданий, одно направление оказалось чрезвычайно успешным и представляется крайне многообещающим – усилия по распространению китайского языка» [Montague 2015, <http://harvardkennedyschoolreview.com>]. По мнению Зака Монтаг (Zach Montague), к факторам, способствующим распространению китайского языка наряду с описанными направлениями деятельности правительства можно отнести экономическое развитие Китая, открывающее перспективы карьерного роста и стремительно растущую популярность торговых площадок Alibaba и Tencent в интернете, а также увеличивающийся объем китайскоязычного сегмента интернета в целом.

Таким образом, распространение китайского языка в мире связано как с целенаправленными усилиями правительства, так и с укреплением позиций Китая в экономике и внешней политике. При этом, факторы, относящиеся к сфере внешней политики и экономики, служат благоприятным фоном для проведения *внешней языковой политики и планирования*, повышая ее эффективность как инструмента политики *мягкой силы*.

В следующем параграфе настоящей главы предпринята попытка выявления национальной специфики *мягкой силы* КНР и места в ней языка (языковой политики) на основе лексико-семантического анализа особенностей функционирования конструкции *мягкая сила* в дискурсе СМИ XXI века.

**§3. Мягкая сила в политическом дискурсе англоязычных
средств массовой информации КНР:
лексико-семантический анализ**

Вводные замечания

Для проведения исследования методом сплошной выборки на материале англоязычных СМИ Китая был составлен отрывочный корпус из 778 расширенных контекстов, соответствующий 1058 конкордансам. Для анализа были взяты электронные издания англоязычных средств массовой информации КНР: China Daily, News.cn, Shanghai Daily (2005-2017 гг.). Статистические данные по количеству словоупотреблений и контекстов с распределением последних по годам представлено в таблице 4.

Таблица 4

Количество контекстов по годам															
			2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005
Количество конкордансов	Ссылка на ресурс	Название газеты	3	12	17	21	13	18	13	9	6	18	19	17	9
205	http://news.xinhuanet.com/english	News.cn	6	13	13	13	15	10	15	8	11	4	10	7	1
157	http://www.shanghaiidaily.com	Shanghai Daily	24	42	51	85	57	75	65	55	10	4	2	13	7
696	http://usa.chinadaily.com.cn	China Daily													

Проведенный анализ выявил следующие особенности функционирования конструкции *soft power* в дискурсе англоязычных СМИ Китая.

Графическая вариативность

Конструкция *soft power* встречается в китайском англоязычном дискурсе СМИ в следующих графических вариантах:

1) *soft power* – наиболее употребительный вариант, реализуемый в 87% конкордансов; ср.: *Confucius Institutes play a positive role in spreading Chinese **soft power** abroad* (Институты Конфуция играют положительную роль в распространении **мягкой силы** Китая за рубежом) [http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2015-02/06/content_19505431.htm];

2) “*soft power*” – написание в кавычках приходится на 9% конкордансов, при этом не отмечается каких-либо иных особенностей контекстуального употребления указанной конструкции; ср.: *The new bank is seen as a key vector to spread Chinese “**soft power**” in the region* (Новый банк рассматривается как ключевое направление распространения «мягкой силы» Китая в регионе) [<http://www.shanghaidaily.com/business/finance/Lawmakers-urged-to-ratify-IMF-reform/shdaily.shtml>];

3) “*soft*” *power* – указанный графический вариант можно считать окказиональным, поскольку он представлен единичным примером и может быть продиктован особенностями цитирования; ср.: *British Prime Minister Tony Blair said on Friday that Britain should continue to engage in "hard" and "**soft**" **power** to meet the current challenges in the changing world* (Британский премьер-министра Тони Блэйр заявил в пятницу, что Британии следует продолжать задействовать «жесткую» и «**мягкую**» **силу**, чтобы ответить на все вызовы меняющегося мира) [http://news.xinhuanet.com/english/2007-01/12/content_5600198.htm];

4) *soft-power* – случаи дефисного написания составляют немногим менее 1% и связаны преимущественно с использованием конструкции в роли атрибута, ср.: *However, citizens worldwide are hoping that China will pursue a*

soft-power approach (Однако люди во всем мире надеются, что Китай продолжит придерживаться подхода мягкой силы) [http://www.shanghaidaily.com/news2007/20061224/181988].

Высокий уровень воспроизводимости в дискурсе СМИ преобладающего графического варианта может объясняться как англоязычным происхождением термина, так и высокой степенью устойчивости конструкции в сознании населения на фоне ее ассимилированности в англоязычном дискурсе как единого понятия.

Валентностная вариативность: синтагматический анализ

Синтагматический анализ выявил преимущественно пассивную валентность *soft power*, представленную следующими типами конструкций:

Пассивная валентность

1. Существительное + предлог + soft power

В сочетаниях данного типа конструкция *soft power* вступает в подчинительную связь с существительными, реализующими одну из следующих сем:

а) «составная часть» «компонент»: *element of soft power* (элементы мягкой силы), *aspect of soft power* (аспекты мягкой силы), *areas of soft power* – (области мягкой силы), *measure of soft power* (мероприятия мягкой силы), *part of soft power* (часть мягкой силы), *contents of soft power* (содержание мягкой силы), *soul of soft power* (душа мягкой силы); ср.: ... *the cooperation in the areas of soft power is indispensable to the development of China's relationship with Africa* (... сотрудничество в сферах мягкой силы необъемлемое условие развития отношений Китая с Африкой) http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2013-03/24/c_1322);

б) «значимость»: *value of soft power* (ценность мягкой силы), *importance of soft power* (важность мягкой силы); ср.: *Mayor Han Zheng stressed the importance of soft power again during the plenary meeting* (Мэр

Хань Чжен еще раз особо отметил важность мягкой силы) [http://www.shanghaidaily.com/news2007/20070131/304781];

с) «потенциал»: *strength of soft power* (могущество мягкой силы), *ability of soft power* (способность мягкой силы); ср.: *We might find out more about the **strength of soft power** from our wise ancestors* (Мы могли бы больше узнать о **могуществе мягкой силы** от наших мудрых предков) [http://www.shanghaidaily.com/news2007/20060509/27712];

д) «применение»: *practice of soft power* (применение мягкой силы), *spread of soft power* (распространение мягкой силы), *enhancement of soft power* (укрепление мягкой силы); ср.: *To any country, raising the overall quality of the whole nation is nowadays indispensable for the **enhancement of the soft power** of the country* (Сегодня для любой страны совершенствование всей нации является неотъемлемым условием **укрепления мягкой силы**) [http://www.shanghaidaily.com/news2007/20071023/335554];

е) «вид»: *form of soft power* (форма мягкой силы), *kind of soft power* (вид мягкой силы); ср.: *... that might be the **kind of soft power** China should have in the long-run* (...это, возможно, тот самый **вид мягкой силы**, который следует взять на вооружение Китаю в перспективе) [http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-11/04/c_131949490.htm].

В номинативных сочетаниях *soft power* преимущественно реализует семы «концепция», «ресурс», «инструмент». При этом в отличие от американского дискурса обращает на себя внимание отсутствие в приведенном перечне существительных с отрицательной или «военной» коннотацией и присутствие оценочных существительных с выраженной положительной коннотацией (*value, strength, importance*).

2. Глагол + *soft power*

а) *переходный глагол + soft power* – указанная категория представляет собой наиболее многочисленную группу и представлена в проанализированных контекстах сочетаниями со следующими глаголами: *achieve* (достигать), *address* (обращаться к), *boost* (продвигать,

подстегивать), *build* (выстраивать), *deploy* (разворачивать), *develop* (развивать), *display* (проявлять), *emphasize* (подчеркивать), *enhance* (наращивать), *exercise* (применять), *expand* (расширять), *export* (экспортировать), *feel* (чувствовать), *generate* (быть источником), *help* (помогать), *hone* (оттачивать), *improve* (совершенствовать), *initiate* (инициировать), *make use* (использовать), *need* (испытывать потребность в), *project* (демонстрировать, проецировать), *promote* (распространять), *pursue* (придерживаться), *shape* (формировать), *spread* (распространять), *strengthen* (усиливать), *use* (использовать);

b) *непереходный глагол + предлог + soft power* – данный тип конструкций представлен единичными контекстами со следующими глаголами: *come to* (подходить к), *rely on* (полагаться на), *resort to* (прибегать к), *respond on* (отвечать на).

При этом глаголы реализуют одну из следующих сем:

1) «быть источником»: *generate* (быть источником), *initiate* (инициировать), ср.: *The second soft power dividend from instituting a rule of law culture is that it will **generate soft power** vis-a-vis the external world as well* (Второй дивиденд мягкой силе от установления приоритета культуры закона состоит в том, что это **станет источником мягкой силы** также по отношению ко всему внешнему миру) [http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2014-11/04/content_18864805.htm]. С глаголами данной группы конструкция *soft power* главным образом реализует сему «привлекательность»;

2) «представлять собой»: *embody* (олицетворять), *indicate* (обозначать), *look at ... as* (рассматривать в качестве), *serve as* (служить); ср.: *President Xi Jinping represented a hero fighting tigers (by cracking down on high-level corruption), while Peng Liyuan **embodied** the nation's "soft power..."* (Президент Си Цзиньпин представлял собой образ героя, сражающегося с тиграми (наноса удары по коррупции в высших эшелонах власти), в то время

как Пэн Лиюань **олицетворяла «мягкую силу»** нации) [http://news.xinhuanet.com/english/2015-10/24/c_134746347.htm];

3) «применять»: *come to soft power* (подходить к вопросам мягкой силы), *deliver* (реализовывать, применять), *deploy* (разворачивать), *display* (проявлять), *exercise* (применять), *export* (экспортировать), *project* (демонстрировать), *promote* (распространять), *resort to soft power* (прибегать к мягкой силе), *spread* (распространять), *use* (использовать); ср.: *In late October, Xi called for think tanks to start pulling their weight, improve policymaking and **spread soft power*** (В конце октября Си Цзиньпин призвал экспертов начать как следует выполнять свою работу, совершенствовать процесс выработки политики и **распространять мягкую силу**) [http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/13/c_133851338.htm]. Глаголы данной группы разнообразны по семантике и сочетаемости и преимущественно сочетаются с конструкцией *soft power*, реализующей сему «инструмент». Так же, как и в дискурсе американских СМИ, здесь присутствуют глаголы *deploy* и *exercise*. Однако случаи их употребления единичны и на фоне богатой семантической палитры глаголов с семой «применять» «военная» тематика не выделяется как значимая характеристика *мягкой силы* в языковом сознании представителей Китая;

4) «развивать»: *bolster* (укреплять), *boost* (наращивать), *develop* (развивать), *enhance* (усиливать), *improve* (улучшать), *strengthen* (усиливать); ср.: *He pointed out that China is vigorously **developing its soft power** to make its model, practices and values more attractive to the world* (Он подчеркнул, что Китай интенсивно **развивает мягкую силу**, чтобы добиться большей привлекательности своих моделей, подходов и ценностей в мире) [http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/Finding-ways-to-put-SinoUS-differences-aside/shdaily.shtml]. В отличие от глаголов, входящих в аналогичную группу на основе анализа дискурса американских СМИ и допускающих разные способы «развития», в китайском англоязычном дискурсе «развитие» связано, прежде всего, с «усилением»

мягкой силы, реализующей сему «влияние». Кроме того, обращает на себя внимание глагол *improve*, не характерный для дискурса американских СМИ и неоднократно встречающийся в китайских СМИ, что может свидетельствовать о реализации конструкцией *soft power* семы «образ» в указанных контекстах. Этот вывод подкрепляет присутствие в китайском дискурсе глаголов с семой «создавать»;

5) «создавать»: *build* (*выстраивать*), *shape* (*формировать*); ср.: *I think it is a challenge (for China) how to **shape its soft power*** (*Я думаю, решить, как **сформировать мягкую силу** – это непростая задача для Китая*) [http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-11/06/c_132313195.htm].

Многообразие и богатство глагольных сочетаний, реализующих пассивную валентность конструкции *soft power* (более, чем в 1,5 раза превышающее количество используемых глаголов в дискурсе СМИ США при меньшем количестве конкордансов китайских СМИ, используемых для анализа), может свидетельствовать о деятельностном подходе к *мягкой силе* в КНР. При это указанное многообразие сопровождается относительно невысоким показателем частотности каждого сочетания, что, вероятно, объясняется как отсутствием устоявшихся шаблонов в отношении *мягкой силы* как явления, так и низкой стабильностью сочетаемости конструкции *мягкая сила*. Примечательно также то, что, в отличие американского дискурса, в китайском дискурсе не представлены сочетания с глаголами, реализующими сему «разрушать».

3. *Неличные формы глагола+ soft power*

Сочетания неличных форм глаголов с *soft power*, занимающие промежуточное положение между глагольными и субстантивными, а также глагольными и атрибутивными конструкциями, в китайском англоязычном дискурсе относительно немногочисленны. По всей видимости, это обусловлено непривычностью подобных конструкций для китайцев, использующих английский язык как иностранный.

Сочетания с конструкцией *soft power* представлены неличными формами глаголов одной из следующих групп:

a) *герундий + soft power* – представлены формами глаголов, перечисленными в п.1 и могут быть объединены семами «выстраивание» (*building soft power, integrating soft power, developing soft power*) и «применение» (*undertaking soft power, projecting soft power*);

b) *причастие + soft power* – конструкции данного типа относятся к атрибутивным и представлены сочетанием participle I + *soft power* (*rising soft power, increasing soft power*) и participle II + *soft power* (*enhanced soft power, improved soft power*). При этом в обоих случаях причастия образованы от глаголов с общей семой «развивать». Стоит также отметить окказиональное употребление participle II в постпозиции; ср.: «*Going out*» refers to hard power displayed in financial resources; "going in " refers to **soft power displayed** in cross-cultural communication and management; "going up" refers to the right combination of hard and soft powers, in which the host country's government, society, businesses and people like, trust and respect the Chinese corporation. («Выход» относится к жесткой силе, реализуемой при помощи финансовых ресурсов, «вход» относится к **мягкой силе, проявляемой** в межкультурной коммуникации и управлении, «шаг наверх» относится к оптимальному сочетанию жесткой и **мягкой силы**, при котором правительство, общество, бизнес и люди другой страны доверяют китайской корпорации и уважают ее) [http://usa.chinadaily.com.cn/china/2015-04/06/content_20010289.htm].

4. Прилагательное + *soft power*

a) *качественное прилагательное + soft power* – эта категория представлена атрибутивными конструкциями, включающими прилагательные в форме нулевой (*strong – сильная, formidable – внушительная*), сравнительной (*stronger soft power – более сильная*) и превосходной (*biggest soft power – наибольшая мягкая сила, best soft power – лучшая мягкая сила*) степеней сравнения, ср.: **The best soft power** is to let

people know you, understand you, love you (Самая лучшая мягкая сила – это позволить людям узнать тебя, понять тебя, полюбить тебя)
[\[http://www.shanghaidaily.com/nation/Chineselanguage-learning-enhances-nations-soft-power/shdaily.shtml\]](http://www.shanghaidaily.com/nation/Chineselanguage-learning-enhances-nations-soft-power/shdaily.shtml). В данном случае *soft power* имеет сложную, не вполне привычную для восприятия семантику и обозначает «способ снискать расположение», одновременно реализуя как сему «инструмент», так и сему «привлекательность». В сочетаниях с относительными прилагательными в нулевой и сравнительной степени *soft power* вербализует главным образом семы «влияние» или «ресурс», ср.: *This is a formidable soft power China can use for the world to see China is not a monolithic society (Это внушительная мягкая сила, которую может использовать Китай, чтобы показать всему миру, что Китай – не монолитное общество)*
[\[http://www.shanghaidaily.com/nation/US-first-lady-arrives-for-a-7day-visit/shdaily.shtml\]](http://www.shanghaidaily.com/nation/US-first-lady-arrives-for-a-7day-visit/shdaily.shtml);

b) *относительное прилагательное + soft power* – данный тип конструкций представлен прилагательными, характеризующими инструменты мягкой силы (*cultural* – культурная, *financial* – финансовая) и охват, сферу воздействия мягкой силы (*global* – во всем мире), а также оценочными прилагательными (*core* – важнейшая, *irresistible* – неотразимая). Отдельно стоит отметить прилагательные, обозначающие источник мягкой силы (*national soft power* – мягкая сила государства, *corporate soft power* – мягкая сила корпорации) или принадлежность определенной стране (*Chinese, American*), ср.: *Even when US policies are plain wrong and hypocritical, they don't dent the almost universal appeal of American soft power (Даже тогда, когда политика США очевидно неверна и высокомерна, она не сказывается на едва ли не вселенской привлекательности американской мягкой силы)*
[\[http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/Finding-ways-to-put-SinoUS-differences-aside/shdaily.shtml\]](http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/Finding-ways-to-put-SinoUS-differences-aside/shdaily.shtml). О значимости информации об источнике мягкой силы к контекстуальной вербализации соответствующего

понятия свидетельствует и многообразие атрибутивных конструкций с притяжательными элементами.

5. Атрибутивные конструкции с

а) притяжательными местоимениями, среди которых наиболее частотными являются **its** и **our**; ср.: *China will give more attention to cultural development, which has already been made a national strategy, to boost **its** soft power ...* (Китай будет уделять больше внимания развитию культуры, что стало уже стратегией развития государства, для того, чтобы придать импульс **его мягкой силе**) [http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-06/18/c_126638932.htm];

б) существительными в форме притяжательного падежа, где существительные преимущественно обозначают источник **субъект** мягкой силы (*giant's soft power* – мягкая сила гиганта, *nation's soft power* – мягкая сила государства, *company's soft power* – мягкая сила компании, *law's soft power* – мягкая сила закона), **регион** (*country's soft power* – мягкая сила страны, *city's soft power* – мягкая сила города, *mainland's soft power* – мягкая сила континентального Китая) или его **название**. В последнем случае притяжательный падеж относится к именам собственным (*Egypt's soft power* – мягкая сила Египта, *China's soft power* – мягкая сила Китая, *Shanghai's soft power* – мягкая сила Шанхая).

Необходимо отметить высокую частотность конструкций с притяжательным компонентом, которые составляют 40% в собранном корпусе и могут сопровождаться дополнительными атрибутами; ср.: *There is also an urgent need to promote a positive national image and boost **China's cultural soft power*** (Существует также острая необходимость продвигать положительный образ государства и стимулировать культурную мягкую силу Китая) [http://news.xinhuanet.com/english/2007-06/05/content_6197761.htm].

6. Атрибутивные конструкции, в которых *soft power* реализует активную валентность, представлены двумя типами:

a) *soft power* + *существительное*: *soft power exercises*, *soft power issues*, *soft power principles*, *soft power communication*, *soft power resources* (ср.: *The third "makeup" (or invention) is something which countries should resist when undertaking **soft power exercises**, because artificial invention is soon discovered and leads to disbelief.* (http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2010-11/19/content_11574965.htm);

b) *soft power* + *глагол*: *soft power building*, *soft power spreading* (ср.: *The forum will undoubtedly deepen our understanding of cross culture exchange and **soft power building**, which is the focus of China's external publicity work and an important component of the broader publicity strategy.* http://news.xinhuanet.com/english/2006-09/01/content_5034874.htm).

Относительно небольшое количество словосочетаний с конструкцией *soft power*, построенных по данной модели, очевидно, связано с тем, что использование существительного (в данном случае *power*) в качестве атрибута специфично для английского языка. Учитывая, что для китайских журналистов английский в большинстве случаев является не родным, а иностранным языком, использование такой модели оказывается менее продуктивным, чем в дискурсе США. Этим же фактом, по-видимому, объясняется меньшее количество случаев дефисного написания *soft-power*.

Парадигматический анализ

Антонимическая парадигма

Антонимическая парадигма англоязычного дискурса американских и китайских СМИ на первый взгляд имеет много общего. Среди частотных контекстуальных противопоставлений наиболее регулярно реализуются оппозиции с интегральным компонентом *power*:

a) *military power* – *soft power* – привативная (бинарная) оппозиция с дифференциальным признаком «наличие/отсутствие военного (вооруженного) участия»: ср.: ***Soft power** (ideals and economics) eventually will overcome **military power*** (*Мягкая сила (идей и экономики) в конце концов*

превзойдет военную силу) [http://news.xinhuanet.com/english/2006-11/01/content_5281331_2.htm];

b) *hard power* – *soft power* – в отличие от дискурса американских СМИ, где компонент *hard* в подавляющем большинстве контекстов реализует сему «military» (военный), для указанного компонента в китайских англоязычных СМИ характерна неоднородность семантической структуры, которая включает следующие семы:

- *military* – военный, ср.: *Americans talk about **soft power**, not only because they have misused too much **hard power**, like **military power** projection and operations all over the world, but also because they have pushed too hard their so-called soft power, like self-portrait of democratization* (Американцы так много говорят о **мягкой силе** не только потому, что переборщили с **жесткой силой** в виде распространения **военного влияния** и военных операций по всему миру, но также потому, что слишком усердно продвигали свою так называемую мягкую силу, в виде образца демократизации) [http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2009-08/13/content_8629560.htm];
- *economic* – экономический, ср.: *"Going out" refers to **hard power** displayed in **financial resources**; "going in" refers to soft power displayed in cross-cultural communication and management* («Выход» относится к **жесткой силе**, реализуемой при помощи **финансовых ресурсов**, «вход» относится к **мягкой силе**, проявляемой в межкультурной коммуникации и управлении) [http://usa.chinadaily.com.cn/china/2015-04/06/content_20010289.htm];
- *technological* – технологический; ср.: *. The gap between China and early industrialized countries like the U.S., Germany and Japan does not simply lie in **hard power** such as **equipment, energy efficiency and resource utilization**, but also in what is called "**soft power**"* (Разрыв между Китаем и странами-пионерами индустриализации, такими, как США и Германия, – не только в жесткой силе, такой как оборудование,

энергетическая эффективность и использование ресурсов, но и в том, что называется «**мягкая сила**»)

[http://www.chinadaily.com.cn/m/drc/2016-04/06/content_24345879.htm].

При этом, если первую оппозицию можно отнести к привативной (по наличию/отсутствию военного участия), то вторая и третья – представляют собой эквивалентные оппозиции и различаются качественной характеристикой дифференциального признака;

с) *physical power – economic power – soft power* – эквивалентная позиция с качественно различным дифференциальным признаком; ср.: *The United States' international prestige was boosted greatly and its "physical power" and "soft power" grew significantly in the wake of World War II* (Это придало серьезный импульс международному престижу Соединенных Штатов и их «**физическая сила**» и «**мягкая сила**» значительно выросли в следствие Второй мировой войны) [http://news.xinhuanet.com/english/2005-12/27/content_3974122.htm]. *But America's real strength, more than its military and economic power, is its "soft power," its moral authority* (Но настоящая сила Америки – это «**мягкая сила**», в большей мере, чем военная и экономическая) [<http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/War-on-terrorism-costs-US-dearly/shdaily.shtml>].

Отдельного внимания в парадигматическом анализе заслуживают оппозиции с интегральным компонентом *power*, демонстрирующие отношения подчинения:

а) *soft power – diplomatic power* (сила дипломатии), где *soft power* выполняет функцию подчиняющего понятия; ср.: *China's development has relied primarily on "soft power", including such peaceful areas as economic development, foreign trade and diplomatic power* (Развитие Китая опиралось в первую очередь на «**мягкую силу**», включающую такие мирные области, как экономическое развитие, международная торговля и **сила дипломатии**) [http://news.xinhuanet.com/english/2007-06/14/content_6242234.htm];

b) *soft power – smart power (умная сила)*, где *soft power* занимает подчиненное положение и выступает одной из составляющих *smart power*, ср.: *In short, "smart power" is neither hard nor soft, but to shift onto the synergetic integration of hard power with soft power from the excessive use of hard power or force (Коротко говоря, «умная сила» – это ни жесткая, ни мягкая сила, но переход от использования жесткой силы или насилия к синергетическому единству жесткой и мягкой силы)* [http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/24/content_10715343.htm]. Примечательно, что понятия *smart power* и *soft power* в дискурсе китайских англоязычных СМИ ни в одном контексте не демонстрируют отношения синонимии.

1) Синонимическая парадигма

Синонимическая парадигма *soft power* представлена главным образом контекстуальными синонимами, реализуемыми в дискурсе как уточнения или пояснения:

a) *soft power – cultural power (сила культуры)*, ср.: *Another word for cultural power is "soft power"... (Силу культуры можно иначе назвать «мягкой силой»...)* [<http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/Chinas-culture-once-influenced-the-world-and-it-can-again/shdaily.shtml>]. Примечательно, что *культура*, традиционно выделяемая как один из компонентов *мягкой силы*, здесь выступает в роли синонима. Важность этой особенности понимания мягкой сила в Китае подчеркивает и наличие другой синонимичной конструкции с компонентом *culture*;

b) *soft power – cultural diplomacy (культурная дипломатия)*; ср.: *His forays overseas ... are an example of China's "soft power," or cultural diplomacy, to promote understanding of China abroad (Его вылазки за границу ... – это пример «мягкой силы» или культурной дипломатии, которая способствует лучшему пониманию Китая)* [<http://www.shanghaidaily.com/business/it/US-marked-for-US10b-soft-power-spending/shdaily.shtml>];

c) *soft power – persuasion (убеждение)*; ср.: *While the first two options are either too costly or unacceptable, the third appears more workable in that it calls for the United States to overhaul its foreign strategy ... emphasize **soft power (persuasion)** as much as military power (coercion)* (В то время как первые два пути либо слишком затратны, либо неприемлемы, третий представляется более продуктивным, поскольку требует от Соединенных Штатов полного пересмотра внешнеполитической стратегии ... с акцентом на **мягкой силе (убеждении)**...) [http://news.xinhuanet.com/english/2007-01/25/content_5651981.htm]. В данном случае *soft power* реализует сему «инструмент» и описывает способ воздействия, что находит отражение и в следующей синонимической паре;

d) *soft power – influence (влияние)*; ср.: *Despite the heft of the economy, Chinese firms haven't developed the **influence**, or in Long's words, **soft power**, commensurate with their size* (Несмотря на важность экономики, китайские компании не добились **влияния**, или, выражаясь словами Лонга, **мягкой силы**, соответствующей их размеру) [<http://www.shanghaidaily.com/opinion/chinese-perspectives/No-need-to-overreact-to-Chinas-temporary-economic-slowdown/shdaily.shtml>];

e) *soft power – moral authority (моральный авторитет)*; ср.: *But America's real strength, more than its military and economic power, is its "**soft power**," its **moral authority*** (Но настоящая сила Америки – это «**мягкая сила**», **моральный авторитет**, в большей мере, чем военная и экономическая) [<http://www.shanghaidaily.com/opinion/foreign-perspectives/War-on-terrorism-costs-US-dearly/shdaily.shtml>].

В дискурсе англоязычных китайских СМИ синонимическая парадигма имеет более сложную и диверсифицированную структуру и включает следующие оппозиции: *soft power – cultural power (сила культуры)*, *soft power – cultural diplomacy (дипломатия культуры)*, *soft power – persuasion (убеждение)*, *soft power – influence (влияние)*, *soft power – moral authority (моральный авторитет)*. Богатство синонимической парадигмы

конструкции *soft power* в дискурсе англоязычных китайских СМИ свидетельствует о многообразии подходов к трактовке понятия *мягкая сила*, а также об особенностях содержательного плана указанного понятия. Кроме того, перечисленные оппозиции свидетельствуют о восприятии *soft power* скорее как потенциала, культурного и морального ресурса. Это наблюдение находит свое подтверждение и при конструировании ассоциативно-семантического поля понятия *soft power*.

Ассоциативно-семантическое поле soft power

Дискурсивный анализ структуры ассоциативно-семантического поля *soft power* позволил выявить наиболее частотные коллокаты, характерные для китайских англоязычных СМИ, к числу которых относятся следующие лексемы: *China/Chinese* (*Китай/китайский*) – 979, *culture/cultural* (*культура/культурный*) – 448, *country/countries* (*страна/страны*) – 242, *world* (*мир*) – 175, *nation/national* (*нация/национальный*) – 149, *develop/development* (*развивать/развитие*) – 138, *economy/economic* (*экономика/экономический*) – 137, *international* (*международный*) – 124, *global* (*всемирный*) – 108, *promote/promotion* (*продвигать/продвижение*) – 99, *boost* (*наращивать*) – 93, *important/importance* (*важный/важность*) – 97, *people* (*народ*) – 84, *policy/political* (*политика/политический*) – 83, *diplomacy/diplomatic* – 79, *influence* (*влияние*) – 77, , *hard* (*жесткий*) – 80, *industry/industrial* (*промышленность*) – 66, *government* (*правительство*) – 59, *foreign/foreigner* (*иностранный/иностранец*) – 54.

Обращает на себя внимание крайне высокий показатель частотности *China/Chinese*, превосходящий общее количество словоупотреблений. Вероятно, это объясняется спецификой анализируемых СМИ (англоязычные СМИ, ориентированные на англоговорящих читателей главным образом за пределами государства) и также может считаться, на наш взгляд, инструментом *мягкой силы*. При этом, частотность упоминания других государств-субъектов *мягкой силы* существенно ниже соответствующего показателя Китая: *США* (31), *Европа* (29), *Россия* (19).

Учитывая приведенные выше показатели частотности, сверхчастотной лексемой, являющейся доминантой ядра ассоциативно-семантического поля *soft power*, является *culture/cultural*, что свидетельствует о значительной роли компонента *культура* в концепции *мягкой силы* Китая. Этот вывод также подтверждает высокая степень воспроизводимости терминологического многочлена *cultural soft power* (*мягкая сила культуры*), характерная для дискурса китайских англоязычных СМИ. При этом одним из важнейших компонентов культуры, который одновременно представляет собой отдельное направление развития мягкой силы, является язык. Это подтверждается относительно высоким показателем частотности соответствующей лексемы *language* (2,8%), который превышает аналогичный показатель лексемы *language* в американских СМИ (2,2%).

К ядру АСП можно отнести лексемы *country* (*государство*), *world* (*мир*), отнесенные нами к ядерной зоне АСП *soft power* при анализе дискурса американских СМИ.

Тематическая сфера «ареал воздействия» находит свое отражение в лексемах, относящихся к околождерной зоне анализируемого ассоциативно-семантического поля: *nation/national* (*нация/национальный*), *international* (*международный*), *global* (*всемирный*). Отдельно следует отметить высокую частотность лексем, обозначающих действие и относящихся к околождерной зоне: *develop/development* (*развивать/развитие*), *boost/boosting* (*стимулировать/стимулирование*), *promote/promoting/promotion* (*продвигать/продвижение*), – и указывающих на положительную динамику и деятельностный подход к ресурсу *мягкой силы*.

В область периферии ассоциативно-семантического поля вошли лексемы преимущественно трех тематических сфер – 1) «инструменты/ресурсы мягкой силы»: *policy* (*политика*), *industry* (*промышленность*), *influence* (*влияние*); 2) «ареал воздействия»: *global* (*всемирный*), *foreign/foreigner* (*иностранный/иностранец*); 3) «руководство

страны»: *government* (правительство), *president* (президент). Компонент *hard* (жесткий) также может быть отнесен к зоне периферии.

На основании проведенного лексико-семантического анализа можно говорить о высокой степени сформированности в КНР ассоциативно-семантического поля *soft power* с яркой доминантой, которая поддержана синонимической парадигмой, отражающей основные значения конструкции. О высокой степени ассимилированности также свидетельствует крайне небольшое количество дефиниций, приводимых в контекстах в качестве пояснений.

АСП конструкции *soft power* на основе дискурса англоязычных СМИ КНР представлено на рис. 2.

Рис 2.

Ассоциативно-семантическое поле *soft power*

Выводы по третьей главе

Анализ языковой политики Китая с позиций диахронии и синхронии позволяет сделать следующие выводы:

1. На протяжении всей истории языковое регулирование в Китае использовалось как инструмент решения политических и социальных задач. Важнейшим объектом языковой политики в области корпуса языка выступает система письма. Это объясняется спецификой языковой ситуации в Китае, который всегда представлял собой ареал функционирования многочисленных диалектов, объединение которых было возможно только на основе общей для всех народов иероглифической письменности. При этом субъектом языковой политики и планирования выступает государство. Таким образом, во всех сферах языковой политики и планирования можно говорить о реализации централизованной языковой политики.

2. В современном Китае языковая политика и планирование выступает как полноценное направление внутренней политики государства, связанное с крупномасштабной деятельностью по реформированию многих сфер жизни. Серьезные реформы письменности, создание латинизированной письменности, усилия по повышению уровня грамотности, а также создание концепции изучения иностранных языков – основные направления внутренней языковой политики и планирования страны.

3. Результаты проведенного лексико-семантического анализа позволяют говорить о высокой степени ассимилированности конструкции *soft power* в сознании китайских журналистов, что, учитывая относительно непродолжительное функционирование его в дискурсе, представляется значимым показателем и свидетельством его частого употребления; во-вторых. Этот вывод подтверждается высокой степенью графической устойчивости конструкции, а также ее широкие сочетаемостные возможности, реализующие преимущественно пассивную валентность исследуемой конструкции.

4. Синтагматический анализ свидетельствует о многообразии глагольных сочетаний с заметным преобладанием глаголов с семами «развивать», «применять», «создавать» и отсутствие глаголов с отрицательной коннотацией. При этом, обращают на себя внимание номинативные сочетания с существительными *value, strength, importance*, обладающие положительной коннотативной окраской и имеющие оценочное значение. О деятельностном подходе к *мягкой силе* также свидетельствуют относительно многочисленные номинативные сочетания с отглагольными существительными. При этом конструкция *soft power* наиболее регулярно реализует семы «концепция», «ресурс», «инструмент».

5. АСП *soft power* в англоязычных СМИ КНР имеет четкую структуру, яркой доминантой которой является компонент *culture* с частотностью, многократно превышающей аналогичный показатель остальных лексических единиц (встречается в 80% конкордансов). Этот вывод также подтверждает высокая степень воспроизводимости многочлена *cultural soft power* и синонимическая парадигма *soft power – cultural power – cultural diplomacy*. Характерный для США компонент *hard* не является частотным и относится к периферии АСП, при этом реализуя не только сему «военный», но и семы «технологический», «экономический». Компонент *language* как самостоятельная единица тематического поля относится к дальней периферии и обладает частотностью 2,8%. При этом *язык*, будучи компонентом ключевого для мягкой силы Китая понятия *культура*, обладает значительным потенциалом в контексте политики *мягкой силы*. Указанный вывод согласуется с выводами, сделанными на основе изучения практической реализации мероприятий *внешней ЯПП*.

6. Внешняя ЯПП Китая в XXI веке представляет собой целенаправленную и крайне активную деятельность по распространению языка за пределами государства. Четко выстроенная организационная структура, осуществляющая деятельность в этом направлении, а также экономические ресурсы, выделяемые на указанные цели, способствуют

эффективности внешней языковой политики. При этом, целями распространения китайского языка в мире является популяризация культуры Китая и, в конечном итоге, рост потенциала *мягкой силы* китайского языка.

Глава IV.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИИ

§1. Внутренняя языковая политика и планирование

Предпосылки становления современной языковой политики РФ

Становление России как многонационального лингвистически гетерогенного государства на протяжении всей истории страны сопровождалось активными социолингвистическими процессами. В регулировании вопросов, связанных с функционированием языка, наиболее заметную роль играли два субъекта языковой политики: государство и церковь. При этом, если церковь выступала как «двигатель» языковой политики в связи с необходимостью распространения христианского вероучения, то обличенные властью государственные деятели действовали исходя из потребностей государства и его народа.

Большинство исследователей признают в качестве прародителей русского языка церковнославянский и древнерусский языки, которые отличались как рядом лингвистических особенностей, так и сферой употребления. При этом, некоторые лингвисты (К.Д. Зеeman, А.В. Исаченко, Н.И. Толстой и др.) говорят о ситуации *диглоссии* в донациональный период, воспринимая ее как «способ сосуществования двух коммуникативных систем в пространстве одного языкового сообщества, когда функции обеих систем находятся в отношениях дополнительной дистрибуции», в отличие от ситуации *двуязычия*, при которой «две коммуникативные системы равноправны, функционально дублируют друг друга, одна из них неизбежно избыточна» [Токарева 2009: 87].

Иной взгляд на языковую ситуацию представляют ученые, разделяющие точку зрения А.А. Шахматова. К их числу можно отнести А.А. Алексеева, Л.П. Клименко и др., рассматривающих языковую ситуацию

Киевской Руси как ситуацию *церковнославянско-русского двуязычия*, полагая, что «языковая ситуация Киевской Руси характеризовалась «равноправием» церковнославянского и древнерусского языков» [Клименко 1986: 11].

В любом случае, сосуществование двух языков в едином коммуникативном пространстве со временем привело к взаимному влиянию языков. Степень и характер взаимного воздействия церковнославянского и русского языков по-разному описываются учеными. Так, характеризуя влияние русского языка на церковнославянский, А.А. Шахматов использовал термин *ассимиляция*, в то время как Б.А. Успенский предпочитает говорить об *адаптации* церковнославянского языка на русской почве.

В период феодальной раздробленности XI – XV вв. общий письменный язык стал инструментом сохранения национального единства, который, несмотря на проникновение диалектных черт и формирование региональных вариантов, продолжил традиции предыдущей эпохи и явился связующим элементом в условиях сложных политических отношений.

Становление русского как национального языка было связано с языковой политикой в области корпуса языка, важным событием которой стало создание в 1783 г. Российской академии наук с целью составления грамматик и словарей русского языка. Это событие обусловило появление прескриптивной языковой нормы, закреплённой в словарях и справочниках, которые создавались отдельными учеными, а также коллективами авторов под руководством выдающихся лингвистов. С этого времени можно говорить о монополярной роли государства как субъекта языковой политики и планирования и формировании централизованной языковой политики.

Языковая политика и планирование в области статуса, языковые права народов и личности: анализ нормативно-правовой базы

Сегодня на всех уровнях власти достаточно много говорится о необходимости поддержания богатейшего языкового и культурного наследия России. Деятельность в данном направлении требует современных сбалансированных подходов к решению национально-языковых проблем, основанных на гарантии неотъемлемых прав граждан, закрепленных в законодательстве Российской Федерации. Сложность формирования и реализации языковой политики в многонациональном государстве требует умения тонко чувствовать баланс между двумя потребностями: «потребность в идентичности» и «потребность во взаимопонимании» [Алпатов 2014: 11].

Материал для изучения вопросов, связанных с языковой политикой и планированием в области статуса языков РФ и нормативно-правовых основ национально-языковой политики, включает в себя: 1) федеральное и региональное законодательство в области национальных языков; 2) федеральное и региональное законодательство в области русского языка; 3) международные документы, подписанные РФ, которые регулируют вопросы обеспечения языковых прав народов.

Согласно статье 68 (гл. 3) «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». В законе «О русском языке» конкретизированы сферы использования государственного языка РФ: в наименованиях и деятельности органов власти разного уровня и взаимоотношениях между ними; в ряде документов, удостоверяющих личность гражданина РФ; при опубликовании международных и общегосударственных документов; в судопроизводстве, рекламе и деятельности СМИ.

В Конституции закреплено право республик устанавливать «свои государственные языки», которые должны употребляться наряду с государственным языком РФ. Конституционным правом граждан является

общение на родном языке, а также воспитание, обучение, творчество, изучение и развитие родных языков, включая право на доступ к культурным ценностям (ст. 44 п. 2 Конституции РФ). Кроме того, всем народам Российской Федерации гарантируется «право на сохранение родного, в том числе и русского, языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68 п. 3). При этом конституционные основы правового статуса личности включают равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе национальности, языка и места жительства (ст. 19 п. 2).

Реализуя конституционные права, практически все республики в качестве государственного языка, наряду с русским, имеют язык (языки) титульной национальности, что нашло место в большинстве случаев в их конституциях, а также в законах о языках республик. Таким образом, в настоящее время статусом государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках Российской Федерации.

Проведенный нами анализ основных положений конституций республик позволяет разделить их на 4 группы:

1) конституции, в которых отражены языковые права граждан, как по сути, так и по форме соответствующие положениям Конституции РФ и закона «О языках народов РСФСР» и практически дословно повторяющие используемые в них формулировки (таким образом, они дублируют уже гарантированные федеральным законодательством права);

2) конституции республик, содержащие лишь отдельные положения вышеупомянутых нормативно-правовых актов федерального уровня (при этом не упоминаются фундаментальные языковые права, составляющие основу языкового суверенитета личности и закрепленные в конституции РФ);

3) конституции республик, в которых языковые права, гарантированные федеральным законодательством, детализированы и конкретизированы с учетом особенностей региона;

4) конституции республик, в которых не содержится никаких упоминаний о правовых гарантиях федерального уровня, но указаны иные языковые права (так, в Конституции республики Калмыкия гарантии языковых прав сведены к праву «ознакомления с материалами дела и участия в судебных действиях с переводчиком и право выступить в суде на родном языке» (ст.43) для лиц, не владеющим языком судопроизводства). В таком случае, возникает вопрос о правомерности выборочного включения в конституции республик лишь отдельных прав и гарантий, закрепленных в Конституции РФ, равно как и о необходимости «дублирования» уже гарантированных Конституцией РФ языковых прав. Помимо вышеупомянутых разночтений, в экспертном докладе Института этнологии и антропологии РАН содержится указание еще на одно обстоятельство: «в законах, принятых в большинстве республик, русский язык определяется не как язык государства – Российской Федерации, а как государственный язык республики, занимая при этом вторую по значимости позицию» [Тишков 2009, <http://textarchive.ru/c-2267868.html>]. Таким образом, русский язык в республиканских законах не рассматривается в своем самостоятельном федеральном статусе и соответственно воспринимается как имеющий статус республиканского государственного языка. Описанные несоответствия дают основания считать целесообразным рассмотрение вопроса о выработке на федеральном уровне единых рекомендаций по унификации терминологии, формулировок и основных положений, относящихся к вопросам языковых прав граждан РФ, закрепленных в конституциях республик.

Закон РФ «Об образовании», принятый в 2012 году, предоставляет гражданам всех субъектов РФ возможности реализации языковых прав. Так, в соответствии с законом «Об образовании», гражданам РФ гарантируется «получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» (ст.14 п.1), при этом отдельно

оговаривается, что «преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации» (ст.14 п.3), а получение образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации может быть реализовано через создание «необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования» (ст.14 п.4). Кроме того, закон предусматривает также возможность получения образования на иностранном языке (ст.14 п.5). Таким образом, Закон «Об образовании» устанавливает относительно широкий диапазон возможностей, позволяющих учитывать потребности и реализовывать языковые права всем группам населения. В установленных данным законом рамках «язык, языки образования определяются локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст.14, п.6).

Основные положения законов «О языках РСФСР», «Об образовании», а также Конституции РФ нашли свое отражение в законах республик о языке (языках). На основании проведенного анализа законов о языке в республиках РФ мы можем выделить ряд наиболее общих для законов большинства республик разделов:

- 1) правовое положение государственных языков и языков народов республик и гарантии их защиты;
- 2) компетенция республик в сфере охраны, изучения и использования языков, представленных на их территории;
- 3) права граждан по использованию языков народов республики и гарантии прав граждан вне зависимости от владения государственным(и) языком (языками);

4) использование языков в органах государственной власти и управления республик, а также в деятельности государственных органов, предприятий, учреждений;

5) язык географических наименований и топографических обозначений;

6) ответственность за нарушение языкового законодательства. Примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что при одинаковом статусе и декларируемом законодательном равенстве соотношение русского языка и языков, являющихся вторым государственным в республиках в законодательных актах республик, варьируется от абсолютной паритетности до расширения функциональных возможностей одного языка (как правило, нерусского) в ущерб другого, что зачастую противоречит федеральному законодательству.

Анализируя разновременные редакции законов о языке и вносимые в них поправки, мы можем сделать вывод о четко наметившейся тенденции проведения планомерной работы по совершенствованию языкового законодательства республик РФ, которая заметно активизировалась в последнее десятилетие. Так, в 2003-2004 гг. поправки были внесены в законы о языках Бурятии, Калмыкии, Татарстана, Тувы, Хакасии, а в 2011-12 гг. – в соответствующие законы Алтая, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Саха (Якутии). Основные изменения законодательства коснулись уточнения отдельных формулировок, а также положений, противоречащих Конституции и федеральным законам РФ либо прямо или косвенно ограничивающих языковые права отдельных народов или языковые права личности.

Необходимость совершенствования федеральной и региональной нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы реализации языковых прав граждан РФ, нашла свое отражение в предложении экспертного совета при Комитете Государственной Думы по делам национальностей от 9 ноября 2012 года выступить с законодательной инициативой по защите права русскоязычного населения, проживающего в республиках Российской

Федерации (Татарстан, Башкортостан), на свободный выбор языка изучения в статусе родного языка. На сегодняшний день отсутствует законодательно закреплённое определение понятия «родной язык», широко используемого в нормативно-правовых актах, и в частности в законах «О языках народов РСФСР» и «Об образовании», а также в федеральных государственных образовательных стандартах. Контекстуальное противопоставление понятий «русский язык» и «родной язык» привело к закреплению за последним значения «язык титульной нации в республике, нерусский язык». Подобная трактовка, а также право выбора «родного языка» для изучения в системе среднего образования, реализуемое органами местного самоуправления, практически исключили возможность изучения русского языка как родного для русскоязычного населения, проживающего на территории республик РФ. Учитывая вышесказанное, Экспертным советом Государственной Думы среди прочих было сформулировано предложение «внести изменения в Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (в части уточнения правового статуса государственного языка республики и правового статуса родного языка из числа языков народов России [<http://regnum.ru/news/polit/1594899.html>]).

Таким образом, национально-языковая политика России регулируется как федеральным законодательством, так и нормативно-правовой базой отдельных субъектов Российской Федерации. К ведению Российской Федерации согласно Конституции относится регулирование прав и свобод человека и гражданина, в том числе в языковой и образовательной сферах, и установление основ федеральной политики в области культурного и национального развития Российской Федерации, составной частью которой являются государственная языковая и образовательная политика (ст. 71 п. «в», «е»), в то время, как защита прав и свобод человека и гражданина, а также общие вопросы образования, культуры и языка как ее компоненты – к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 п. «б», «е»).

В стране, где проживают 182 народа, говорящие на 239 языках и диалектах, и где в государственной системе образования функционирует 89 языков, одним из наиболее чувствительных вопросов является вопрос о статусе языков, функционирующих на территории РФ, и связанные с ним вопросы реализации языковых прав народов и личности, а также сохранения и защиты малочисленных языков. Закон «О языках РФ» гарантирует «свободное и равноправное развитие языков, независимо от численности их носителей», однако с учетом огромного языкового многообразия России реализация равных прав на развитие представляется затруднительной. Защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации обеспечивается целым комплексом федеральных законов: «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», – а также рядом международных документов, к которым относятся Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств.

Таким образом, сегодня нормативно-правовая база, являющаяся основой национально-языковой политики России, представлена целым рядом законов как на федеральном, так и на региональном уровне, однако в некоторых случаях представляется целесообразной гармонизация федерального и регионального законодательства. Законодательно закрепленные языковые права народов и личности способны обеспечить их языковой суверенитет, а гарантированные нормативно-правовыми актами меры поддержки языкового многообразия в значительной степени соответствуют международным нормам.

Нормативно-правовыми актами регулируется и политика в области образования.

Языковая политика и планирование в области обучения языку

Базовые гарантии языковых прав в области образования содержатся в Конституции и были приведены выше. Более детально они отражены в статье 14 Закона «Об образовании в РФ» (в редакции от 29.12.2012 г.). В частности, государство гарантирует возможность получения образования на государственном языке РФ, а также предусматривает возможность изучения государственных языков республик РФ в соответствии с законодательством республик, если оно осуществляется не в ущерб преподаванию и изучению государственного языка.

По некоторым данным, русский язык изучается как отдельный предмет и является языком обучения в 65% школ РФ, в остальных школах обучение ведется на национальных языках [Лалетина 2013: 161]. Изучение русского языка как учебного предмета регулируется федеральными государственными образовательными стандартами.

Исследование языковой политики в области образования, на наш взгляд, требует изучения следующих вопросов: 1) анализ федеральных государственных стандартов всех уровней образования по русскому языку, иностранному языку и литературному чтению (литературе); 2) анализ потенциала билингвального образования как инструмента решения ряда проблем языковой политики.

Анализ ФГОС и ООП общего образования

Согласно ФГОС и основанной на нем ООП, на всех уровнях образования одним из важнейших личностных результатов освоения программы является формирование основ и воспитание российской гражданской идентичности, что на разных этапах обучения предполагает формирование разных качеств личности и ценностных установок, соответствующих возрасту и особенностям развития каждой возрастной группы.

Сравнительно-сопоставительный анализ результатов освоения программы, включающий все ступени обучения от дошкольного до среднего

общего образования, свидетельствует о следующих чертах ЯПП в области образования:

- 1) преемственность задач и планируемых результатов обучения между ступенями образования в рамках каждого предмета;
- 2) постепенно нарастающий объем теоретического материала с одновременным усложнением планируемых умений;
- 3) целенаправленное формирование практико-ориентированных навыков, связанных с умением работать с информацией;
- 4) расстановка ценностных ориентиров, соответствующих требованиям современного общества;
- 5) отсутствие мотивационного компонента в изучении русского языка и литературы в рамках общего образования.

Таким образом, цели, закрепленные в федеральных государственных образовательных стандартах для общего образования, предполагают овладение языком на функциональном уровне с учетом потребностей современного общества и необходимости взаимодействия с увеличивающимся потоком информации.

При этом, единые требования к результатам освоения программы по русскому и родному (нерусскому) языку оставляет ряд вопросов, одним из которых является механизм достижения указанных результатов по двум языкам, поскольку изучение *родного языка* не должно ущемлять положение и объем предмета *русский язык*. Указанное противоречие может быть решено построением системы билингвального образования.

Билингвальное образование

Актуальные проблемы билингвизма и межкультурной коммуникации рассматриваются в работах Г.М. Вишневской; вопросы формирования русско-национального билингвизма в России и странах СНГ раскрываются в работах Г.М.Гиззатуллиной, А.Г.Губайдуллиной, Ф.Ф.Харисова, Г.Х.Ягафарова. Осмыслению зарубежного опыта в области билингвального

образования посвящены исследования А.Г.Ширина (Германия), П.А.Мошняга (Япония), И.А.Богдановой (США), Л.П.Хабаровой. В то же время нельзя не отметить явного противоречия между всесторонним изучением указанной темы и незначительным опытом практической реализации принципов билингвального обучения в системе образования России. Отдельные примеры успешного применения в обучении билингвальных образовательных программ и моделей являются преимущественно заслугой научных школ и часто носят экспериментальный характер. Признавая несомненные заслуги «пионеров» билингвального образования в России, к которым можно отнести некоторые учебные заведения Белгорода, Великого Новгорода, Казани, Калининграда, Костромы, Москвы, Пензы, Перми, Пскова, Санкт-Петербурга, Саратова, Тюмени, следует отметить, что в масштабах страны опыт реализации таких программ является фрагментарным и связан, чаще всего, с обучением иностранному языку в специализированных школах (классах), а также на профильных факультетах и направлениях подготовки в вузах. Однако совершенно очевидно, что образовательный потенциал билингвального обучения существенно шире, а его цели, задачи и формы гораздо многообразней. Так, билингвальное образование может стать эффективным инструментом в решении целого ряда социально-политических задач, среди которых следует различать такие, как 1) сохранение и развитие национальных языков, обладающих статусом второго государственного в республиках РФ; 2) ассимиляция и социализация трудовых мигрантов и их семей (детей); 3) модернизация содержания образования, вхождение в европейское и мировое культурное и научно-образовательное пространство; 4) сохранение русского языка в среде соотечественников за рубежом; 5) распространение русского языка как языка межнационального общения на постсоветском пространстве и за его пределами.

Основной причиной недостаточной реализации на практике теоретически разработанных принципов и моделей билингвального

образования в России, на наш взгляд, является отсутствие целенаправленной политики государства по развитию системы двуязычного образования, а также отсутствие организационной структуры, позволяющей интегрировать такой вид обучения в существующую систему образования. Говоря об организационной структуре, мы имеем в виду условия, необходимые для разработки и реализации таких образовательных программ в учебных заведениях, среди которых выделяются 1) нормативно-правовая база; 2) учебно-методическое обеспечение; 3) система подготовки педагогических кадров.

Языковая политика в области корпуса языка

В настоящее время в России вопросы языковой политики координируются федеральной властью и регулируются нормативно-правовыми актами. Согласно ст. 1 п. 3 ФЗ РФ «О государственном языке Российской Федерации» порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации. В рамках ст. 4 указанного выше закона органы государственной власти «осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка». 1 сентября 2009 года в силу вступил приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 года № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». В число высших учебных заведений и организаций, которыми проводится экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, вошли Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет [Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 29 декабря 2008 г. N 401].

В соответствии с Приказом Минобрнауки № 195 от 08 июня 2009 г. источниками языковой нормы считаются следующие словари и справочники:

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. – М: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 1288 с.

2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. – М.: «АСТ-ПРЕСС» 2008. – 794 с.

3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И. Л. – М.: « АСТ-ПРЕСС», 2008. – 943 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. – 782 с.

Однако среди отечественных лингвистов нет единого мнения относительно обоснованности выбора указанных словарей и справочников в качестве источника языковой нормы. По этому вопросу ведутся дискуссии и высказываются противоречивые мнения, большинство из которых сводится к тому, что данный список нуждается в пересмотре и/или дополнении. Такое мнение, на наш взгляд, вполне правомерно, учитывая, что в рамках ФЦП «Русский язык» 2011 – 2015 были проведены «разработка и экспертиза 44 пособий по грамматике, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка» [Распоряжение Правительства № 2647-р: 9].

Говоря о современном состоянии и тенденциях развития лексикографии, мы считаем целесообразным упомянуть корпусную лингвистику, поскольку «именно корпуса текстов являются сегодня важнейшим источником сведений о живом языке» [Беликов 2001: 40]. Изучение явлений языка на основании корпусов позволяет сделать процесс отбора нормы и ее кодификации более объективным. По этой причине

серьезное внимание уделяется в современной лингвистике созданию представительного, филологически компетентного корпуса текстов. Национальный корпус русского языка, открытый для широкого доступа 29 апреля 2004 года, представляет собой «информационно-справочную систему, основанную на собрании русских текстов в электронной форме» [<http://ruscorpora.ru/>] общим объемом более 500 млн слов. В настоящее время ведется работа по созданию Генерального интернет-корпуса русского языка, предполагающего разработку «полностью автоматической технологии сбора и разметки корпуса из Рунета» [<http://www.webcorpora.ru/>].

Анализ становления нормативной лексикографии русского языка позволил нам выделить в качестве основной черты языковой политики в области корпуса языка высокую степень участия государства на протяжении всей истории развития лексикографии. Сегодня государственная языковая политика и планирование реализуется через систему следующих мер: 1) создание нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы кодификации языковой нормы; 2) формирование «системы научно-информационного и методического обеспечения функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации», предполагающее «разработку и экспертизу грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка» на основании ФЦП Русский язык 2011-2015; 3) поддержка корпусной лингвистики как основы кодификации через целевые гранты РФ, а также через Программу Президиума РАН «Корпусная лингвистика» № 36-П, действовавшую в 2011-2014 гг. Современный, удобный в использовании корпус является важным информационным ресурсом, необходимым, в том числе, и для популяризации языка за пределами государства.

Указанная задача является одним из приоритетных направлений деятельности государства в сфере ЯПП.

Приоритеты языковой политики и планирования в XXI веке

Основные направления и задачи реализации языковой политики и планирования в России можно проследить, анализируя программные заявления представителей высшей государственной власти, к числу которых, в первую очередь, относятся Послания Президента.

Необходимость выработки курса языковой политики и планирования стала очевидна в 90-е гг. XX века, что нашло отражение в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 1994 г., положившем начало формированию централизованной языковой политики современной России. Основными приоритетами языковой политики и планирования того периода стало соблюдение языковых прав «лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым, культурным и религиозным меньшинствам, а также защита «интересов и поддержки этнических россиян, проживающих за пределами

Российской Федерации» [http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf_old/58-poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html]. Задача поддержки соотечественников за рубежом, а также выработка эффективной иммиграционной политики была поставлена Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию в 2003г.: «нам нужна эффективная иммиграционная политика. Выгодная для страны и удобная для людей. Особенно для жителей Содружества Независимых Государств. Для тех, кто близок нам и с кем мы хорошо понимаем друг друга. С кем говорим на одном языке. Это люди нашей с вами общей российской культуры» [<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>].

Внимание к проблемам языка и языковой политики нашло свое отражение в утвержденной в 2001 г. ФЦП «Русский язык на 2002-2005 годы», направленной на «развитие и распространение русского языка как государственного языка Российской Федерации», а также «национального языка русского народа», укрепление его позиций как «средства

межнационального общения России, государств – участников СНГ и стран Балтии»; расширение влияния русского языка в сфере международного общения». Кроме того, ФЦП предусматривала ряд мероприятий по «обновлению содержания и методов обучения русскому языку, усилению роли русского языка в образовании» и разработку «комплекса мер по пропаганде русского языка и русской культуры с помощью средств массовой информации» [<http://elementy.ru/Library9/Progr483.htm>].

2007 год был объявлен Годом русского языка, поэтому вполне закономерно, что вопросы языка стали одной из ключевых тем Послания Президента 2007 года. Так, в качестве необходимого условия решения целого ряда задач, включая политическую и экономическую стабильность, было названо «уважение к родному языку, к самобытной культуре» и истории [<https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>]. При этом русский язык был назван языком «исторического братства народов» и «действительно международного общения» [там же]. В Послании 2007 года Президент впервые ставит задачу поддержки и разработки «программ его изучения в ближнем и дальнем зарубежье и в целом – популяризации русского языка и литературы в мире» [там же]. При этом, заботу об увеличении влияния русского языка и культуры В.В. Путин называет важнейшим социальным и политическим вопросом. Это дает нам основания констатировать смещение появления в структуре государственной языковой политики и планировании нового важного направления внешней языковой политики. Более того, в Послании не только говорится о необходимости работы в указанном направлении, но и перечисляются реализуемые и планируемые мероприятия. Однако это не означает снижение важности и внимания к внутренней языковой политике и планированию.

ФЦП «Русский язык (2006 - 2010)» направлена в первую очередь на решение внутренних проблем «снижение уровня владения русским языком как государственным языком Российской Федерации», «искажение норм русского литературного языка» и «сужение сферы его функционирования как

средства межнационального общения» [<http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2010/189/>]. Таким образом, ФЦП «Русский язык (2006-2010)» была направлена главным образом на решение вопросов внутренней языковой политики и планирования в области статуса, корпуса и обучения языку.

Говоря о важности возрождения культуры и ее интеграции в процесс воспитания и образования, Д.А. Медведев в Послании Президента Федеральному Собранию 22 декабря 2011 год подчеркнул роль национально языкового многообразия России: «Безусловным приоритетом остаётся и гармонизация межнациональных отношений. В нашей стране живут представители более 180 народов, говорящих на 239 языках и диалектах. Этот многонациональный мир – уникальное преимущество России, мир, в котором больше тысячи лет вместе живут представители самых разных национальностей и конфессий» [<http://kremlin.ru/events/president/news/14088>].

В свою очередь, В.В. Путин в Послании 2012 года, развивая тезис о необходимости возрождения национального самосознания, отмечает: «Россия веками развивалась как многонациональное государство – изначально так было, – государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире» [<http://kremlin.ru/events/president/news/17118>], тем самым акцентируя значение объединения всего народа именно на основе русского языка и культуры. Вместе с тем, значительное внимание в Послании 2012 года уделяется вопросам распространения русского языка за рубежом. В.В. Путин дает поручение правительству разработать предложения по развитию системы «дистанционного образования на русском языке. Оно должно быть доступно для молодежи стран Содружества, для наших соотечественников во всем мире. Важно поддержать школы в СНГ и в других государствах, которые ведут преподавание на русском языке, включая поддержку учителей, помощь с учебниками, материальной базой. Нужно создать

систему международных школьных олимпиад по русскому языку. Их победители и призеры должны получить право зачисления в ведущие вузы нашей страны» [там же].

Вопросы внешней языковой политики и планирования нашли свое отражение и в ФЦП «Русский язык 2011-2015», основной целью которой стали «поддержка, сохранение и распространение русского языка, в том числе среди соотечественников, проживающих за рубежом» [минобрнауки.рф]. При этом, задачи Программы включают два блока: задачи в РФ и задачи в зарубежных странах. К первым относятся «обеспечение реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации; создание условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации», ко вторым – «поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств; удовлетворение языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом» [там же].

После вхождения в состав России Крыма и Севастополя вопросы языковой политики и планирования в области статуса языка приобрели особую актуальность. Чтобы сохранить «уникальный сплав культур и традиций разных народов» Крыма Президент в Послании 2014 года предложил установить три равноправных государственных языка на территории нового субъекта РФ: русский, украинский и крымско-татарский. Этот шаг в полной мере можно описать как применение *мягкой силы* через использование механизмов *языковой политики и планирования*. Более того, одной из важнейших причин «Крымской весны» Президент в Послании 2014 года назвал языковую политику украинских властей, которые раз за разом предпринимали «попытки лишить русских исторической памяти и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции» [<http://kremlin.ru/events/president/news/17118>].

Представляя собой логическое продолжение ФЦП «Русский язык 2011-2015», утвержденная 20.05.2015 г. ФЦП «Русский язык 2016-2020» демонстрирует преемственность целей и задач, ориентированных на «развитие всестороннего применения, распространения и продвижения русского языка как фундаментальной основы гражданской самоидентичности, культурного и образовательного единства многонациональной России, эффективного международного диалога» [<http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Passport/View/2016/451/>].

Таким образом, вопросы *языковой политики и планирования* поднимаются и решаются на уровне высшей государственной власти. Более того, современные геополитические и социальные факторы создают необходимость формировать и реализовывать языковую политику не только внутри страны, но и за ее пределами. Проведенный нами анализ убедительно демонстрирует смещение акцентов с задач внутренней на задачи внешней *языковой политики и планирования*, что связано с постоянно растущей потребностью в *мягкой силе* как залого успеха на международной арене. Описанию внешней языковой политики и планирования будет посвящен второй параграф настоящей главы.

§2. Внешняя языковая политика и планирование и мягкая сила РФ

В последние несколько лет вопросы внешней языковой политики приобретают все большую актуальность, и на смену отдельным мерам, предпринимаемым государствами в этом направлении, приходит целенаправленная многоплановая внешняя языковая политика. Для России использование *мягкой силы* становится сегодня особенно актуально, поскольку, по словам В.В. Путина, «образ России за рубежом искажен» [Паниев 2012, http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html]. Продолжая свою мысль, президент отметил, что «... по части использования новых технологий, например, так называемой *мягкой силы*, есть над чем подумать», подчеркивая, что «не задействован в полной мере фактор русского языка» [там же].

Началом работы по продвижению русского языка можно считать создание в 1966 г. Научно-методического центра русского языка при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, преобразованного в 1973 году в Институт русского языка имени А.С. Пушкина, а также образование в 1967 году Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), целью деятельности которой стало «распространение, популяризация, сохранение, развитие и изучение русского языка и литературы как важнейшей составной части мировой культуры» [Лебединский 2001: 7].

На сегодняшний день **целями** продвижения русского языка на мировой арене можно считать «привлечение внимания зарубежной общественности к русскому языку, а также расширение условий для его изучения, что будет способствовать усилению российского влияния, формированию положительного образа страны за рубежом, повышению ее международного авторитета и, в конечном счете, защите геополитических интересов России» [Распоряжение Правительства № 2647-р: 3]. Указанные цели в значительной степени соответствуют целям, традиционно относящимся к политике *мягкой силы*, что может свидетельствовать о признании потенциала внешней

языковой политики в реализации концепции *мягкой силы*. Важнейшими *инструментами* внешней языковой политики и планирования являются: 1) продвижение языка и культуры за рубежом; 2) продвижение образования на языке; 3) работа с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Субъектами внешней языковой политики РФ в рамках указанных направлений работы являются различные правительственные и общественные организации, реализующие цели государства в соответствующей сфере через комплекс мероприятий. Работа по *продвижению языка и культуры*, а также *образования на языке* требует консолидированных усилий специалистов различных направлений и уровней. Для *координации* работы по этим направлениям в России существует Совет по русскому языку при Правительстве РФ, созданный в 2013 году. Это совещательный орган, целями которого являются «рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере» [Распоряжение Правительства №2221]. В Совет по русскому языку вошли представители Государственной Думы, Министерства иностранных дел, Министерства Образования и науки, Министерства культуры, Россотрудничества, научных, образовательных, творческих и деловых организаций. Для реализации мероприятий языковой политики по распространению языка очевидна необходимость единого научно-методического центра, роль которого в РФ выполняет Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Кроме того, существует сеть из 95 Русских Центров по продвижению русского языка и культуры в 44 странах, координируемая фондом «Русский мир». Фонд был создан в 2007 году указом Президента РФ. В числе направлений деятельности Фонда «Русский мир» реализация многочисленных грантовых программ по различным направлениям, проведение олимпиад и конкурсов по русскому языку, работа по подготовке и изданию научной, художественной и публицистической литературы и развитию библиотек, реализация

образовательных программ «Профессор Русского мира» и «Студент Русского мира».

Реализация внешней языковой политики через *взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом*, координируется Россотрудничеством, созданным в 2008 году как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В его задачи в числе прочих входит содействие «продвижению на мировой рынок образовательных услуг российских образовательных учреждений», обеспечение работы «по популяризации русского языка за рубежом» [<http://rs.gov.ru/>]. Именно с работой Россотрудничества связывают основные надежды по реализации политики *мягкой силы* – в целом и продвижению русского языка и культуры – в частности. С 2011 года Россотрудничество являлось государственным заказчиком федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011 – 2015 годы, направленной на «поддержку, сохранение и распространение русского языка, в том числе среди соотечественников, проживающих за рубежом» [Постановление Правительства № 492: 10]. В продолжение ведущейся работы была принята ФЦП «Русский язык» на 2016 – 2020 годы, ориентированная не только на *внешнюю*, но и на *внутреннюю языковую политику и планирование*. Ее заказчиками, помимо Россотрудничества, выступили Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки и Министерство образования и науки Российской Федерации, которое является координатором Программы.

В 2011 году в российском МИДе была разработана концепция «Русская школа за рубежом». Она предусматривает открытие за границей школ четырёх типов. Первый тип – это обычные общеобразовательные школы, обучение в которых ведётся по российским программам, выпускники которых по результатам государственных экзаменов получают государственные дипломы. Школы второго типа создаются на основе

межгосударственных договоров – это школы с преподаванием на русском языке, где лишь часть программ являются российскими, а их выпускники получают как российский диплом, так и диплом страны проживания. Третий тип – это школы (или классы), где преподавание будет вестись только по-русски по образовательным программам страны проживания с последующим получением документа об образовании этой страны и возможностью сдать также российские экзамены и получить диплом РФ. Школы четвёртого типа – это организации дополнительного образования, с преподаванием отдельных предметов на русском языке. К сожалению, этот проект на настоящий момент не реализован. Одной из причин такого положения дел считают слишком большое количество организаций, занятых в разработке проекта: Минкультуры, Минобразования, МИД и Россотрудничество, – что затрудняет координацию и решение организационных вопросов [Крутиков 2014, vz.ru/politics/2014/12/9/719545.html]. Кроме того, идея открытия школ, работающих по российским стандартам, представляется нежелательной или даже недопустимой в ряде государств [Рязанцев 2014, <http://ruskiymir.ru/publications/86273>].

На сегодняшний день проект «Продвижение русского языка за рубежом» является одним из приоритетных для Министерства образования и науки РФ. Для достижения целей проекта в качестве инструмента используется народная дипломатия, представляющая собой перспективный и набирающий популярность в России ресурс. Так, в 2015 году в рамках проекта началась реализация волонтерской программы «Послы русского языка в мире», открывающая возможности для использования ресурса так называемой народной дипломатии в целях реализации внешней политики государства.

Как показывает проведенное исследование, работа по использованию «языкового ресурса» в реализации политики *мягкой силы* находится сегодня в центре внимания, о чем свидетельствует количество проектов и организаций, занимающихся соответствующими вопросами, а также

серьезные объемы финансирования, выделяемые на эти цели. Однако работа в этом направлении ведется сравнительно недолго, и ее результаты можно будет оценить спустя несколько лет. Говоря здесь о результатах, мы имеем в виду не только распространение языка, но и изменение отношения к РФ, повышение уровня ее привлекательности для представителей других стран, ставшее результатом популяризации русского языка и культуры в совокупности с другими направлениями политики *мягкой силы*.

§3. Мягкая сила в политическом дискурсе средств массовой информации РФ: лексико-семантический анализ

Рассмотренные в двух предыдущих параграфах черты языковой политики и планирования РФ, а также изменение ее приоритетов в XXI веке, продиктованное потребностью распространения *мягкой силы* за пределами государства, нашли отражение в функционировании конструкции *мягкой силы* в разных видах дискурса, включая дискурс СМИ. В этой связи основной целью настоящего параграфа является попытка лексико-семантического анализа вербализации *мягкой силы* в политическом дискурсе российских средств массовой информации XXI века.

Вводные замечания

Для проведения исследования методом сплошной выборки на материале русскоязычных СМИ России был составлен отрывочный корпус из 710 расширенных контекстов, соответствующий 998 конкордансам, содержащим словосочетание *мягкая сила*. Для анализа были взяты следующие электронные издания русскоязычных средств массовой информации РФ, изданные в период с 2005 года до апреля 2017 года: «Аргументы и факты», «Ведомости», «Известия», «Коммерсант», «Российская газета». Статистические данные по количеству словоупотреблений и контекстов с распределением последних по годам представлено в таблице 5.

Статистические данные о количестве конкордансов конструкции *мягкая сила* в российских СМИ убедительно демонстрируют рост популярности концепции *мягкой силы* от единичных случаев использования анализируемого понятия в 2005-2007 гг. до массового использования в 2012-2017 гг. Эта закономерность, обусловленная в первую очередь целым рядом экстралингвистических факторов и послужила основанием для выбора нами указанного временного интервала для сплошной выборки.

Таблица 5

Название газеты	Ссылка на ресурс	Количество конкордансов	Количество контекстов по годам												
			2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
АиФ	www.aif.ru	94	0	0	0	4	3	0	3	3	9	8	9	24	4
Ведомости	www.vedomosti.ru	160	0	1	4	6	5	6	9	23	9	21	23	20	3
Известия	http://izvestia.ru	208	0	0	1	5	1	5	4	5	14	22	31	27	12
Коммерсант	www.kommersant.ru	247	0	7	6	7	6	2	12	23	22	17	45	52	3
Российская газета	https://rg.ru	289	0	3	2	11	10	8	11	26	27	29	32	19	6

Проведенный анализ выявил следующие особенности функционирования конструкции *мягкая сила* в дискурсе русскоязычных СМИ XXI века.

3.1. Графическая вариативность

Контекстуальное употребление конструкции *мягкая сила* реализуется следующими графическими вариантами:

- 1) «мягкая сила» – является наиболее распространенным вариантом, на который приходится 76,4% всех словоупотреблений; ср.: *Вбить миф современным людям в головы одной только «мягкой силой» не удастся* [http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/04/10/pravoslavie_i_gto];

2) мягкая сила – написание без кавычек встречается в 23% конкордансов, при этом часто сопровождается местоименным выражением «так называемая», стоящим в препозиции к конструкции *мягкая сила*, ср.: *Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс **так называемой мягкой силы** будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изоциренности пропагандистских приемов* [<https://rg.ru/2014/10/24/putin.html>].

Вместе с тем, необходимо отметить окказиональное употребление местоименного выражения «так называемая» в препозиции к первому графическому варианту («мягкая сила»); ср.: *Сегодня в межгосударственных отношениях все чаще делается акцент на **так называемую «мягкую силу»*** [<https://rg.ru/2014/02/10/kosachev.html>].

3) Среди окказиональных употреблений обращают на себя внимание единичные случаи заключения в кавычки только первого компонента конструкции «*мягкая*» *сила*. Учитывая то, что при этом не наблюдается контекстуально уникального значения или дополнительной стилистической окраски конструкции, можно считать ее использование элементом авторского стиля; ср.: *С помощью «**мягкой**» **силы** государства региона рассчитывают положить конец противостоянию христиан и мусульман на юге Филиппин* [<https://rg.ru/2014/06/23/filippini-site-anons.html>].

Интерес представляет следующий пример: *Функция МЖ (Мирового Жандарма)– хотя и правда САМОЗВАНО ВЗЯТАЯ, – заключается не в том, чтобы захватывать, подавлять, диктовать свою волю, а в том, чтобы СЛЕДИТЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ПРАВИЛ политической игры в мире. И по возможности поправлять ситуацию с помощью **Мягкой Силы*** [<https://rg.ru/2009/07/07/perezagruzka.html>]. В последнем случае использование прописных букв в тексте является средством выразительности, к которому автор многократно прибегает на

протяжении всей статьи, расставляя таким образом смысловые и логические акценты;

4) в ряде случаев конструкция *мягкая сила* в обоих графических вариантах сопровождается отсылкой к англоязычному эквиваленту *soft power*, выступающему дополнительным пояснительным элементом и играющему, как правило, роль обособленного приложения или вставной конструкции. При этом отметим, что англоязычная конструкция *soft power* в кавычки не заключается; ср.: *Это часть мягкой силы, soft power. Кстати, такой же инструмент, как BBC или CNN для Великобритании и США.* [<http://www.kommersant.ru/doc/1911336>]; *Увы, ручное управление несовместимо с «мягкой силой» (soft power), на которой и должна строиться внутренняя политика в XXI веке* [<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/01/kak-integrirovat-kavkaz>]. Примечательны также случаи включения компонента *soft power* как полноценного члена предложения с вставной конструкцией *мягкая сила*. При этом компонент *так называемая* согласуется в роде, числе и падеже по типу согласования с русскоязычной конструкцией. Ср.: *Грубой военной силе обычно предшествует так называемая soft power (мягкая сила. – “Ъ”)* [<http://www.kommersant.ru/Doc/2987959>]. Отметим, что используется как раздельное *soft power*, так и слитное написание *softpower*. Ср.: *Владимир Путин... в конечном итоге одержал верх в ожесточенном идеологическом сражении с Западом при помощи softpower: речь идет о «мягкой силе» привлекательности и убеждения, а также психологического давления, чем в свое время мастерски владела Америка* [<http://izvestia.ru/news/586900>].

Описанная графическая вариативность свидетельствует о низкой степени ассимилированности конструкции *мягкая сила*, которая, являясь переводческой калькой словосочетания *soft power*, большинством носителей русского языка воспринимается как «чужеродное» образование, требующее выделения на письме и дополнительных комментариев.

Валентностная вариативность: синтагматический анализ

Синтагматический анализ выявил наиболее воспроизводимые модели связей, в которые вступает конструкция *мягкая сила*.

Активная валентность

Активная валентность сочетания слов *мягкая сила* наиболее продуктивно реализуется в конструкциях, составленных по модели *мягкая сила* + *существительное*, обозначающее *субъект*, обладающий *мягкой силой*. При этом субъект может быть выражен следующими языковыми средствами:

а) имя собственное, представленное названием государства или международной организации: *мягкая сила Евросоюза, мягкая сила Москвы, мягкая сила России, мягкая сила США* (ср.: *Какова ее идентичность, какова та «мягкая сила» России, которая может привлечь не только прагматичные интересы азиатских политиков, но сердца и души рядовых обитателей многомиллиардного континента?* <https://rg.ru/2015/08/31/vostok.html>);

б) нарицательное существительное: *мягкая сила государства, мягкая сила страны, мягкая сила народа*. Отметим, что количественно конструкции первого типа значительно преобладают над конструкциями с нарицательным компонентом, ср.: *Может быть, в этом умении жадно и с удовольствием заимствовать чужое и есть «мягкая сила» любого народа?* [<http://www.kommersant.ru/doc/2967041>].

Пассивная валентность

Конструкции, демонстрирующие пассивную валентность *мягкой силы*, можно представить следующими моделями:

1. *Существительное + мягкая сила*. Конструкции указанного типа демонстрируют наибольшую продуктивность, составляя не менее 80% всех словоупотреблений словосочетания *мягкая сила*. При этом, существительное может выполнять разные функции по отношению к последней, реализованные в следующих типах конструкций:

а) *гипероним + мягкая сила*, где исследуемому выражению предшествует обобщающее слово; ср.: *концепция мягкой силы, политика мягкой силы, термин «мягкая сила», понятие «мягкая сила»*;

б) *гипоним + мягкая сила*, где исследуемому выражению предшествует конкретизирующее слово (ср.: *инструменты мягкой силы, арсенал мягкой силы, возможности мягкой силы, механизмы мягкой силы и др.*);

в) *отглагольное существительное + мягкая сила*, где первый компонент называет действие, производимое над *мягкой силой* или с её помощью (ср.: *демонстрация мягкой силы, использование мягкой силы, осмысление мягкой силы, понимание мягкой силы и др.*);

г) *предлог + существительное + мягкая сила*; ср.: *с помощью мягкой силы, при помощи мягкой силы, по принципу мягкой силы, в пользу мягкой силы и др.*).

В указанных типах конструкций существительное, выступающее в роли стержневого компонента, может реализовывать одну из следующих сем:

а) «**воплощение в языке**»: *название «мягкая сила», выражение «мягкая сила», термин «мягкая сила», ср.: Сегодня страны конкурируют между собой не количеством и качеством вооружений, а тем, что получило название «мягкой силы»* [<http://www.kommersant.ru/doc/2712966>];

б) «**метод/прием**»: *дипломатия мягкой силы, логика мягкой силы, политика мягкой силы, прием мягкой силы, путь мягкой силы, риторика мягкой силы, компонент мягкой силы, элемент мягкой силы, формат мягкой силы; ср.: Собеседники "Ъ" выражали надежду, что Россотрудничество придаст этому "политическое измерение в соответствии с логикой «мягкой силы», перенаправив средства на двусторонние проекты с упором на страны СНГ* [<http://www.kommersant.ru/doc/2210945>];

в) «**показатель**»: *индикатор мягкой силы, индекс мягкой силы, критерий мягкой силы, рейтинг мягкой силы, фактор мягкой силы, эффективность мягкой силы; ср.: Россия оказалась на 27-м месте из 30 в рейтинге наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы»* –

способности оказывать воздействие на другие страны с помощью «привлекательности и убеждения», за счет культурных ценностей и ценностей гражданского общества

[<http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/06/14/645222-top-30-myagkoi-sili>];

г) «проявление»: демонстрация мягкой силы, олицетворение мягкой силы, наращивание мягкой силы, персонификация мягкой силы, проявление мягкой силы, применение мягкой силы, распространение мягкой силы, развитие мягкой силы, форма мягкой силы, ср.: С точки зрения общественного мнения и восприятия этого шага в экспертных кругах, можно говорить о некоем **проявлении «мягкой силы»** по притягиванию Украины к России, за которым стоит политическая мотивация [<https://rg.ru/2011/12/12/grivna.html>]

д) «ресурс»: арсенал мягкой силы, запасы мягкой силы, инструмент мягкой силы, компонент мягкой силы, элемент мягкой силы, ресурс мягкой силы, рычаги мягкой силы, элемент мягкой силы; ср.: Использование **ресурса «мягкой силы»** способствует реализации внешнеполитических интересов России... [<https://rg.ru/2012/10/31/gatilov-anons.html>];

е) «теория»: концепция мягкой силы, понятие мягкой силы, проблемы мягкой силы; ср.: Так, в **понятие "мягкой силы"** по-китайски входит культурная экспансия, помощь странам-партнерам и не конфронтационная внешняя политика [<https://rg.ru/2012/11/01/sila-site.html>].

2. Прилагательное + мягкая сила

а) прилагательное + мягкая сила, где первый компонент обозначает принадлежность субъекту и, как правило, является производным от имени собственного: американская мягкая сила, российская мягкая сила, европейская мягкая сила; ср.: Это стало бы важным внешнеполитическим прорывом и проявлением **российской «мягкой силы»** [<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/24/646577-chempionat>]

prazdnik]. При этом встречаются немногочисленные случаи данной конструкции, где прилагательное образовано от нарицательного существительного (ср.: *отечественная мягкая сила*);

б) *прилагательное + мягкая сила*, где первый компонент обозначает качество, присущее мягкой силе, или её характеристику: *доброжелательная мягкая сила, мощная мягкая сила, эффективная мягкая сила, хитрая мягкая сила, нарастающая мягкая сила, патриотическая мягкая сила, иная мягкая сила*; ср.: *Для эффективной «мягкой силы» недостаточно пропаганды своих ценностей* [<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/02/08/dlya-jeffektivnoj-myagkoj-sily-nedostatochno-propagandy-svoih-cennostej>].

3. *Глагол + мягкая сила*, где первый компонент обозначает действие, выполняемое над мягкой силой. При этом большая часть конкордансов с конструкцией подобного типа исчерпывается глаголами *применять, использовать*. Значительно более продуктивной представляются многокомпонентная модель *глагол + существительное + мягкая сила*: *задействовать инструменты мягкой силы, увлекаться концепцией мягкой силы, работать методами мягкой силы*; ср.: *Следовательно, необходимо работать методами «мягкой силы» с разными частями политического спектра Германии, чтобы повлиять на политику действующей власти с целью ее коррекции с учетом российских интересов* [<http://izvestia.ru/news/582676>];

4. *Притяжательное местоимение + мягкая сила*: *наша/его/её мягкая сила*, где притяжательное местоимение соответствует ранее упомянутому субъекту; ср.: *Накануне Муса заявлял о том, что новая конституция в случае ее принятия гражданами страны «вернет Египту его мягкую силу и роль в мире»* [<http://www.aif.ru/politics/world/1034890>].

5. Отдельно стоит отметить модель *местоименное выражение + мягкая сила*, представленную многочисленными конкордансами с выражением *так называемая*, что подтверждает сделанное нами ранее

наблюдение о низкой степени ассимилированности конструкции *мягкая сила* и относительной новизне для языкового сознания россиян стоящего за ней понятия.

Парадигматический анализ

Парадигматический анализ предполагает описание омонимической, синонимической и антонимической парадигм.

1) *Омонимическая парадигма мягкой силы* в русскоязычном дискурсе СМИ представлена идентичной конструкцией, функционирующей как свободное словосочетание со значением «неявно выраженная, приглушенная». Ср.: *Роль ясноглазого батюшки – одна из самых значительных работ Маковецкого, при том что из самых сложных по задаче – воплотить трепет, мягкую силу и кротость, не впадая ни в умильность, ни в пошлость* [<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2009/08/13/pop-art>].

Таким образом, в качестве интегрального компонента указанной омонимичной парадигмы выступает форма и состав словосочетания. При этом, дифференциальным компонентом является фразеологический статус и контекстуальное значение.

2) *Синонимическая парадигма* представлена следующими оппозициями:

а) с интегральным компонентом *мягкий*: *мягкое влияние, мягкие формы влияния, мягкие позиции, мягкая безопасность*. При этом, перечисленные конструкции представляют собой разные виды синонимов и входят в разные синонимические парадигмы. Рассмотрим указанные конструкции через их анализ в конкордансах.

Другие предлагают сочетать жесткие меры с «мягким» влиянием [<https://rg.ru/2012/11/23/kitay-site.html>]; *Пятый урок – это важность мягких форм влияния, или soft power* [<http://www.kommersant.ru/doc/655293>]; Как видно из приведенных примеров, парадигма *мягкая сила* – *мягкое влияние* –

мягкие формы влияния представлена интегральной семой «мирная, нежесткая» и следующими дифференциальными семами: «потенциал», «воздействие», «способы воздействия» соответственно. Рассмотренные синонимы можно считать случаем частичной или родо-видовой (по Ю.Д. Апресяну) синонимии.

Ср.: *Было бы неблагоразумно не воспользоваться такой возможностью, чтобы усилить свои «мягкие» позиции в мире.* [<https://rg.ru/2013/05/29/zlobin.html>]. Конструкция *мягкие позиции*, очевидно, является производной от *мягкой силы* и включает интегральный компонент *мягкие*, представленный семой «обладающие привлекательностью», и дифференциальный компонент *позиции*, представленной семой «уровень».

Ср.: *Выступая на парламентской ассамблее в Страсбурге министр иностранных дел Сергей Лавров говорил о повышении роли Совета Европы в продвижении «мягкой безопасности» и необходимости применения «мягкой силы» для разрешения конфликтов на континенте.* [<https://rg.ru/2010/04/30/shestakov-site.html>].

В указанных конкордансах дифференциальный признак конкретизирует контекстуальное значение и сужает широкое семантическое поле понятия;

б) с интегральным компонентом *сила*: *умная сила*. Ср.: *Именно мягкая, «умная» сила, взвешенный и поэтапный подход к реализации поставленных целей лежит в основе привлекательности Организации* [<https://rg.ru/2011/06/03/nazarbaev.html>]. В данном случае *умная сила* выступает в роли уточняющего элемента и конкретизирует компонент *мягкая*, реализуемый семой «продуманная». Указанная оппозиция может рассматриваться как случай идеографической синонимии.

При этом синонимические отношения конструкций *мягкая сила* и *умная сила* представлены в дискурсе единичными случаями; значительно более распространенными являются отношения соподчинения, где *мягкая сила* + *жесткая сила* = *умная сила*. Ср.: *Но в стратегическом плане этого*

недостаточно – именно поэтому, кстати, идея **«мягкой силы»** была впоследствии доработана до концепции **«умной силы»**, в должной мере сочетающей в себе «мягкие» и «жесткие» элементы [<https://rg.ru/2015/10/11/epocha-site.html>]; Сегодня американские эксперты все реже используют некогда популярный термин **«мягкая сила»** – в США почти официально говорят об **«умной силе»**, которая сочетает «жесткую» и «мягкую» силу, не отдавая предпочтения ни одной из них [<https://rg.ru/2012/12/03/obraz-site.html>].

2) Антонимическая парадигма представлена следующими оппозициями

а) *мягкая сила – жесткая сила, мягкая сила – грубая сила, мягкая сила – военная сила*. Все члены указанных оппозиций имеют интегральный компонент *сила*, но при этом представляют собой разные виды оппозиций по дифференциальному признаку.

Так, *мягкая сила – военная сила* является привативной или бинарной оппозицией, где дифференциальным признаком является наличие/отсутствие военных действий. Ср.: *А ведь именно этим занимаются США с помощью громадных пропагандистских ресурсов в виде Голливуда, Госдепа, сети НКО, Пентагона, пяти десятков спецслужб – попеременно «мягкой» и военной силы* [http://www.aif.ru/politics/opinion/gollivudskaya_magiya_ne_deystvuet_na_rossiyu]; *Если мы не используем военную силу, это не означает отсутствие конфликта. И мягкая сила может быть более действенна для его разрешения, чем военная* [<http://www.aif.ru/politics/world/1454502>].

В оппозиции *мягкая сила – жесткая сила* компонент *жесткая* может быть представлен различными семами:

а) *семой «военная»*; ср.: *Конечно, военные методы никто не отменял и необходимость «жесткой силы» будет, безусловно, сохраняться*. [<https://rg.ru/2013/05/29/zlobin.html>];

б) *семой «предполагающая принуждение»*; ср.: *Отмечается, что «мягкая сила» предполагает добровольное вовлечение в орбиту своих*

интересов, в первую очередь за счет создания привлекательного образа – в противовес **«жесткой силе»**, опирающейся на принуждение и деньги [http://www.aif.ru/society/army/voennye_teoretiki_rf_razrabatyvayut_koncepciyu_myagkoy_sily_-_smi].

При этом в обоих случаях можно говорить о привативной оппозиции: в первом – по наличию / отсутствию военного потенциала или военных действий, во втором – по наличию / отсутствию принуждения.

В противопоставлении *мягкая сила – грубая сила* можно говорить об эквиполентной оппозиции, поскольку противопоставление реализуется через качественное различие дифференциального признака, ср.: *В ходу – «мягкая сила», информационные и финансовые войны, а те, кто ЯВНО апеллирует к грубой силе и грубым угрозам, называются «изгоями»*. [<https://rg.ru/2014/10/31/sila-site.html>].

Оппозиция с интегральным компонентом «мягкая»:

мягкая сила – мягкая слабость; ср.: *Она пытается договариваться как раз с позиции даже не мягкой силы, а мягкой слабости. Естественно, это вызывает у таких хищников, как Европейский центральный банк, Еврокомиссии, МВФ желание надавить, додавить и добиться своего*. [<http://www.kommersant.ru/doc/2753795>]. В данном случае мы имеем дело с градуальной оппозицией, где дифференциальным признаком является степень выраженности (наличия) силы.

Семантическая диффузность

Принцип диффузности значений как свойство языковых явлений в отечественной лингвистике был впервые описан Д.Н. Шмелевым, отметившим, что «в целом ряде случаев граница между значениями оказывается как будто размытой, смысл словосочетаний таков, что не требует выявления этой границы, более того, часто он не покрывается полностью ни одним из значений в отдельности» [Шмелев 1984: 94]. Под семантической диффузностью обычно понимают «недоопределенность

содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации (Kiklewicz A. цит. по: [Власова Л.А. 2014: 129]). При этом, в случае широкозначности семантика «достаточно определенно конкретизируется средствами контекста (или ситуации). Напротив, фразеологизмы с диффузным значением остаются неопределенными в аналогичных контекстуальных или ситуативных условиях» [Жуков 2003: 108].

Дефиниционный анализ понятия *мягкая сила* с использованием словарей представляется затруднительным в связи с отсутствием данного словосочетания как в толковых словарях русского языка, так и в специализированных политологических словарях, что объясняется, по-видимому, относительно недолгим периодом его функционирования в русскоязычном дискурсе. Учитывая ненормированный характер конструкции *мягкая сила* в русском языке, можно говорить о семантической диффузности только в контексте речевой диффузности.

Семантическая адаптация конструкции *soft power (мягкая сила)* в русскоязычном дискурсе проходила на фоне его интенсивного включения в общественно-политический дискурс, а также дискурс средств массовой информации. Для уточнения значения понятия, реализуемого в указанном дискурсе, представляется целесообразным анализ дефиниций, приводимых в СМИ и выявление структуры его значения.

В рамках данного исследования нами были проанализированы 51 определение понятия *мягкая сила*, что позволило выявить наиболее общую схему дефиниций: *способность/возможность + конкретизация действия + инструмент + конкретизация инструментов** (факультативно). Реализация данной схемы представлена в таблице 6.

Таблица 6

Гипероним	Конкретизация действия	Инструмент	Пример
Способность/ возможность	• воздействовать	• пример	Способность добиваться симпатии и выглядеть привлекательно в глазах представителей других стран, используя культурное влияние [https://rg.ru/2015/11/02/russkiymir-site.html]. Способность воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности. [https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html] Возможность достигать целей во внешней политике при помощи «позитивного привлечения и убеждения», а не путем угроз и санкций. [http://kommersant.ru/doc/3013228] Способности влиять на другие государства не деньгами и оружием, а культурой и ценностями гражданского общества [http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_myagkaya_sila]
	• влиять (распространять влияние)	• моральное лидерство	
	• добиваться (результатов, целей)	• информационные возможности/потoki	
	• убеждать	• ценности	
	• привлекать	• приоритеты	
		• идеи	
		• взгляды	
		• дипломатия	
		• добровольное участие	
		• симпатия	
		• достижения	
		• образ жизни	
		• культура	
		• привлекательность	

Важно отметить, что отдельные, наиболее релевантные инструменты *воздействия/убеждения/привлекательности* зачастую получают в определениях дальнейшую конкретизацию. Одним из таких компонентов является *культура*. Различные варианты инструментов *культуры*, упоминаемые в определениях *мягкой силы*, приведены в таблице 6.1.

Таблица 6.1

Инструмент	Категории/компоненты	Пример
Культура	• ценности • влияние • достижения • связи/контакты • сотрудничество • экспансия	Убеждение и привлечение симпатий к своей стране, в том числе и основываясь на <i>культурных достижениях</i> [https://rg.ru/2012/07/10/putin.html]. ... наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы» - по способности влиять на мир не оружием, а <i>культурными</i> и гражданскими <i>ценностями</i> [http://www.aif.ru/politics/opinion/my_vystoyali].

Кроме того, некоторые из инструментов, входящие в определения, описанные в таблице 6, нередко сами выступают в качестве гиперонимов в определениях *мягкой силы*. К ним относятся, прежде всего, *привлекательность/притягательность* (см. таблицу 7) и *влияние* (см. таблицу 8).

Таблица 7

Гипероним	Характеристика	Источник привлекательности	Пример
Привлекательность/притягательность	• внешнеполитическая • гуманитарная • культурная • научная • политическая • социальная • цивилизационная • экономическая	• возможностей • гражданские свободы • культура • модели развития • модернизация быта • образа жизни • образование • общества • политические ценности • условий • экология	Всё то, что в последнее время стали называть «мягкой силой» — силой <i>привлекательности</i>. <i>Привлекательности гражданских свобод, культуры, политики, уровня модернизации, быта, образования, экологии.</i> [http://www.aif.ru/politics/world/12695]. Россия же вынуждена делать упор на жесткую, в т.ч. военную силу. ... потому, что «мягкой силы» - <i>социальной, культурной, политической, экономической привлекательности</i> - у нее мало. [https://rg.ru/2009/11/24/europa.html]

Гипероним	Характеристика	Инструменты	Пример
Влияние	• неофициальное • международное • экономическое • культурное • гуманитарное • ненасильственное	• ценности • приоритеты • идеи • взгляды • симпатия к культуре • неapolитические методы	Повышение <i>международного влияния</i> , авторитета и возможностей своей страны через использование <i>неapolитических</i> и тем более <i>невоенных методов</i> продвижения своих ценностей, приоритетов, идей и взглядов [https://rg.ru/2013/05/29/zlobin.html]

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в значительном числе дефиниций *мягкая сила* реализует сему «потенциал», которая конкретизируется, прежде всего, через указание целей его применения и инструментов. В ряде определений семантическая структура конструкции *мягкая сила* сужается до одного из компонентов «потенциала», который представляется наиболее релевантным для автора с точки зрения контекстуального употребления конструкции.

Ассоциативно-семантическое поле понятия мягкая сила

Для анализа ассоциативно-семантического поля (АСП) в данном исследовании был использован комбинированный статистический метод, основанный на анализе частотности лексических единиц контекстов первой степени (имеющих непосредственную синтаксическую связь с конструкцией *мягкая сила*) и второй степени (имеющих опосредованную синтаксическую связь).

Доминантой АСП, и, следовательно, главным компонентом *ядра*, обладающим наибольшей частотностью, является *страна* (231), что свидетельствует о восприятии *мягкой силы* как важного атрибута государства. Этот вывод подтверждает также высокий показатель компонента *государство* (110), реализующий ту же сему, что и *страна*, что позволяет включить указанные геополитические обозначения источника

мягкой силы в ядерную зону АСП, к которой можно также отнести компоненты *мир* (185) и *политика* (174). Это перекликается с результатами синтагматического анализа англоязычных американских и китайских СМИ, где притяжательный падеж, обозначающий источник *мягкой силы*, имел высокую частотность и выступал неотъемлемым атрибутом *мягкой силы*. Примечательна также частотность упоминания названий государств в собранном русскоязычном корпусе. Так, яркой доминантой является *Россия/РФ* с показателем частотности 512, далее в порядке убывания значения соответствующего показателя следуют *США/Америка* (200), *Китай/КНР* (92) и *Европа* (86).

Таким образом, к ядру АСП *мягкой силы* в дискурсе российских СМИ были отнесены компоненты, обозначающие источник и сферу применения *мягкой силы* (*страна, мир, государство, политика*).

К *околоядерной* зоне АСП можно отнести следующие компоненты (в порядке убывания частотности): *использование/использовать* (131), *культура/культурный* (122), *влияние/влиять* (111), *экономика/экономический* (91), *инструмент* (86) и *дипломатия/дипломатический* (78). Как видно из приведенного перечня, *околоядерную* зону составляют компоненты, обозначающие преимущественно инструменты или сферы воздействия *мягкой силы* и конкретизирующие их.

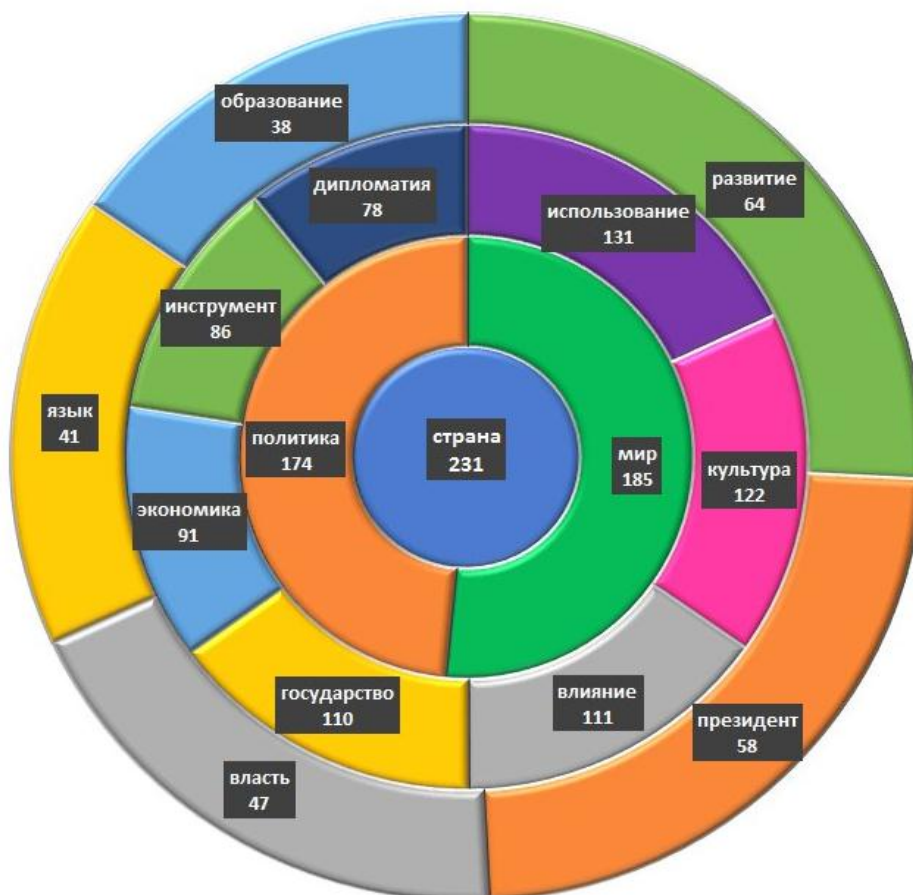
К *периферии* были отнесены менее частотные компоненты: *развитие* (64), *президент* (58), *власть* (47), *язык* (41), *образование* (38). При этом, необходимо отметить, что частотность компонента *язык* в русскоязычном дискурсе СМИ составляет 5,25%, что превышает аналогичный показатель, выявленный нами в китайских и американских СМИ, и свидетельствует о восприятии языка в России не только как компонента составной части культуры, но и как самостоятельного компонента *мягкой силы*. Это дает основания считать *внешнюю языковую политику и планирование* потенциальным инструментом и отдельным направлением реализации *мягкой силы* РФ.

Таким образом, на основании проведенного лексико-семантического исследования можно сделать ряд обобщающих выводов. В РФ стремительный рост популярности идей, относящихся к концепции *мягкой силы*, привел к интенсивному использованию соответствующего понятия в общественно-политическом дискурсе и дискурсе СМИ. При этом его функционирование в речи связано с неустойчивостью как в графическом оформлении, так и в семантике. Вывод о неполной ассимилированности конструкции *мягкая сила* подтверждается также значительным (по сравнению с дискурсом американских и китайских СМИ) количеством определений, включенных в контекст в качестве поясняющей информации.

Отмеченная нами высокая продуктивность валентностной модели *существительное + мягкая сила*, наряду с относительно низкой продуктивностью модели *глагол + мягкая сила*, при их незначительном семантическом разнообразии в русском языке свидетельствуют о преобладании скорее «теоретического», чем практического подхода к концепции *мягкой силы*.

Таким образом, концепция *мягкой силы* в России с 2005 года прошла путь от стадии осмысления и формирования до стадии практических действий по ее реализации. Важно при этом отметить, что язык присутствует в ассоциативно-семантическом поле *мягкой силы* русскоязычного дискурса как самостоятельная категория, что может свидетельствовать о его значимости в сознании носителей как инструмента реализации *мягкой силы* и значительном потенциале внешней языковой политики.

Схематично АСП конструкции *мягкая сила* на материале дискурса СМИ РФ представлено на рис.3.

Ассоциативно-семантическое поле *мягкой силы*

Выводы по четвертой главе

Анализ языковой политики и языкового планирования России с позиций диахронии и синхронии позволяет нам сделать следующие выводы:

1. На протяжении всей истории значительное влияние на функционирование языка в обществе традиционно оказывало государство или его представители, наделенные властью. Такой централизованный характер языковой политики и языкового планирования, сформировавшийся в ходе исторического развития, предопределил специфику современной языковой политики в России, где государство монопольно регулирует все сферы функционирования языка.

2. На современном этапе исторического развития все направления языковой политики находятся в сфере законодательного регулирования. При этом федеральное и региональные законодательства в ряде случаев демонстрируют противоречия и несогласованность, что позволяет сделать вывод о необходимости гармонизации законодательства разных уровней.

3. В реализующейся в настоящее время реформе образования отмечается изменение отношения к русскому языку. Так, замена предмета «Литература» на «Русский язык и литература» на уровне среднего общего образования, а также введение сочинения в качестве итогового контроля в выпускном классе свидетельствует о внимании, которое уделяется повышению уровня речевой грамотности современного носителя русского языка.

4. Специфика социолингвистической ситуации в России, характеризующаяся ярко выраженным национально-языковым многообразием, ставит перед государством сложную задачу соблюдения языковых прав народов РФ, с одной стороны, и недопустимости ущемления роли русского языка как государственного – с другой. В этой связи представляется перспективным формирование системы билингвального образования.

5. Сегодня одной из приоритетных задач языковой политики России является распространение русского языка за пределами государства с целью популяризации русской культуры и расширения сфер влияния. Вместе с тем, анализ эмпирических данных о реализации многочисленных инициатив и проектов в этом направлении дает основания рекомендовать создание более прозрачной и лаконичной структуры организаций и ведомств, задействованных в этой работе.

6. Концепция *мягкой силы* в настоящее время находится на этапе перехода от адаптации и осмысления к практическим действиям, о чем свидетельствует проведенный нами лексико-семантический анализ. Этот вывод подтверждается многочисленными оценками научных и общественных деятелей. При этом в формировании национальной концепции *мягкой силы* языковой ресурс и внешняя ЯПП могут сыграть важную роль, о чем свидетельствует присутствие компонента *язык* в АСП конструкции *мягкая сила*.

Заключение

Результаты исследования, проведенного в рамках подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, позволяют сделать ряд выводов, расширяющих существующие представления о некоторых категориях социолингвистики и открывающих новые пути исследований в данной области.

1. В исследовании предпринята попытка систематизации подходов к определению таких социолингвистических понятий, как *языковая политика* и *языковое планирование*. На основе дефиниционного анализа предложен комплексный термин *языковая политика и планирование* (ЯПП), использование которого позволяет снять некоторые разночтения при исследовании практических аспектов реализации мероприятий по воздействию на функциональную сторону языка и расширить круг вопросов, изучаемых в рамках данного направления исследований.

2. В дополнение к существующей структуре *языковой политики*, включающей ЯПП в области статуса, корпуса и обучения языку, в исследовании вводится понятие *внешней языковой политики и планирования*. При этом в работе предложена схема характеристики ЯПП, предполагающая анализ целей, субъектов, объектов и инструментов ее реализации.

3. Выбор целей, субъектов, объектов и инструментов внешней ЯПП тесно связан с целями и задачами внешней политики, реализуемыми в контексте политики *мягкой силы*. Обобщение теоретических подходов разных наук к концепции *мягкой силы* позволило выявить двояко обусловленную связь *языка* и *мягкой силы*. Так, с одной стороны, язык может представлять собой орудие информационного воздействия, а с другой стороны – является проводником культурно-национальных ценностей и интерпретационных кодов.

4. Изучение национальной специфики *мягкой силы* при помощи лексико-семантического анализа позволило выявить и описать ассоциативно-

семантическое поле указанного понятия для каждого государства, отражающего национально обусловленные особенности его восприятия. При этом полученные выводы в значительной степени совпали с выводами, полученными в результате изучения реализации мероприятий *мягкой силы* в исследуемых государствах (США, КНР, РФ). Конструкция АСП на материале СМИ США, РФ, КНР позволила выявить общие и специфичные компоненты в их структуре. Так, ядро образуют лексемы, вербализующие концептуальные признаки мягкой силы, к которым относятся «принадлежность государству» как субъекту (и возможному объекту воздействия) «сфера деятельности – «политика», ареал деятельности – «мир». Этим компонентам ядра соответствуют также некоторые компоненты периферии; ср.: *власть, президент, правительство* (РФ); *global, government, foreign, international, people, president* (США); *global, government, international, people, nation* (КНР). Прочие компоненты периферии отражают восприятие характера мягкой силы и ее инструментов. Здесь можно выделить общие компоненты, встречающиеся во всех трех АСП (ср.: *влияние, дипломатия, культура, экономика*), так и различающиеся (ср.: *инструмент, использование, образование, развитие, язык* (РФ); *war* (США); *boost, develop, industry, influence, hard, promote* (КНР). Вместе с тем, ключевым компонентом в понимании национальной специфики является доминанта ядра АСП.

5. Структура и характер ЯПП США неоднородны. Так, внутренняя ЯПП в области статуса позиционируется как централизованная языковая политика по отстаиванию паритета языков и отказу от придания английскому языку де-факто существующего статуса официального языка. ЯПП в области обучения языку регулируется при помощи миграционного законодательства и законов о билингвальном образовании. ЯПП в области корпуса языка является децентрализованной, инициируемой «снизу» с преобладанием дескриптивной лексикографии над прескриптивной; функции нормирования языка и лексикографического закрепления утвердившихся в языке явлений

выполняют научно-исследовательские центры при крупных университетах при поддержке издательских компаний.

6. Распространение языка за пределами США является скорее не инструментом, а результатом *мягкой силы* США. При этом, внешняя ЯПП реализуется «скрыто» через научные и образовательные программы и гранты, а также путем создания условий, при которых изучение языка становится необходимым для реализации индивидуальных целей.

7. *Мягкая сила* в дискурсе СМИ США раскрывает свое значение главным образом через противопоставление жесткой силе. При этом происходит сдвиг значения с исходного (предложенного Дж. Найем) «привлекательность» на «инструмент воздействия», который зачастую имеет единые цели с *жесткой силой* и отличается только способом их достижения.

8. Внутренняя ЯПП Китая переживает период активной практической деятельности, направленной на решение вопросов функционирования языка. Характер ЯПП Китая на всех уровнях можно определить как жестко централизованный. Целенаправленная деятельность по реализации ЯПП направлена на распространение единого устного и письменного языка в лингвистически гетерогенном государстве, а также на повышение уровня грамотности населения. Указанные задачи реализуются при помощи комплекса скоординированных мероприятий на уровне ЯПП в области статуса, корпуса и обучения языку.

9. Внешняя ЯПП Китая имеет четкие цели, отлаженную организационную структуру и необходимые экономические ресурсы для реализации. При этом распространение языка и культуры опирается на концепцию *мягкой силы* государства, основанную на традиционных для Китая ценностях. Важнейшим инструментом внешней ЯПП Китая является образование, в виде обменных образовательных программ и грантов, а также формирование сети Институтов Конфуция по всему миру.

10. Семантическая структура *мягкой силы* в дискурсе англоязычных СМИ Китая раскрывается главным образом через реализацию семы

«привлекательность», которая связана с распространением языка и культуры, выступающей ярко выраженной доминантой ассоциативно-семантического поля *мягкой силы*. Примечательно, что компонент *hard*, выступающий доминантой АСП в дискурсе СМИ США, в китайском дискурсе относится к дальней периферии АСП, что позволяет говорить о различии подходов к реализации *мягкой силы* США и Китая.

11. Внутренняя ЯПП России характеризуется высокой степенью централизации, проявляющейся на всех уровнях ЯПП (статуса, корпуса, образования). Эта исторически сложившаяся особенность в последние десятилетия проявилась с новой силой. Внимание федеральной власти к вопросам языка можно отметить как в программных выступлениях, так и в серии последовательно сменяющих друг друга федеральных целевых программ «Русский язык», а также в разработке единых образовательных стандартов.

12. Внешняя ЯПП России, направленная на продвижение русского языка за рубежом, связана с осознанием важности *мягкой силы* как ресурса влияния, находится в процессе становления и реализуется через систему мероприятий, поддерживаемых федеральными целевыми программами и созданием структур, работающих по приоритетным направлениям реализации *мягкой силы*. При этом «языковой ресурс» осознается как важный инструмент политики *мягкой силы*.

13. Понятие *мягкой силы* в дискурсе СМИ России характеризуется семантической диффузностью, которая снимается в контекстуальном употреблении понятия при помощи уточняющих пояснений и определений, приводимых в текстах при первом упоминании *мягкой силы*. Семантический анализ собранного корпуса дефиниций выявил наибольшую частотность семы «потенциал» при определении *мягкой силы*. Отметим, что потенциал может пониматься и как «ресурс привлекательности», и как «ресурс влияния». При этом, принципиально важной характеристикой *мягкой силы*

является ее восприятие как атрибута государства, что выражается в доминантах ядра АСП (*страна, государство*).

14. В связи с возросшей популярностью концепции *мягкой силы* в политическом дискурсе семантическая структура соответствующего понятия подверглась существенным изменениям. На основании лексико-семантического анализа можно дать комплексную характеристику понятия *soft power*.

а) *Мягкая сила* представляет собой *концепцию*, которая может быть основанием для выработки *подходов* к реализации политических и иных целей, проявляется в многообразии *видов и форм*, обладает *внутренней структурой*, включающей *компоненты и инструменты реализации*.

б) Наиболее часто в политическом дискурсе СМИ *soft power/ мягкая сила* реализует следующие семы: *инструмент* и *потенциал*. При этом последний может выступать как *ресурс привлекательности*, *ресурс воздействия* – и отождествляться с *мирными усилиями, дипломатией и сотрудничеством* в разных сферах.

в) Неоднозначное положение в семантической структуре *мягкой силы* занимает *экономика*, которая может как выступать в качестве инструмента *мягкой силы*, так и противопоставляться ей как инструмент *жесткого воздействия*.

г) Важную роль в комплексном описании понятия играет *субъект мягкой силы*, в качестве которого может выступать наименование или иное обозначение геополитического объекта, собирательное существительное (*нация, народ, правительство*) или отдельные лица.

15. В результатах проведенного лексико-семантического анализа отразилась специфика функционирования конструкции *мягкая сила* в дискурсе СМИ XXI века, что может стать материалом для словарных статей в разных типах лексикографических источников, включая толковые словари, словари синонимов, словари сочетаемости и др.

Таким образом, проведенное комплексное исследование *языковой политики и планирования* США, КНР и РФ позволило выявить некоторые закономерности внутренней ЯПП и описать *внешнюю ЯПП* как новый компонент в структуре соответствующего понятия. Систематизированные фактические данные могут стать основой дальнейшей разработки теоретико-методологических основ *языковой политики и языкового планирования* в лингвистике и социолингвистике. Определение места и потенциала внешней ЯПП как инструмента *мягкой силы* создает предпосылки для выработки практических рекомендаций по реализации *внешней ЯПП* на основании расширения экстралингвистического материала путем включения в исследования опыта других государств.

В работе выявляются семантические закономерности дискурсивного использования конструкции *мягкая сила*, позволяющие конкретизировать систему ее значений. Возможные направления дальнейшего изучения конструкции *мягкая сила* в лингвистической науке включают в себя: 1) определение лексико-грамматического статуса словосочетания *мягкая сила* (с учетом его устойчивости, воспроизводимости и цельности номинации); 2) изучение *мягкой силы* как особого концептуального ориентира (концепта, «ключевого слова») с позиций психолингвистики, лингвокультурологии, лингвокогнитологии и других смежных дисциплин.

Литература

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Алексашенкова, И.В. Билингвальная образовательная программа (куррикулум) как средство поликультурного образования студентов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01/ Алексашенкова Ирина Валентиновна. – Великий Новгород, 2000. – 148 с.
3. Алексеев, А.А. Почему в Древней Руси не было диглоссии/ А.А. Алексеев // Проблемы исторического языкознания. – 1986. – Выпуск 3: Литературный язык Древней Руси. – С. 3-11.
4. Алиев, Р. Билингвальное образование. Теория и практика/ Р. Алиев, Н. Каже. – Рига: RETORIKA A, 2005. – 384 с.
5. Алпатов, В. Об эффективности языкового законодательства. Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Материалы Всероссийской научной конференции/ В. Алпатов – Институт языкознания РАН. – Москва, 1994. – С. 13-17.
6. Алпатов, В.М. 150 языков и политика: 1917 – 1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства/ В.М. Алпатов. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997. – 192 с.
7. Алпатов, В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции/ В.М. Алпатов// Comparative politics. – 2013. – № 2 (12). – С. 8-28.
8. Алпатов, В.М. Языковая политика в России и мире/ В.М Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / В.М Алпатов. – М., 2014. – С. 11-24.
9. Бауэр, М.М. Трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства Тюменской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бауэр М.М. / Теория языка. – Кемерово, 2007. – 200 с.

10. Бахнян, К.В. Модели языковой политики и социолингвистическая стратегия полиэтнических государств / К.В. Бахнян // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире /К.В. Бахнян. – М., 2014. – С. 70-80.
11. Безлепкин, Н.И. Язык и культура управления/Н.И. Безлепкин // Философия. Язык. Культура: сб. доктору философских наук, профессору Николаю Ивановичу Безлепкину к 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности; отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: изд. С.-Петербур. академии управления и экономики, 2010. – 166 с.
12. Беликов, В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: 2001. – 439 с.
13. Биткеева, А.Н. Языковое законодательство в Республике Калмыкия. Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации / А.Н. Биткеева, Р.Б. Дякиева. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 42 с.
14. Биткеева, А.Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции / А.Н. Биткеева // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / А.Н. Биткеева. – М., 2014. – С. 80-88.
15. Бобыло, А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке/ А.М. Бобыло, С.К. Песцов// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – №3 (31). – С. 42-53.
16. Богословский, В.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949) / В.А. Богословский, А.А. Москалев. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
17. Боргоякова, Т.Г. Языковое законодательство и перспективы функционирования государственных языков республик Южной Сибири / Т.Г. Боргоякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2014. – Ч. 2, № 10. – С. 36-40.

18. Бояркина, А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX-XXI вв. [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02/ Бояркина Анна Владимировна. – Владивосток, 2015. – 24с. – Режим доступа: <http://wwwold.dvfu.ru/documents/5732354/169961962/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%90.%D0%92. +%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82.pdf/b48d19b0-312e-48c7-88cc-12bd8880c94d> (дата обращения 14.03.2017).
19. Будаев, А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04/ Будаев А.В. // Политические проблемы международных отношений и глобального развития; Дипломатическая академия МИД России. – Москва, 2014. – 184 с.
20. Василенко, И.А. Роль технологий «мягкой силы» в формировании имиджевой стратегии России/ И.А. Василенко// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – № 1(39). – С. 28-34.
21. Васильева, Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук / Васильева Л.Н.– Москва, 2004. – 191 с.
22. Вахтин, Н.Б., Социоллингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
23. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка [Электронный ресурс] /В.В Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка / В.В Виноградов. – М., 1978. – С. 10-64. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-78a.htm>. – (дата обращения: 15.11.15).

24. Виноградов, В.В. Избранные труды по общему языкознанию / В.В. Виноградов, И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – С. 6-20.
25. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 110 с.
26. Винокур, Г.О. Русский язык. Исторический очерк / Г.О. Винокур //Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 11-110.
27. Витгенштейн, Л. Философские работы/ Л. Витгенштейн; пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – Ч.1. – 612 с.
28. Витгенштейн, Л. Философские работы/Л. Витгенштейн; пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – Ч.2. – 206 с.
29. Вишневская, Г.М. Билингвизм и его аспекты: учеб. пособие / Г.М. Вишневская. – Иваново, 1997. – 97 с.
30. Вишневская, Г.М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм): монография . / Г.М. Вишневская, А.А. Абызов. – Иваново: ИВГПУ, 2016. – 200 с.
31. Владимирова, А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений) / А. В. Владимирова, В. А. Королев, А. А. Трунина// Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 209-228.
32. Власова, Л.А. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий. / Л.А. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1, № 2 – С.128-132.
33. Воронецкий, П. М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации

- [Электронный ресурс]: дис. и автореф. ... канд. юр. наук: 12.00.02/ Воронецкий Петр Михайлович. – 204с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovye-problemy-statusa-gosudarstvennykh-yazykov-respublik-v-sostave-rossii> (дата обращения: 23.07.2016).
34. Габриелян, А. История возникновения и развития концепции «мягкой силы»: применимость на евразийском пространстве [Электронный ресурс]/ А. Габриелян. – режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoj-sily-primenimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436> (дата обращения: 13.11.2015).
35. Гаджиев, К.С. Введение в геополитику: Учебник / К.С. Гаджиев. – М.: Логос, 2000. – 257 с.
36. Гаджиев, К.С. Политология: Учебник для высших учебных заведений / К.С. Гаджиев – М.: Логос, 2001. – 488с.
37. Гак, В.Г. К типологии форм языковой политики / В.Г. Гак // Вопросы языкознания / В.Г. Гак. – М., 1989. – №5. – С. 104-134.
38. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]/ Т. Гоббс. – 181с. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf
39. Голев, Н.Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 4-10.
40. Голобородько, А. Ю. Государственная культурная политика в контексте конструирования дискурса «мягкой силы» [Электронный ресурс]/ А. Ю. Голобородько; редкол.: О.Н. Широков [и др.]// Приоритетные направления развития науки и образования: материалы V Междунар. науч.–практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 2 (5). – С. 315-319. – Режим доступа: ISSN 2411-9652. <https://interactive-plus.ru/e-articles/138/Action138-9615.pdf>.

41. Голобородько, А.Ю. Лингвокультурологическое измерение государственной культурной политики: от текста культуры к дискурсу «Мягкой силы» / А.Ю. Голобородько // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – С. 202-208.
42. Гревцова, А. Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН / А.Н. Гревцова// Молодой ученый. – 2012. – №3. – С. 313-315.
43. Гриценко, Е.С. Языковая политика в условиях глобализации (Языковая политика и языковые конфликты в современном мире) / Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина. – М., 2014. – С. 95-101.
44. Гришаева, Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) / Е.Б. Гришаева. – Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. – 278 с.
45. Гришаева, Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): дис. ... д-ра филол.: 10.02.19 / Гришаева Е.Б // Теория языка. – Красноярск, 2007. – 592 с.
46. Гронская, Н.Э Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Н.Э. Гронская. – Н.Новгород: Нижегород.гос.ун-т им. Лобачевского. – 2005. – 467 с.
47. Губогло, М.Н. Этнодемографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик СССР в конце 80-х - начале 90-х годов /М.Н. Губогло // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 53-65.
48. Губогло, М.Н. Языки этнической мобилизации / М.Н. Губогло. – М., 1998. – 811 с.
49. Гулинов, Д.Ю. Языковая политика: определения и характеристики / Д.Ю. Гулинов // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. – 2011. – № 5, том 59. – С. 7-11.

50. Гулинов, Д.Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Гулинов Д.Ю. – Теория языка. – Волгоград, 2015. – 301с.
51. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
52. Гунжитова, Г.Ц. Государственная языковая политика в России на современном этапе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 23.00.02/ Гунжитова Г.Ц. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2011. – 24с.
53. Давыдов, Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях/Ю.П. Давыдов// США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – №1. – С. 3-24.
54. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 381 с.
55. Доровских, Е. М. Конституционно-правовое регулирование использования языков народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: дис. и автореф. ... канд. юр. наук: 12.00.02/ Доровских Елена Митрофановна. – 222с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-yazykov-narodov-rossiiskoi-federatsii>.
56. Дробижева, Л.М. Межнациональное согласие: концептуальные подходы и социальная практика в российском обществе / Л.М. Дробижева // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.З. Дибирова. – Издательство Аспект Пресс, 2015. – С. 377-384.
57. Дробижева, Л.М. Политика в отношении национальностей, ресурс межнационального (межэтнического) согласия и формирование гражданской идентичности в новой России / Л.М. Дробижева // Социально-политическое развитие России и Польши на современном этапе: По материалам международной научно-практической

- конференции (Москва, ИМЭМО РАН, 13-14 ноября 2014 г.) / Ред. колл.: И.С. Яжборовская (отв. ред.), В.Т. Веденеева, С.П. Глинкина, В.И. Пантин. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 94-108.
58. Дырхеева, Г.А. Языковые приоритеты Республики Бурятия: система образования / Г.А. Дырхеева // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 101-107.
59. Дьячков, М.В. Языковая политика в современной России / М.В. Дьячков // Социс. – 1993. – №9. – С. 99-103.
60. Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) / А.В. Жуков, К.А. Жуков // Вестник НовГУ. – Новгород, 2003. – №25. – С.106-111.
61. Завьялова, О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР/ [Электронный ресурс] / О.И. Завьялова. – Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf – (дата обращения: 19.06.2015).
62. Завьялова, О.И. Лингвистическая стратегия Китая [Электронный ресурс] / О.И. Завьялова // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2015-06-26/5_china.html – (дата обращения: 26.06.2015).
63. Загорулько, Л.П. Изучение языка в образовательном процессе как актуальная проблема современного информационного общества [Электронный ресурс] / Л.П. Загорулько // Философия образования. – Электрон. журн. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2010. – № 1. – С. 226-233. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13532262&>, свободный.
64. Загорулько, Л.П. Языковая политика как категория социальной философии / Л.П. Загорулько // Философия образования. – 2012г. – № 6. – С. 217-221.

65. Зайцев, А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в контексте нормативной модели диалогической демократии / А.В Зайцев // NB: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 7. – С. 64-82.
66. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: Часть I / В.А Звегинцев. – 3-е изд., до. – М.: Издательство Просвещение, 1964. – 463с.
67. Зевелев, И.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики/ И.А. Зевелев, М.А. Троицкий. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. – Выпуск 2. – 72 с.
68. Зевелев, И. Семиотика американо-российских отношений / И. Зевелев, М. Троицкий // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 1. – С. 3-17.
69. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90-141.
70. Зубкова, Л.Г. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф.де Соссюр: антитеза системного и аспектирующего структурного подходов к языку / Л.Г.Зубкова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: в 2-х т.; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С.25-27.
71. Зубкова, А.В. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг.: дис. ... канд. полит. наук/ Зубкова А.В. – Москва, 2015. – 116 с.
72. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник/ И. П. Иванова и др. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
73. Илишев, И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве: политологические очерки / И.Г. Илишев. – Уфа, 2000. – 270 с.

74. Исаев, Д.В. Социолингвистическая мотивация в становлении и развитии национального варианта языка (на примере функционирования канадских вариантов английского и французского языков): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Исаев Д.В. – Челябинск: Теория языка, 2015. – С. 23.
75. Исаев, М.И. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка / М.И. Исаев// Язык и общество. – М.: Наука, 1968.
76. Исаев, М.И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР / М.И. Исаев. – М., 1982. – 168 с.
77. Исаев, М.И. Языковое законодательство как составная часть национально-языковой политики государства. Всероссийская научная конференция (Москва, 1-3 ноября 1994): материалы / М.И. Исаев. – М., 1994. – С. 89-92.
78. Исаев, М.И. Русский язык на постсоветском пространстве // IV Международная научная конференция «Язык. Культура. Общество» / М.И. Исаев. – М., 2007. – С. 96–102.
79. Исаченко, К. Станет ли китайский языком № 1 в мире? [Электронный ресурс] / К. Исаченко – Режим доступа: <http://navigator-msk.com/ru/articles/stanet-li-kitaiskii-iazykom-n1-v-mire> (дата обращения: 05.01.16).
80. Калинина, Е.Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия [Электронный ресурс]/ Е.Н. Калинина. – 203с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-yazykovaya-politika-rossiiskoi-federatsii-tekhnologii-realizatsii-v-usloviy> (дата обращения: 15.06.2016).
81. Камболов, Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / Т.Т. Камболов; под редакцией доктора филологических наук М.И. Исаева. –

Северо-Осетинский государственный университет. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.

82. Катунин, Д.А. Языковое законодательство в республиках Сибири / Д.А. Катунин // Язык и культура. – 2009. – Выпуск № 4. – С. 13-24.
83. Качалов, Н.А. Билингвальное образование как средство межкультурной подготовки учителя иностранного языка / Н.А. Качалов, Р. С. Полесюк // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 9. – С. 90-95.
84. Костюк, М. Е. Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России [Электронный ресурс]: дис. и автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02/ Костюк Майя Евгеньевна. – 172с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-yazykovaya-politika-i-ee-rol-v-mekhanizme-obespecheniya-natsionalnoi-bezopa>.
85. Клименко, Л.П. История русского литературного языка с точки зрения диглоссии / Л.П. Клименко // Проблемы исторического языкознания. – Выпуск 3. Литературный язык Древней Руси/ Отв. ред. В.В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – С.11-22
86. Клиновский, В.А. Правовой статус языка в конституции и законах современного Китая / В.А. Клиновский // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 196-199.
87. Клиновский, В.А. Языковая политика в Китайской народной республике во второй половине XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Клиновский В.А. – Улан-Удэ, 2012. – 25с.
88. Клипка, К.К. Политика распространения китайского языка в России [Электронный ресурс] / К.К. Клипка. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-411/political-problems-of-international-systems-and-global-development-411/10989-411-0705>. – (дата обращения: 21.01.16).

89. Косачев, К.И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями / К.И. Косачев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6). – С. 15-20.
90. Костомаров, В.Г. Русский язык в современном мире / В.Г. Костомаров. – М., 1969.
91. Костырев, А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики/А.Г. Костырев // Полис. Политические исследования. – 2013. – №2. – С. 143-149.
92. Кравченко, А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику / А.В. Кравченко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 90-99.
93. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва/ М. А. Кронгауз. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
94. Крутиков, Е. «Мягкая сила» России оказалась слишком мягкой [Электронный ресурс] / Е. Крутиков // Взгляд.ру. – 2014. Режим доступа: vz.ru/politics/2014/12/9/719545.html – (дата обращения: 25.02.16).
95. Крысин, Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – № 5. – С. 63-91.
96. Лалетина, А.О. Вопросы планирования статуса языка в глобальном мире (на материале языковой политики США и РФ) [Электронный ресурс]/А.О. Лалетина//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №2-1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-planirovaniya-statusa-yazyka-v-globalnom-mire-na-materiale-yazykovoy-politiki-ssha-i-rf> – (дата обращения: 25.02.16).
97. Лебедева, М. М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России/ М. М. Лебедева, Ж. Фор// Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – №6. – С. 200-205.

98. Лебедева, М.М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве/М.М. Лебедева, М.В. Харкевич// Международные отношения. – 2014. – №: 2 (35). – С. 10-11.
99. Лебединский, С.И. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / С.И. Лебединский, Л. Ф. Гербик. – Мн., 2011. – 309 с.
100. Лю, Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая/Ц. Лю//Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 149-155.
101. Ляшенко, Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юр. наук / Ляшенко Н.В. – Москва, 2004. – 163 с.
102. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: 2008. – вып. 1(24). – С. 43-48.
103. Меринов, С. DVD-цзи и другие. Китайский язык приспосабливается к глобализации [Электронный ресурс] / С. Меринов. – Российская газета 15.09.2010. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/09/15/china.html>. – (дата обращения: 05.01.16).
104. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд. – М., 2000. – 208 с.
105. Михальченко, В.Ю. Введение/ В.Ю. Михальченко // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия: Книга I / В.Ю. Михальченко, В. Солнцев. – М., 2000. – С. 9-47.
106. Михальченко, В.Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии [Электронный ресурс] / В.Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 2010. – № 1 (34). – Режим доступа: http://journal.mosinyaz.com/page_39_34. – (дата обращения: 20.01.16).
107. Михальченко, В.Ю. Языковые проблемы новой Российской Федерации / В.Ю. Михальченко // Язык, культура, этнос. – М., 1994. – С. 176-183.

108. Москалев, А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999) / А.А. Москалёв; Под общ. ред. В. С. Мясникова; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 222с.
109. Москалев, А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы) / А.А. Москалев. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 183 с.
110. Москалёв, А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949-1978) / А.А. Москалёв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – 213 с.
111. Мур, Дж. Э. Защита здравого смысла / Дж. Э. Мур // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Дж. Э. Мур. – М., 1998. – С. 130–154.
112. Мухарьямова, Л.М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Мухарьямова Л.М. – Москва, 2004. – 406 с.
113. Мыльцева, Н.А. Система языкового образования в неязыковых специализированных вузах (на материале английского языка): дис. канд. пед. наук: 13.00.02 / Мыльцева Н.А. / Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования). – Москва, 2008. – 433 с.
114. Нерознак, В.П. Законы о языках народов Российской Федерации и программирование языкового развития / В.П. Нерознак // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. – Элиста, 2000. – С. 193-197.
115. Нерознак, В.П. Русский язык в российском законодательстве / В.П. Нерознак, М.В. Орешкина, Р.Б. Сабаткоев // Полилог. – 2001. – № 1. – С. 15-30.
116. Нерознак, В.П. Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник / В.П. Нерознак. – Академия, 2002. – 384 с.

117. Никольский, Л.Б. Прогнозирование и планирование языкового развития / Л.Б. Никольский // докл. на VII Междунар. социолог. конгр. – М., 1970. – 14с.
118. Никольский, Л.Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 168 с.
119. Овхадов, М.Р. Социально-лингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Овхадов М.Р. – Теория языка. – Грозный, 2001. – 286 с.
120. Озаева, О.В. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: дис. ... канд. юр. наук: 23.00.02/ Озаева О.В.// Политические институты; Этнополитическая конфликтология; Национальные и политические процессы и технологии (юридические науки). – Ростов-на-Дону, 2008. – 175с.
121. Палажченко, П. Стратегия сдержанности: круглый стол «Экспертиза» на тему «Россия в современном мире: потенциал и возможные стратегии поведения» [Электронный ресурс]/ П. Палажченко. – Горбачев Фонд, 2004. – Режим доступа: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=387&art_id=23521.
122. Паниев, Ю. Мягкая сила Владимира Путина / Ю. Паниев // Независимая газета. – 10.07.2012. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 05.01.16).
123. Паршин, П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитические доклады / П.Б. Паршин. – Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. – 2013. – Выпуск 1 (36). – 40с.
124. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П.Б. Паршин // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2(35). – С. 14-21.
125. Петровский, В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры [Электронный ресурс]/В. Петровский//Международная жизнь:

Электронный журнал. – Режим доступа:
<https://interaffairs.ru/jauthor/material/905> – (дата обращения: 03.10.2016)

126. Поливанов, Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика / Е.Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 10-35.
127. Поливанов, Е.Д. Круг очередных проблем современной лингвистики / Е.Д. Поливанов // Русский язык в советской школе. – М., 1929. – № 1. – С. 57-62.
128. Помырляну, Н.А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы/Н.А. Помырляну// Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 71-78.
129. Пономарева, Е. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева // Однако. – 2015. – Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071>. – (Дата обращения: 25.07.2016.)
130. Платон. Сочинения / Платон, Кратил. –М.: 1968.
131. Пьянов, А.Е. Статус русского языка в странах СНГ / А.Е. Пьянов // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2011. – № 3 (47). – С. 55-59.
132. Рассел, Б. Об обозначении / Б. Рассел. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002.
133. Регзенова, Д.Б. Исторический опыт стратагемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Регзенова Д.Б. – Улан-Удэ, 2012. – 166с.
134. Ромашкин, В. В. Конституционно-правовые основы государственной языковой политики в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Ромашкин В. В. – М., 1999. – 23с.
135. Русакова, О.Ф. Дискурс softpower во внешней политике / О.Ф. Русакова //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – № 4. – С. 118-121.

136. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр./ Ж.Ж. Руссо. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле». – 1998. – 416 с.
137. Рязанцев, А. Кто мешает русской школе за рубежом? [Электронный ресурс] /А Рязанцев. – URL: <http://ruskiymir.ru/publications/86273/>. – (дата обращения: 19.01.2015).
138. Савинов, Л.В. Этнополитика в региональном измерении: Монография / Л.В. Савинов. – Новосибирск: СибАГС, 2012. – 388с.
139. Сафонова, В.В. Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления содержания языкового школьного образования / В.В. Сафонова, Н.И. Марченко // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 3. – С. 2-14.
140. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – С. 223-247.
141. Сергеева, А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» [Электронный ресурс] /А. Сергеева. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top-content. – (дата обращения: 21.09.2015).
142. Скачкова, И.И. Идеология английского одноязычия как основа языковой политики США / И.И. Скачкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Выпуск. 2. – С. 80-87.
143. Скачкова, И.И. Языковая политика и идеология стандартного языка в США / И.И. Скачкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 98-105.
144. Скачкова, И.И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий / И.И. Скачкова // Политическая лингвистика. – 2015а. – № 1 (51). – С. 126-131.
145. Словарь социолингвистических терминов/ отв. ред. доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.

146. Солнцев, В.М. Русский язык: проблема языкового пространства / В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: Статус и функции. – М.: Эдито риал УРСС, 2000. – С. 5.
147. Сорочкина, Н.Е. Интегративная модель билингвального обучения в современной российской школе: дисс. ... канд. пед. наук / Сорочкина Н.Е. – Великий Новгород, 2000. – 228 с.
148. Соссюр, Ф.де. Курс общей лингвистики / Ф.де Соссюр; под. ред. Ш. Балли, А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина; биографические и критические заметки Т. Де Мауро; примечания Ф. де Соссюре; пер. с франц. С. В. Чистяковой; под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. – 432 с.
149. Станкевич, Л.П. О лингвистическом повороте в философии XX века / Л.П. Станкевич, И.П. Полякова // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 4 (52). – С. 115-119.
150. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры/ Ю.С. Степанов. – М., 1997. – 838с.
151. Степугина, Т.В. Первые государства в Китае: История Древнего мира. Ранняя Древность/ Т.В. Степугина. – М.: Знание, 1983. – С.401-444.
152. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание /И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.
153. Стрябова, Ю. И. Языковая политика в молодых многонациональных государствах: на примере Центральноафриканской Республики, Камеруна и Сенегала [Электронный ресурс]: дис. и автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Стрябова Юлия Ивановна. – 165 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-politika-v-molodykh-mnogonatsionalnykh-gosudarstvakh-na-primere-tsentralnoafrikan>.
154. Стручков, К.Н. Социолингвистические проблемы обучения языкам коренных малочисленных народов Севера: состояние и перспективы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Стручков К.Н. – Барнаул: Теория языка, 2007. – 168с.

155. Суханова, Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России/ Н.Е. Суханова// Власть. – 2015. – № 12. – С. 79-84.
156. Телегин, Д.В. Языковые коммуникации в современном обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Телегин Дмитрий Владимирович. – М., 2008. – 182 с.
157. Темирболатова, А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда): Р-1.260 ГАСК; «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926-1937)) аспект: дис. ... филол. наук: 10.02.19 / Темирболатова А.И. / Теория языка. – Ставрополь: СГУ, 2012. – 314с.
158. Тимофеев, О.А. Дефиниции власти в современной политологии [Электронный ресурс]/О.А. Тимофеев. – Режим доступа: http://www.amursu.ru/attachments/article/9529/N54_6.pdf.
159. Токарева, Э.И. Языковая ситуация Древней Руси и возможности появления публицистических произведений / Э.И Токарева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №2. – С. 84-88.
160. Торкунов, А.В. Образование как «мягкая сила» во внешней политике России /А.В. Торкунов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4. – С. 85-93.
161. Тишков, В.А. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации: экспертный доклад [Электронный источник]/ В.А. Тишков и др. – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Центр национальных проблем образования Федерального института развития образования Министерства образования и науки Российской Федерации. – М., 2009. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2267868.html> – (дата обращения 18.02.2017)

162. Тухватуллина, Д.Н. Языковая ситуация в республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Тухватуллина Д.Н. – Казань, 2007. – 23 с.
163. Тухватуллина, Д.Н. Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02: Языки народов Российской Федерации / Тухватуллина Д.Н. – Казань, 2007. – 190 с.
164. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.) / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
165. Фадеев, В.В. Политико-правовые основы функционирования русского языка на постсоветском пространстве / В.В. Фадеев. – Москва, 2004.
166. Филимонов, Г.Ю. Мягкая сила культурной дипломатии США: монография / Г.Ю. Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.
167. Филимонов, Г. Ю. «Роль «мягкой силы» во внешней политике США [Электронный ресурс]: автореф. и дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04/ Филимонов Г. Ю. – М., 2013. – 422с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rol-myagkoi-sily-vo-vneshnei-politike-ssha>.
168. Фоминых, А. «Мягкая мощь» обменных программ / А. Фоминых // Международные процессы. Цикл расхождений в мировой системе. Том 6. – 2008. – № 1(16). – С. 76-85.
169. Фреге, Г. Логико-философские труды / Г. Фреге; пер. с англ., нем., франц. В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. – 2008. – 283с.
170. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1977. – вып. 8. – С. 181–210.
171. Хамидуллина, А. И. К вопросу о механизмах реализации языковой политики: пример “государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов республики Татарстан” / А.И.

- Хамидуллина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 98-103.
172. Харитонов, Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки [Электронный ресурс]/Е. Харитонов// Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №6. – С. 48-58. – Режим доступа: [http://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2015/48-58\(Kharitonova\).pdf](http://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2015/48-58(Kharitonova).pdf).
173. Хауген, Э. Лингвистика и языковое планирование / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – вып. VII. Социолингвистика. – М, 1975. – С. 441-472.
174. Хашимов, Р.И. Очерки по языковой политике и культуре: монография / Р.И Хашимов. – Елецкий гос. университет им. И.А. Бунина, 2003. – 120 с.
175. Хилзанова, Л.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Хилзанова Л.В. / Теория языка. – Улан-Удэ, 2009. – 344с.
176. Цыбенова, Ч.С. Современная языковая ситуация в республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол.х наук: 10.02.19 / Цыбенова Ч.С. / Теория языка. – Улан-Удэ, 2013. – 25с.
177. Цыренов, Б.Д. Языковое законодательство в республике Бурятия: шаги в разные стороны / Б.Д. Цыренов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / Б.Д. Цыренов. – М., 2014. – С. 194-199.
178. Чельшев, Е.П. Русский язык обретает государственную поддержку / Е.П. Чельшев // Вестник РАН. – 1997. – № 7. – С. 596-601.
179. Чертина, З.С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США [Электронный ресурс] / З.С. Чертина. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6036. – (дата обращения: 15.01.2016).
180. Чиканова, О.С. Реформа китайской письменности в XX в / О.С. Чиканова // Университетские чтения (вып. VI). – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – С. 5-7.

181. Чилингарян, М.В. Профессиональная подготовка будущих учителей иностранного языка к реализации региональной языковой образовательной политики: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Чилингарян М.В. /Теория и методика профессионального образования.– Ярославль, 2011. – 213 с.
182. Чихарев, И. А. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России [Электронный ресурс]/ И. А. Чихарев, О. В. Столетов// Мягкая сила № 4. – 2014. – 71с. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/media/publications/article/9c6/3b1/9605705/Chiharev_Stoletov_statya.pdf.
183. Чурилина Л.Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира / Л.Н. Чурилина // Изменяющийся языковой мир: материалы между- нар. науч. конф. Пермь, 2001. С. 103-105.
184. Шамшур, О.В. Государственный язык в США: за и против / О.В. Шамшур // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1990. – № 12. – С. 23-31.
185. Шахматов, А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка [Электронный ресурс] / А.А. Шахматов. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/shakhmat/shakh01.htm>. – (дата обращения: 18.12.15).
186. Швейцер, А.Д. Американский вариант литературного английского языка: путь формирования и современный статус / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С. 3-17.
187. Швейцер, А.Д. Введение в социолингвистику. / А. Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
188. Швейцер, А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А.Д. Швейцер. – М.:Наука, 1971. – 104 с.

189. Швейцер, А.Д. Социоллингвистика: Лингвистический энциклопедический словарь / А.Д. Швейцер. – М, 1990. – С. 481 – 482.
190. Ширин, А.Г. Билингвальное образование в отечественной и зарубежной педагогике: монография / А.Г. Ширин. – Великий Новгород: Издательство Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2007. – 250с.
191. Ширин, А.Г. Билингвизм: поиск подходов к исследованию в отечественной и зарубежной науке / А.Г. Ширин // Вестник Новгородского Государственного Университета. – 2006. – №36. – С. 63-68.
192. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1984.
193. Шхумишхова, А.Р. Языковая ситуация и языковая политика в современном поликультурном обществе / А.Р. Шхумишхова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – №2 (140) С.122-126.
194. Югуан, Ч. Модернизация китайского языка и письменности [Электронный ресурс] / Ч. Югуан // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. – М., 1989. С. 376-398. – режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics4/czhou_yuguan-89.htm. – (дата обращения: 10.01.16).
195. Юдин, Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы / Н.В. Юдин // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 96-105.
196. Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс?: монография / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
197. Юдина, Н.В. Русский язык в контексте современного глобализованного информационно-коммуникационного пространства / Н.В. Юдина // Вестник Российской академии естественных наук. – 2011/2.– С. 80-85.

198. Якоба, И.А. Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса: смысловитмическое / И.А. Якоба, С.С. Тимофеев // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 126-136.
199. Якоба, И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии [Электронный ресурс] / И.А. Якоба. – Режим доступа: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17jazykoznanie/537911-1-2014-yakoba-myagkaya-sila-sovremennoy-politike-diskursivnoy-tehnologii-yakoba-irina-aleksandrovna-kandidat-sociol.php>. – (дата обращения: 10.01.17).
200. Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. – М.: Наука, 1984. – 136 с.
201. Ярмач, Ю.В. «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса/ Ю.В. Ярмач // Дискурс-Пи. – 2014. – Т. 11, вып. № 4. – С. 69-75.
202. 中文 vs. English: борьба за первое место [Электронный ресурс] // Магазета. – 2012. – Режим доступа: <http://magazeta.com/2012/12/chinese-vs-english/>. – (дата обращения: 05.01.17).
203. Agnes, S.L. Lam Language Education in China : Policy and Experience from 1949/ S.L. Agnes. – Hong Kong University Press, 2005. – 274p.
204. Blachford, D. Language Planning and Bilingual Education for Linguistic Minorities in China: a Case Study of the Policy Formulation and Implementation Process [Электронный ресурс] / D Blachford. – 1999. – Режим доступа: <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/12687/1/nq41009.pdf>. – (дата обращения: 18.01.16).
205. Cooper, R.L. Language Planning and Social Change. / R.L. Cooper. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 216 p.
206. Coulmas, F. The Handbook of Sociolinguistics/ F Coulmas. – Oxford: Blackwell, 1998. – 387p.
207. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language. / D. Crystal. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 472 p.

208. Crystal, D. The Language Revolution: Themes for the 21st Century/ D Crystal. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 152 p.
209. Ding, Sheng SOFT POWER AND THE RISE OF CHINA: AN ASSESSMENT OF CHINA'S SOFT POWER IN ITS MODERNIZATION PROCESS [Электронный ресурс]/ Sheng Ding. – New Jersey: Newark, 2006. – Режим доступа: <http://dga.rutgers.edu/sites/default/files/uploads/2012/10/Ding-Soft-Power.pdf>
210. Ethnography and Language Policy / ed. by Teresa L. McCarty. – Routledge, 2010. – 328 p.
211. Fan, Y. Soft power: power of attraction or confusion?/ Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – Vol. 4, №. 2. – P. 147-158.
212. Ferguson, Ch. Language Structure and Language Use: Essays / Ch. Ferguson. – Stanford University Press, 1971. – 331 p.
213. Fettes, M. Interlingualism: A World Centric Approach to Language Policy and Planning / M. Fettes // Fettes M. Language in the 21st Century / Ed. by H. Tonkin, T.G. Reagan. – John Benjamins Publishing Company, 2003. – P. 47-58.
214. Fettes, M. Language planning and education: In R. Wodak & D. Corson (eds.)/ M. Fettes// Language policy and political issues in education. – Dordrecht: Kluwer Academic, 1997. – P. 13-22.
215. Fishman, J.A. The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. – Newbury House Publishers, 1972. – 250p.
216. Gil, J. The Promotion of Chinese Language Learning and China's Soft Power / J Gil // Asian Social Science. – Vol. 4. – 2008. – № 10. – P. 116-122.
217. Grey, Colin S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century [Электронный ресурс]/ Colin S. Grey. – Режим доступа: https://archive.org/details/HardPowerAndSoftPowerTheUtilityOfMilitaryForceAsAnInstrumentOf_842

218. Haugen, E. Planning for a Standard Language in Modern Norway / E. Haugen// Anthropological Linguistics. – 1959. – Vol. 1, №. 3.
219. John, S. Rohsenow Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. / S. John // Language policy in the People's Republic of China: Theory and practice since 1949 / S. John. – Boston, 2004. – P. 21-43.
220. Johnson, D.C. Hult Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide. John Wiley & Sons/ D.C. Johnson // Language Arts & Disciplines / D.C. Johnson. – 2015. – 280 p.
221. Johnson, D.C. Language Policy: Research and Practice in Applied Linguistics) / D.C. Johnson. – Palgrave Macmillan, 2013. – 308 p.
222. Joshua L. Miller Accented America. The Cultural politics of multilingual modernism/ L. Joshua Miller. – Oxford University Press, 2011. – 432 p.
223. Kaplan, R.B. Language Planning from Practice to Theory. / R.B. Kaplan, R.B. Baldauf. – Multilingual Matters, 1997. – 419 p.
224. Kloss, H. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. Quebec/ H. Kloss, A. Verdoodt. – International Center for Research on Bilingualism, 1969. – 91 p.
225. Kloss, H. The American bilingual tradition / H. Kloss. – Rowley, MA: Newbury House, 1998 (Original work published in 1977). – 489p.
226. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World (A New Republic Book)/ J. Kurlantzick. – Yale University Press, 2008. – 320 p.
227. Lagon, Mark P. The Value of Values: Soft Power Under Obama World Affairs [Электронный ресурс]/ Mark P. Lagon// Worldaffairsjournal. – September/October 2011. – Режим доступа: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/value-values-soft-power-under-obama>
228. Lam, A Language learning in China: The experience of four learners. / Agnes Lam // Reflections on English Language Teaching 4, 2005. – P. 1-14
229. Language loyalties: a source book on the official language controversy/ ed. by

- J. Crawford. – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. – 522 p.
230. Language Policies in Education: Critical Issues / ed. by J.W. Tollefson. – Routledge, 2012. – 328 p.
231. Language Policy: Research and Practice in Applied Linguistics / ed. by D.C. Johnson. – Palgrave Macmillan, 2013. – 308 p.
- Mattern, J. B. Why Soft Power Is Not So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics/ J. B. Mattern// Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, № 3. – P. 583-612.
232. McCarty, Teresa L. Ethnography and Language Policy [Электронный ресурс]/ Teresa L. McCarty. – Режим доступа: <http://warezaz.com/ebooks/ethnography-and-language-policy-3/>.
233. McGiffert, Carola Chinese Soft Power and Its Implications for the United States: Competition and Cooperation in the Developing World: A Report of the CSIS Smart Power Initiative [Электронный ресурс]/ Carola McGiffert. – 2009. – Режим доступа: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090403_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf
234. Montague, Z. The Chinese Language as a Soft Power Tool [Электронный ресурс] / Zach Montague // Kennedy School Review – Электрон. журн. – URL: <http://harvardkenedyschoolreview.com/the-chinese-language-as-a-soft-power-tool/>. – (дата обращения: 21.07.2015).
235. Nye, J.S., Jr. Think Again: Soft Power/ J.S. Nye Jr //Foreign Policy. – 2006. – P. 20-24.
236. Nye, J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Joseph S Nye. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.
237. Nye, J. S. Smart Power [Электронный ресурс] / Joseph S. Nye // Huffpost Politics. – Электрон. журн. – URL: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/smart-power_b_74725.html. – (дата обращения: 21.01.2015).

238. Nye, J.S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics* / Joseph S Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.
239. Nye, J. S/ *What China and Russia Don't Get About Soft Power* [Электронный ресурс] / S Joseph Nye Foreign Policy / S Nye. – URL: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>. – (дата обращения: 21.10.2015).
240. Nye, S *Think Again: Soft Power* [Электронный ресурс] / S Joseph Nye Foreign Policy / S Nye. – URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> – (дата обращения: 21.10.2015).
241. Ovando, C.J. *Bilingual Education in the United States: Historical Development and Current Issues* / C.J. Ovando // *Bilingual Research Journal*. – Spring 2003. – 27:1.
242. Ricento, T. *An introduction to language policy: Theory and method* / T. Ricento. – NY: Blackwell Publishing, 2005. – 384 p.
243. Ruiz, R. *Language Planning Considerations in Indigenous Communities* / R. Ruiz // *The Bilingual Research Journal*. – Winter 1995. – Vol. 19. – No. 1. – P. 71-81.
244. Schiffman, H. *Linguistic culture and language policy: The politics of language* / H. Schiffman. – London: Routledge, 1996. – 351 p.
245. Sheng, Ding *Soft Power And The Rise Of China: An Assessment Of China's Soft Power In Its Modernization Process Newark* [Электронный ресурс]/ Ding Sheng. – 2006. – Режим доступа: <http://dga.rutgers.edu/sites/default/files/uploads/2012/10/Ding-Soft-Power.pdf> – (дата обращения: 10.04.17).
246. *Sociopolitical Perspectives on Language Policy and Planning in the USA* / ed. by Thom Huebner, Kathryn A. Davis, John Benjamins. – Publishing Company, 1999. – 365p.
247. *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*/ ed. by Mingjiang Li. – Lexington Books, 2009. – 284p.

248. Spolsky, B. Language policy: Key topics in sociolinguistics. / B. Spolsky. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 250 p.
249. Spolsky, B. Towards a theory of language policy / B. Spolsky // Working Papers in Educational Linguistics. – 2007. – 22(1). – P. 1-14.
250. Stewner-Manzanares, G. The Bilingual Education Act: Twenty Years Later [Электронный ресурс] / G.Stewner-Manzanares // New Focus. – Fall 1988. – Number 6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ncela.ed.gov/files/rcd/BE021037/Fall88_6.pdf. – (дата обращения: 14.03.17).
251. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations (Studies in Diplomacy and International Relations)/ edited by J. Melissen. – Palgrave Macmillan, 2005. – 221p.
252. The Office of Chinese Language Council International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hanban.ca/hanban.php?lang=en>. – (дата обращения: 04.04.2015).
253. Wang, Y. Minority Language Policy and Practice in China:The Need for Multicultural Education [Электронный ресурс]: International Journal of Multicultural Education; Vol. 11 / Y. Wang, J. Phillion. – Электрон. журн. – 2009. – No. 1. — Режим доступа: <http://ijme-journal.org/index.php/ijme/article/viewFile/138/312>.
254. Wardhaugh, R. An Introduction to Sociolinguistics / R Wardhaugh. – Fifth edition Blackwell Publishing, 2006. – 426p.
255. Wright, S. Language Policy and Language Planning. From Nationalism to Globalisation / S. Wright. – Palgrave Macmillan, 2003. –328 p.
256. Ying, Fan Soft power: power of attraction or confusion?/ Fan Ying// Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – Vol. 4, № 2. – P.148
257. Zhao, Sh, Planning Chinese Characters: Reaction, Evolution or Revolution? / Sh. Zhao, R. Baldauf. – Springer, 2008. – 371p.

258. Zhou, M. Language Policy in the People's Republic of China / M. Zhou // Theory and Practice Since 1949 / M. Zhou // Language Policy. – Vol. 4. – Springer, 2004. – 343 p.
259. Zhou, M. The spread of Putonghua and language attitude changes in Shanghai and Guangzhou / M. Zhou // Journal of Asian Pacific Communication. – 2001. – 11 (2). – P.227-249.

Нормативные акты

260. Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (в ред. Указов Президента РФ от 13.11.2009 N 1285, от 27.12.2010 N 1622, от 04.01.2012 N 21, от 08.05.2013 N 476) [Электронный ресурс]. – URL: <http://rs.gov.ru/node/243>. – (дата обращения: 23.01.2015).
261. Послание Президента Федеральному собранию от 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим обращения: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107290/.
262. Послание Президента Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/14088> – (дата обращения: 29.01.2015).
263. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/17118> – (дата обращения: 29.01.2015).
264. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 492 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2011-2015 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/8717/11.06.20-fcpr.pdf>. – (дата обращения: 19.01.2015).

265. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2013 г. № 992 «О Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/media/files/41d49e446a37a844e7e2.pdf>. – (дата обращения: 19.01.2015).
266. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 29 декабря 2008 г. N 401 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84938/.
267. Распоряжение от 28 ноября 2013 года №2221-р «О составе Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/8621/> – (дата обращения: 19.01.2015).
268. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2014 г. № 2647-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/media/files/1EiDSUiCWXw.pdf>. – (дата обращения: 19.01.2015).

Интернет-ресурсы

1. <http://elementy.ru>
2. <http://kremlin.ru>
3. <http://ruscorpora.ru/>
4. <http://www.census.gov>
5. <http://www.hanban.ca/hanban.php?lang=en>
6. <http://www.intelros.ru>
7. <http://www.webcorpora.ru/>

Список проанализированных СМИ

США:

1. www.washingtonpost.com
2. www.nytimes.com

KHP:

3. <http://news.xinhuanet.com/english>
4. <http://www.shanghaidaily.com>
5. <http://usa.chinadaily.com.cn>

PΦ:

6. www.aif.ru
7. www.vedomosti.ru
8. <http://izvestia.ru>
9. www.kommersant.ru
10. <https://rg.ru>